

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Микалаускайте Елизавета Юлипонасовна

**ДИСКУРСИВНАЯ ОБРАБОТКА КУЛЬТУРНОЙ ЧУЖЕРОДНОСТИ В
ЛИТЕРАТУРНОМ КСЕНОАРРАТИВЕ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л.В. Куликова

Красноярск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	11
1.1. Нарратология как область гуманитарного знания	11
1.2. Типологические категории литературного нарратива	19
1.3. Специфика литературной коммуникации.....	25
1.4. Уровневая организация нарратива как аспект литературной коммуникации	33
1.4.1. Повествовательные инстанции автора	36
1.4.2. Повествовательные инстанции читателя	39
1.5. Функциональный подход к организации нарратива	45
1.6. Прагматический аспект нарратологической теории	49
1.7. Ксенонарратив как дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации.....	57
1.8. Конструктивные аспекты коммуникативной ситуации литературных ксенонарративов “Die undankbare Fremde” и “Girl in translation”	62
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	69
ГЛАВА 2. КСЕНОНАРРАТИВ КАК СПОСОБ ДИСКУРСИВНОЙ ОБРАБОТКИ КУЛЬТУРНОЙ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ФОРМАТЕ ЛИТЕРАТУРНО- НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ	73
2.1. Языковой и культурно-конвенциональный уровни дискурсивной обработки культурной чужеродности в ксенонарративе	73
2.2. Метафункция минимизации стресса адаптации.....	87
2.2.1. Стратегия идентификации чужеродности	88

2.2.2. Стратегия языковой аккультурации	103
2.3. Ксенонарратив как вербальный трансфер ментального опыта.....	116
2.3.1. Маркеры адресованности в ксенонарративе как репрезентация функции трансфера ментального опыта	117
2.3.2. Субъективизация авторского высказывания в художественной коммуникации ксенонарратива.....	126
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	150
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	169
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	201
ПРИЛОЖЕНИЕ В	245
ПРИЛОЖЕНИЕ Г	250

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической мысли такое направление науки, как нарратология, прочно вошло в ряд классических областей, имеющих сформированную теоретическую базу, широкий понятийный аппарат, разработанную методологию. Однако и сегодня в нарратологии есть место новым исследованиям, описывающим мало изученные до этого типы нарративного текста, особенности его структуры, содержательные характеристики, коммуникативно-прагматические аспекты анализа нарратива.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что исследование проводится в рамках нарратологической парадигмы знания с учетом положений коммуникативной лингвистики и определяется необходимостью нового ракурса изучения нарративного текста как дискурсообразующего элемента в пространстве литературной коммуникации. Изучение функций нарратива, тематически и прагматически отражающего коммуникативно-дискурсивную рефлексию автора литературного повествования в отношении опыта межкультурной адаптации, также усиливает перспективную современную направленность работы.

Объектом исследования выступает литературно-нарративная коммуникация в контексте межкультурного взаимодействия.

Предметом исследования являются способы и уровни дискурсивной обработки культурной чужеродности в литературном ксенонарративе. Единица анализа исследования - художественный нарратив о культурной чужеродности.

В качестве **гипотезы** исследования выдвигается положение о том, что литературный ксенонарратив реализует особые коммуникативные функции и стратегии, позволяющие осуществлять дискурсивную обработку культурно-языковой чужеродности.

Цель работы – выявление и комплексное описание средств и способов дискурсивной обработки культурной чужеродности в литературном ксенонарративе в фокусе коммуникативно-прагматического подхода.

Поставленная цель требует выполнения ряда **задач**:

1. Изучение классических и современных работ в области нарратологии для формирования теоретической базы исследования.
2. Анализ научных трудов, рассматривающих коммуникативную сторону нарратива, для выявления сущности литературно-нарративной коммуникации.
3. Описание роли и особенностей литературного ксенонарратива в процессе литературно-нарративной коммуникации.
4. Выделение способов и уровней дискурсивной обработки коммуникативного контекста чужеродности, реализующихся на разных языковых уровнях, а также в описании культурно-конвенциональных особенностей другой лингвокультуры.
5. Изучение прагматического аспекта дискурсивной обработки в литературном ксенонарративе.
6. Исследование функций литературного ксенонарратива.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые комплексно проанализирован ранее не описанный тип литературно-нарративной коммуникации – литературный ксенонарратив, рассматриваемый в исследовании как способ дискурсивной обработки культурно-языковой чужеродности на языковом, культурно-конвенциональном и функционально-прагматическом уровнях.

Материал исследования – тексты 1) романа чехословацкой писательницы И. Брежна «Die undankbare Fremde», изданного в 2012 году на немецком языке; 2) романа “Girl in translation” писательницы из Китая Джин Квок, изданного в 2010 году на английском языке. Оба романа представляют собой перволичный ксенонарратив, в котором главные герои описывают собственный опыт культурно-языковой адаптации в чужой лингвокультуре. Избранный материал соответствует решению поставленной проблемы – изучению особенностей литературного ксенонарратива в формате литературно-нарративной коммуникации на основе дискурс-аналитического и коммуникативно-прагматического подходов.

Материалом исследования также является корпус читательских отзывов на английском, немецком и русском языках, демонстрирующий специфику литературных ксенонарративов.

Методологической базой исследования послужили труды зарубежных и отечественных ученых в области нарратологии (W. Labov, J. Waletzky, Ц. Тодоров, В. Шмид, Ж. Женетт, В.И. Тюпа, Е.Г. Трубина, М.Ю. Олешков, Е.А. Попова), отечественных формалистов (В.Я. Пропп, В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский), лингвистов (М.М. Бахтин, Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова), работы по лингвистической теории межкультурной коммуникации (W.B. Gudykunst, R.W. Casson, E.T. Hall, О.А. Леонтович, Л.В. Куликова, Ю.И. Детинко, Я.В. Попова), в области прагмалингвистики (Т. Ван Дейк, И.П. Сусов, А.А. Гаврилина, М.Б. Бергельсон, А.С. Комаров, Е.Г. Корнышкова), лингвистики нарратива (Е.В. Падучева, Е.А. Попова, В.А. Андреева), коммуникативной, функционально-прагматической лингвистики (Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Е.В. Падучева, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Н.И. Формановская, И.А. Стернин, М.Л. Макаров). Названные труды позволили сформулировать теоретические основания для настоящей работы, а также сформировать методологический подход к исследованию литературно-нарративной коммуникации.

Основными **методами** исследования в работе являются нарративный анализ – тематический и структурный подходы, метод дискурсивного анализа нарратива и контекстуального анализа. Метод интен-анализа использовался для реконструкции интенций говорящего/пишущего и выявления функций ксенонарратива; интерпретативный анализ – при описании авторских стратегий в ксенонарративе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней представлена методика описания процесса дискурсивной обработки культурно-языковой чужеродности в ксенонарративе; терминологизируются новые понятия – литературно-нарративная коммуникация, ксенонарратив, дискурсивная обработка культурно-языковой чужеродности; разработаны модели коммуникативно-

дискурсивных уровней в исследуемых романах; выделяются функции и стратегии ксенонарратива; систематизируется корпус читательских рецензий.

Практическая значимость исследования видится в том, что его результаты могут быть включены в курс преподавания теории языка, межкультурной коммуникации, спецкурсы по коммуникативной лингвистике, практическому курсу иностранного языка и семинарские занятия по стилистике и анализу текста.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Литературно-нарративная коммуникация – особый тип несобственно-прямого или опосредованного взаимодействия на основе литературного текста, реализующегося на внутритекстовом уровне через дискурс повествователя и персонажей, а на внешнетекстовом коммуникативном уровне – через дискурс автора и читателя.

2. Ксенонарратив определяется в работе как литературное повествование, тематически погружённое в контекст межкультурного взаимодействия, прагматически отражающее способ дискурсивной обработки культурной чужеродности и интенционально направленное на вербальный трансфер ментального опыта от автора-адресанта к читателю-адресату в формате литературно-нарративной коммуникации.

3. Модель коммуникативных уровней литературного ксенонарратива состоит из следующих элементов: повествовательные инстанции автора и читателя; пресуппозиции конкретного автора; стратегии, направленные на выполнение функций ксенонарратива. Модель включает также корпус читательских отзывов, рассматриваемый как отдельное текстовое пространство.

4. Под дискурсивной обработкой культурной чужеродности понимается процесс вербальной рефлексии инокультурного опыта в литературном ксенонарративе на основе разноуровневых языковых средств и осмысления культурно-конвенциональных норм другой лингвокультуры с целью минимизации стресса межкультурной адаптации.

5. Нарратив как сложная структура и тип дискурса выполняет разнообразные функции, связанные с моделированием реальности, трансляцией информации, воздействием на слушателя. В ситуации межкультурного контекста литературный ксенонарратив выполняет метафункцию – минимизация стресса адаптации и актуализирует регулятивную функцию нарративного текста в качестве вербального трансфера ментального опыта.

6. Метафункция минимизации стресса адаптации реализуется за счет двух авторских стратегий: идентификации чужеродности и языковой аккультурации. Стратегия идентификации чужеродности – экспликация разделения на “они” и “мы”, сопоставление дискурсивных границ «своего» и «чужого» – формируется за счет маркированной лексики, стилистических приемов и композиционных тактик. Стратегия языковой аккультурации представляет собой процесс становления вторичной языковой личности. Коммуникативный акт повествования позволяет нарраторам формировать собственную вторичную языковую личность и транслировать свой опыт читателю.

7. Трансфер ментального опыта определяется в работе как передача личностно «нагруженной» информации/знаний о мире во времени и пространстве, что создает основу для адекватной интерпретации нарративного высказывания. Результат трансфера вербально оформленного опыта преодоления чужеродности в ксенонарративе репрезентирован в исследовании через анализ корпуса читательских рецензий. Данный источник продемонстрировал успешность реализации стратегии субъективизации авторского высказывания - максимального восприятия адресатом интенций автора ксенонарратива.

Апробация работы. Положения и результаты работы обсуждались на заседании научно-консалтингового центра исследований дискурса и межкультурной медиации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, на Международной конференции «Проблемы современной лингвистики, литературоведения и методики преподавания филологических курсов» (Кемерово, 2015), ежегодной

Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2015-2019), VII Международной научной конференции «Национальный миф в литературе и культуре: образ другого» (Казань, 2019).

По теме исследования опубликовано 6 статей, из них – 3 статьи в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка литературы и приложения. Общий объём работы составляет 257 страниц, объём страниц основного текста – 168. Во **введении** обосновываются актуальность тематики и научная новизна исследования; описываются теоретическая и практическая значимость; формулируются объект, предмет, цель и задачи работы; характеризуются материал и методологическая основа; выносятся положения на защиту.

В **первой** главе «Понятие литературно-нарративной коммуникации в современном языкознании» систематизируются имеющиеся теоретические подходы к исследованию нарратива, рассматривается специфика литературного нарратива и литературной коммуникации как уровневой организации повествования, формулируется определение ксенонарратива, анализируются прагматические особенности литературного ксенонарратива, дается описание конструктивных аспектов исследуемых литературных ксенонарративов и их основных функций.

Вторая глава «Ксенонарратив как способ дискурсивной обработки культурной чужеродности в формате литературно-нарративной коммуникации» посвящена выявлению и описанию функционально и прагматически обусловленных языковых и культурно-конвенциональных средств дискурсивной обработки коммуникативного контекста чужеродности в романах “Die undankbare Fremde” («Неблагодарная чужестранка») И. Брежна и “Girl in translation”

(«Девушка в переводе») Дж. Квок, а также прагмалингвистическому анализу читательских корпусов разноязычных отзывов на данные тексты.

В выводах по главам и **заключении** резюмируются основные результаты и общие итоги проведённого исследования, указываются сферы их возможного применения и перспективы дальнейшей разработки данной проблематики.

Список литературы включает используемые и цитируемые в диссертации научные труды (201 наименование, включая 31 на иностранных языках).

В приложении представлены 3 корпуса отзывов читателей на русском, английском и немецком языках.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Нарратология как область гуманитарного знания

«Нарратив» происходит от латинского “narrare” – «рассказывать, повествовать» и этимологически связан с латинским словом gnarus, то есть «знающий», «эксперт», «осведомлённый в чём-либо», восходящим, в свою очередь, к индоевропейскому корню gna- («знать»). До первого века н. э. термин narratio использовался как технический термин, обозначающий часть речи оратора, следующей за провозглашением тезиса. Впоследствии термин был расширен и означал уже изобретательное рассказывание историй, которое также рассматривалось как часть риторики. Слово «наррация» исторически означало «дать устный или письменный отчёт о чём-то, рассказать историю» [Трубина, 2002, с. 9].

В трактатах Аристотеля «Поэтика» и «Риторика» впервые были представлены понятия «изложение» и «повествование», которые позднее стали учитываться в нарратологически ориентированных исследованиях. Следует отметить, что внимание Аристотеля было направлено на приемлемость изложения и повествования для аудитории и шире – на целеполагание повествователя. В русских риториках В.Т. Плаксина (1843), М.Ф. Пуле (1866), Н.М. Ливанова (1913), А.И. Галича (1830) XII – начала XX вв. [Тумина, 2002] изучение целей и интенций говорящего получило дальнейшее развитие. Внимание авторов риторик привлекали вопросы, касающиеся отличительных черт повествования как типа речи; особенностей построения повествовательных текстов; типологии повествовательных жанров. Иными словами, исследователи заостряли внимание не только на правилах осуществления повествования, но и на его свойствах и формах реализации. Подобное расширение числа изучаемых проблем демонстрировало осознание авторами риторик того факта, что

формулирование правил должно основываться на понимании свойств повествования (знание качеств повествования как механизма трансляции точки зрения автора способствует текстовой оптимизации). Авторами русских риторик был сделан значительный вклад в изучение качеств, обеспечивающих влияние повествования, – целесообразности, последовательности и связности [см. Артёмова, 2008].

В лингвистике и литературоведении начала XX века в связи с изменением научной парадигмы целеориентированный аспект изучения повествования вытеснился формальным, в результате чего повествование стало рассматриваться с точки зрения его структурных признаков. В это время в рамках разнообразных теорий нарратива исследователи начали изучать природу нарративных текстов, их формы и функционирование, общие черты, присущие всем возможным типам нарративов, а также систему правил, в соответствии с которыми нарративы создаются и развиваются. Наиболее важные исследования проводились в русле теории русских формалистов (В. Пропп, Б. Эйхенбаум, В. Шкловский), а также в структуралистских и семиотических теориях (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ц. Тодоров, А. Греймас, Ж. Женетт).

В работах формалистов были выдвинуты следующие проблемы: установление единиц повествовательного текста, выявление типов связей между ними и описание приемов управления читательским вниманием.

Активное изучение повествования в литературоведении и лингвистике XX века было задано публикацией в 1928 году «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Проппа, в которой автор исследовал форму повествовательных текстов. В работе представлена попытка установления закономерностей повествовательного текста через выделение сегмента действия – функции, понимаемой автором как «поступок действующего лица, определённый с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп, 2001, с. 22].

Другой аспект, разрабатываемый в «Морфологии волшебной сказки», состоял в описании порядка функций и способов их сцепления. В.Я.Пропп так же, как и Аристотель, и авторы русских риторик, выделял два типа связи элементов повествования: хронологический и казуальный. Хронологическая связь элементов события отождествляется автором с «правильным чередованием», а каузальная связь характеризует «ход» сказки [Пропп, 2001, там же].

Продолжение намеченного В.Я. Проппом пути было осуществлено в трудах таких русских формалистов, как Г.А. Гуковский, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум. В их исследованиях обстоятельному анализу подверглась формальная организация текста, а содержание оказывается в исключительно подчинённом положении: «Форма создаёт для себя содержание» [Шкловский, 1983, с. 37].

Вклад формалистов в разработку нарратологической проблематики состоял в разграничении таких понятий, как «фабула» и «сюжет». Трактовка фабулы как материала и сюжета как формы актуальна, потому что демонстрирует способы оперирования событийным рядом. Так, Б.В. Томашевский понимал фабулу как «совокупность событий в их взаимной внутренней связи», а сюжет как «художественно построенное распределение событий в произведении» [Томашевский, 1999, с. 119].

Таким образом, в рамках формальной школы произведение рассматривалось как целое, но исследования повествования как композиционной формы и особого типа текста не проводилось. Заслуга формалистов состоит в установлении единиц повествования и развитии идей о способах оперирования событийным содержанием.

Труды французских структуралистов Р. Барта (1987), К. Бремона (2000), А.-Ж. Греймаса (2000), Ж. Женетта (1998) в русле литературоведения продемонстрировали повышающийся интерес к художественному нарративу,

который привёл к возникновению новой самостоятельной дисциплины – нарратологии. В их работах впервые было введено понятие нарратива. Целью ряда исследований стало создание универсальной модели нарратива, в связи с этим были установлены единицы и закономерности нарратива, обеспечивающие его конструирование. При этом в их работах термины «нарратив» и «повествование» не дифференцировались, а использовались как синонимы и полностью взаимозаменялись.

В данной работе мы используем понятия «нарратология» и «теория повествования», а также «нарратив» и «повествование» как синонимичные. При этом нарратологию как научное направление мы рассматриваем в широком смысле – не ограничивающейся художественной литературой, но охватывающей все возможные типы нарративов – и принимаем самое общее определение нарратологии вслед за В. Шмидом: «Нарратология – это теория повествования» [Шмид, 2003, с. 9].

Наиболее полно модели нарратива как структуры повествовательного текста и повествовательного акта представлены в работах Р. Барта и Ж. Женетта.

Ж. Женетт предлагает трёхуровневую модель создания нарратива: «1) «история» – для повествовательного означаемого или содержания; 2) «повествование» – для означающего, высказывания, дискурса или собственно повествовательного текста; 3) «наррация» – для порождающего повествовательного акта и, расширительно, для всей в целом реальной или вымышленной ситуации, в которой соответствующий акт имеет место» [Женетт, 1998, с. 310]. <...> Именно в этой модели указывается необходимость разграничения повествования как готового текста и как процесса/акта, обозначаемого термином «наррация». В современной лингвистике данный термин не закрепился, однако проведённая дифференциация является ценной, особенно в связи с изучением речевых актов.

Р. Барт осуществляет структурный анализ нарратива как повествовательного текста, предполагающий смысловое членение целого на единицы [Барт, 1987].

Исследователи этого направления значительно развили теорию повествования. В «Словаре нарратологии», изданном в 1988 году, Дж. Принс использует этот термин в двух значениях.

Во-первых, нарратология – это «родившаяся под влиянием структурного подхода теория нарратива. Нарратология изучает природу, форму и функционирование нарратива (независимо от формы репрезентации) и пытается описать нарративную компетенцию. В частности, она изучает то общее, что имеют все нарративы и только нарративы (на уровне сюжета, повествования и их отношений), так же, как и то, что отличает их друг от друга, и пытается объяснять способность порождать и понимать их» [Prince, 1988, p. 65].

Во втором значении нарратология изучает нарратив в качестве «вербальной формы представления ситуаций и событий, организованных во временном плане. В этом, более узком, смысле нарратология не рассматривает сам по себе уровень сюжета, а фокусирует внимание на возможных отношениях между сюжетом и нарративным текстом, рассказом и нарративным текстом, сюжетом и рассказом. Специально она исследует проблемы времени, модальности и позицию (голос) [Prince, 1988, p. 65].

В той же словарной статье Дж. Принс указывает на коммуникативную и прагматическую природу нарратива, определив его как “передачу (как итога и процесса, объекта и акта, структуры и структурирования) одного и более реальных или же вымышленных событий, о которых рассказывает один, два или несколько (более или менее явных) повествователей одному, двум или же нескольким (более или менее явным) адресатам [Prince, 1988, p. 58].

Выделив существенные характеристики нарратива из вышперечисленных теорий и определений, можно сказать, что обязательными критериями

нарратива являются наличие говорящего субъекта – нарратора, употребление прошедшего времени (или маркеры последовательности и длительности), использование эпизодической информации [Бергельсон, 2005], а также наличие в центре повествования события с обязательными структурными составляющими: завязкой, тематической, последовательной, логической связью событий, развязкой и личным отношением повествователя.

Труды структуралистов оказали значительное влияние на изучение нарратива, поскольку в них рассматривается процесс конструирования нарратива как повествовательного текста и выделяются его элементы. Их идеи легли в основу современных работ в области нарратологии.

Вплоть до второй половины XX века нарратология воспринималась как дисциплина, изучающая преимущественно литературный текст. Однако восьмидесятые годы XX века ознаменовали собой начало «нарративного поворота» в социальных науках. Й. Брокмейер и Р. Харре объясняют причины такого «поворота»: “Отправной точкой нового интереса к нарративу в гуманитарных науках является, по-видимому, «открытие» в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная, и написанная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования” [Брокмейер, Харре, 2000, с. 30]. Категория нарративности получила широкое распространение в специальных и междисциплинарных работах, обрела богатое концептуальное наполнение. Исследователи, изучающие нарратологические принципы, цели и достижения (J-M. Adam (2011), Ж. Женетт (1998), Р. Барт (1987), Дж. Принс (1988) связывали факт расширения горизонта исследований и значительного увеличения их количества в этой сфере с осознанием важности повествований в человеческой жизни, с пониманием, что они сосредоточены не только в литературных текстах и повседневном языке, но и в научном дискурсе, что

нарратологические понятия и аргументы используются не только в областях исследования, связанных с художественной литературой.

«Нарративный поворот» привёл к переходу от «классической» версии нарратологии, характеризующейся сосредоточенностью на формально-синтаксических характеристиках нарратива, возможностью строгого научного изучения текстов лингвистическими средствами, к «современной» версии, связанной с прагматикой нарратива. Развитие социолингвистических исследований, теории коммуникации, возросший интерес к личности адресата связано с ростом внимания к прагматике повествования. Сформировалось представление, что нарратив «должен рассматриваться не только как объект либо продукт, но и как процесс, точнее говоря, как обусловленное конкретной ситуаций взаимодействие двух сторон (рассказчика и получателя, воспринимающего), обмен между ними, обусловленный желанием, как минимум, одной из этих сторон» [Трубина, 2002, с. 15].

В современной отечественной и зарубежной лингвистике существует множество работ, посвященных изучению разных типов нарратива: политического, автобиографического, художественного, иронического, эпического, устного бытового (Шейгал 2007, Кириллов 2007, Чернякова 2007, Кукес 2003, Шилихина 2013, Петров 2007, Магнес 1993) и др. Помимо содержательных видов повествовательных текстов активно изучаются различные аспекты существования и функционирования нарратива: коммуникативный, когнитивный, дискурсивный, композиционный, культурный (Артемова 2008, Попова 2002, Алифанова 2010, Егоршина 2002, Геращенко 2010, Алещанова 2006, Татару 2011, Кириллов 2007) и др. Целый ряд работ связан с анализом особой группы художественных текстов – литературного нарратива (Андреева 2006, 2007, 2009, Попова 2002, 2008, Чувильская 2009, Леонтьева 2005, Будыкина 2004, Глушкова 2002, Филистова 2014, Жданова 2007 и др.), который находится в фокусе исследования и в настоящей диссертации.

Литературный нарратив как особый тип повествовательного текста, находящийся в условиях вторичной коммуникативной ситуации, обладает рядом признаков, отличающих его от других типов нарратива. Благодаря методам лингвистического анализа возможно извлечение из ткани повествования языковых средств организации и понимания действительности автором литературного нарратива.

Таким образом, нарратология как наука о повествовании берет начало в Античности, в трудах Аристотеля и Платона о риторике. Исследователи занимались изучением процесса рассказывания в воздействующем отношении вплоть до XX столетия, до смены научной парадигмы. Отечественные формалисты и зарубежные ученые-структуралисты анализировали нарративную структуру, описывали отдельные элементы, развивали идеи о способах конструирования содержания. Эти многочисленные работы сформировали глобальную теоретическую базу для современных представлений о нарративе в русле антропоцентрического подхода к изучению языка и текста. «Нарративный поворот», связанный с обращением множества гуманитарных наук к повествованию, привел к смене фокуса исследования нарратива: от формальных характеристик к прагматическим, коммуникативным. В рамках прагматического подхода к нарративу создано и настоящее исследование, объектом исследования которого выступает специальный тип повествовательного текста – литературный нарратив, обладающий особыми языковыми, композиционными, прагматическими и коммуникативными свойствами, анализ которых позволяет обнаружить способы организации и понимания действительности в ткани повествования.

1.2. Типологические категории литературного нарратива

К нарративным текстам относятся разные виды текстов, рассказывающие в определенной последовательности о событиях, происходивших в прошлом: это могут быть как художественные произведения, так и бытовые разговоры, дневниковые записи, летописи и пр. Как отмечает Е.А. Попова, «Художественный текст – не единственное, но самое яркое и сложное проявление нарративности – образует один из типов нарратива – литературный. Литературный нарратив – это художественный текст, созданный человеком (автором) для других людей (читателей) и рассказывающий о людях и происходящих с ними событиях» [Попова, 2002, с. 222].

В.А. Андреева рассматривает литературный нарратив и в качестве дискурса, и как текст. В качестве дискурсивного образования литературный нарратив определяется как «особая, отличная от других стратегия текстообразующего освоения мира» [Андреева, 2007, с. 65] или «стратегия текстопорождения, которая является средоточием коллективного (сверхличного) опыта текстообразующего освоения мира» [Андреева, 2006, с. 39]. Литературно-повествовательные тексты представляют собой осуществление нарративного дискурса. Тексты «воспроизводят этот «сверхличный» опыт, что является условием успешного социального взаимодействия людей друг с другом, делая личное высказывание понятным для того (тех), к кому оно обращено» [Андреева, 2006, с. 39].

Центральными категориями, характеризующими специфику литературно-нарративных текстов, исследователь называет литературность и нарративность. Под литературностью понимается «признак (или свойство) высказывания (текста), относящий (относящее) это высказывание (текст) к литературному дискурсу, или, если использовать традиционный термин, литературе» [Андреева, 2009, с. 16]. Литературность включает два аспекта – конститутивно-

типологический (конститутивный режим по Ж. Женетту [Женетт, 1998, с. 471]) и аксиологически-нормативный (кондициональный режим по Ж. Женетту). В конститутивно-типологическом аспекте «литературность характеризует те или иные речевые высказывания (тексты) как частные манифестации литературного дискурса с его специфическими (на данном историческом этапе) особенностями, неким общим фондом свойств, форм организации и приемов членения [Андреева, 2007, с. 68]. Аксиологически-нормативный аспект литературности – «определенная, исторически изменчивая система эстетических оценок или критериев» [Андреева, 2007, с. 68].

Каждый из аспектов литературности обладает набором критериев, описывающих как формальную, так и содержательную сторону текста и относящих его к литературному дискурсу. В конститутивно-типологическом аспекте одним из таких критериев выступает фикциональность, когда денотаты в художественном тексте не имеют соответствий в реальной действительности, являются мнимыми, порожденными в процессе художественной коммуникации. Однако фикциональными являются не только художественные тексты, но и относящиеся, например, к рекламному, дидактическому дискурсам. С другой стороны, тексты, имеющие референты в реальном мире, такие, как мемуары, дневники, письма, не являются фикциональными, но принадлежат к пространству литературного дискурса. Критериями конститутивно-типологического аспекта являются также формы организации и принципы членения текста – жанровая организация и композиционное построение литературно-нарративного текста.

Аксиологически-нормативный аспект литературности «ориентирован на обоснование причин, по которым то или иное высказывание (текст) как экземпляфикация литературного дискурса становится (или перестает быть) эстетическим объектом (или художественным произведением)» [Андреева, 2009, с. 17]. Принято считать, что для определения художественности объекта

искусства существуют только субъективные оценки. Однако у таких оценок присутствуют некоторые объективные критерии. Во-первых, это культурный контекст, воздействующий на вкусы и интересы реципиента. Во-вторых, на формирование эстетической оценки оказывает влияние код – естественный язык, максимально проявляющий свою глубину в художественной коммуникации.

Нарративность – вторая категория литературно-нарративного дискурса – определяется как «специфическая стратегия текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [Андреева, 2007, с. 65]. Нарративность противопоставляется другим стратегиям текстообразования – перформативности, итеративности и дескриптивности. При этом почти во всех нарративных текстах встречаются все стратегии текстообразования, что свидетельствует о полидискурсивности литературного нарратива.

Выделяются следующие критерии нарративности:

1. Критерий выявленности повествователя, который выражается через грамматическую форму лица, от которого ведется повествование (1-е или 3-е лицо).
2. Критерий повествовательной перспективы – степень охвата повествователем фикционального мира. Существует неограниченная повествовательная перспектива, где нарратор «всеведущ», и ограниченная, связанная с определенной «точкой зрения».
3. Критерий модуса – разделение субъектов порождения и восприятия речи [Андреева, 2007, с. 66–67].

Еще одним ключевым критерием нарратива многие исследователи называют особый временной порядок нарратива, или темпоральность. События

в нарративе располагаются в линейном, хронологическом порядке. По словам В.Шмида, «Тексты, называемые нарративными в структуралистском смысле слова, излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую историю» [Шмид, 2003, с. 10]. Последователи структуралистского подхода к нарративу (Лабов, Окс, Капс) считали темпоральность базовой категорией нарратива: личный нарратив – это «способ использования языка или другой символической системы для выстраивания жизненных событий в хронологическом и логическом порядке» [Ochs, Carps, 2001, с. 2].

Центральной категорией нарративности В.А. Андреева называет событие. Событие определяется (Н.Д. Арутюнова, Ю.М. Лотман, Б. Томашевский, В.А. Андреева) как минимальная единица повествования, мотив, элемент нарратива, фиксирующий изменение. Событие имеет двуединую природу, для которой характерны «неслиянность и неразделенность двух событий»: «рассказываемого события» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403]. Предполагается, что в ходе нарратива обязательно должны произойти событийные изменения: «временная организация событий – необходимое, но недостаточное условие для формирования истории/фабулы. Событийная канва повествования должна отражать нарушение первоначального состояния равновесия, изменение ситуации качественно или просто во времени, т.е. элементы нарратива должны быть связаны не только временными, но и трансформационными отношениями» [Троцук, 2006, с. 79].

Литературный нарратив является объектом исследования и для такого научного направления, как лингвистика нарратива (Е.В. Падучева, Е.А. Попова). Фокус исследования лингвистики нарратива сосредотачивается на диалоговой природе нарративного текста, на коммуникативном взаимодействии участников внешнетекстового и внутритекстового уровней – процессе литературно-нарративной коммуникации.

Литературный нарратив демонстрирует разнообразие диалогового взаимодействия на внешнем уровне повествования – между абстрактным автором и читателем. Автор и повествователь выбирают подходящий тексту тип повествования – «форму коммуникации между повествователем и читателями, предопределяющую характер организации словесно-речевой ткани художественного текста» [Попова, 2008, с. 224].

На протяжении развития литературного творчества и словесного искусства было создано несколько типов повествования:

Традиционный нарратив, разделенный на два подтипа:

Перволичный нарратив – повествование от 1-го лица с персонифицированным повествователем-рассказчиком (человеком), принадлежащим миру текста и обладающим прагматической мотивированностью. Этот тип повествования широко представлен в литературе XVIII в.: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Робинзон Крузо» Д. Дефо.

Третьеличный нарратив – повествование от 3-го лица с неперсонифицированным всезнающим повествователем-творцом, не принадлежащим миру текста и не обладающим прагматической мотивированностью. Такая разновидность актуализировалась в литературе XIX в.: произведения Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского.

Нетрадиционный нарратив – несобственно прямой дискурс с неперсонифицированным повествователем, который, зная все, своего всезнания не показывает, а, напротив, старается быть незаметным, «пропускает» на передний план героя. Несобственно-прямой дискурс реализуется в литературе XX-XXI вв.: «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «Белая гвардия» М.А. Булгакова. [Попова, 2002, с. 224].

Каждый из представленных типов повествования представляет пространство для реализации литературно-художественной коммуникации

между автором текста и его читателями. Литературная коммуникация является особым, неканоническим типом взаимодействия адресата и адресанта.

Типологически литературный нарратив принадлежит к пространству литературного дискурса в соответствии с критерием фикциональности, в том числе к этому относятся и тексты, соотносящиеся с реальностью – мемуары, дневники. Художественные тексты – материал настоящей диссертации – имеют биографическое основание, однако они порождены в процессе художественной, мнимой коммуникации, что позволяет определять их в качестве литературных нарративов. С точки зрения аксиологического аспекта, литературный нарратив должен быть включен в культурный контекст, языковые средства текста должны соответствовать эстетическим представлениям реципиента о художественности объекта искусства. В практической главе диссертации продемонстрированы оценочные суждения реципиентов исследуемых литературных нарративов, свидетельствующих о принадлежности материала к пространству литературного, художественного дискурса.

Литературный нарратив характеризуется и традиционными критериями нарративности: выявленность повествователя, повествовательная перспектива, модус, темпоральность, событие. Перечисленные критерии ярко проявляются в исследуемом в диссертации материале, что отражено в практической части работы.

Опираясь на перечисленные исследования, мы определяем литературный нарратив как дискурсивное образование, характеризующееся критериями литературности и нарративности и являющееся коммуникативным событием. Важным и наиболее интересным для автора настоящей работы аспектом изучения литературного нарратива является его коммуникативная природа – особенности диалогового взаимодействия автора и читателя в условиях опосредованной коммуникативной ситуации.

1.3. Специфика литературной коммуникации

Во второй половине XX в. в отечественной лингвистике отчетливо наметились тенденции, связанные с утверждением нового направления лингвистического знания – коммуникативного, функционально-прагматического. В этом подходе объединяются терминологические аппараты и методы ряда научных направлений, объединенные для изучения языковых процессов в актах коммуникации, а также для анализа прагматических свойств единиц языка в соответствии с ситуацией общения. Для коммуникативно-прагматического поворота были характерны антропоцентризм и текстоцентризм, функционализм, тенденция к интеграции со смежными областями знания (экспансионизм), экспланаторность, акцент на экстралингвистических факторах общения, интерпретационализм [Кубрякова, 203, с. 209]. Рассмотрение языка в коммуникативном аспекте (Караулов 2002, Кубрякова 1995, Демьянков 1983, Падучева 1996, Карасик 2002, Кибрик 1992, Кибрик, Плунгян, 1997, Формановская 2002, Стернин 2012, Макаров 2003) обратило внимание на личности говорящего и слушающего, особенности их взаимодействия.

Достаточно ярко признаки коммуникативно-функционального подхода проявляются в текстовых исследованиях. Если в XX веке текст являлся лишь материалом для изучения отдельных языковых единиц, то с лингвистическим поворотом изменилось и понимание текста. Лингвистика текста избирает своим предметом «признаки и характеристики (как структурные, так и функциональные) текста как коммуникативной единицы высшего уровня, как цельного речевого произведения. Коммуникативность текста понимается как степень его обращенности к читателю» [Валгина, 2003, с. 6]. Текст становится “социально-речевым произведением” [Маслова, 2003, с. 10], развивается экспансионизм – расширение методологической базы за счет смежных

дисциплин: теории речевых актов, функциональной стилистики, прагматики, психолингвистики, литературоведения.

В рамках лингвистики текста появляются работы, посвященные как общей лингвистике текста (И.Р. Гальперин, 2006; Т.М. Николаева, 1977), так и прагмалингвистике текста (Т. ван Дейк, 1988, 1989; Л.А. Киселева, 1971; Г.В. Колшанский, 2007). Некоторые работы обозначают свою научную область как «коммуникативную теорию текста» (Е.В. Сидоров, 2010; О.Л. Каменская, 1990; Н.Н. Кудашова, 2017), которая называет своей задачей «изучение форм и процессов функционирования языка в его социальной обусловленности и взаимосвязи с коммуникативными факторами» [Каменская, 1990, с. 143]. Широко известен и семиотический метод, разрабатываемый в трудах Р. Барта (1989), Ю. М. Лотмана (1992, 1999). Признак интерпретационализма, присущий коммуникативной парадигме, находит отражение в работах В.З. Демьянкова (1999, 2001), К.А. Долинина (2010), В.А. Кухаренко (1988). Наиболее важный для настоящего исследования функциональный подход к тексту разрабатывается такими учеными, как Ю.М. Олешков (2006), Г.В. Колшанский (2007), О.Л. Каменская (1990), И.П. Сусов (1986) и др.

Коммуникативная стилистика, имеющая 25-летний опыт развития коммуникативного подхода, сформировала разные направления: на стыке с лингвистической прагматикой – теория регулятивности, с психолингвистикой – теория текстовых ассоциаций, с филологической герменевтикой – теория смыслового развертывания текста. По словам Н.С. Болотновой, «каждое из данных направлений коммуникативной стилистики было и остается ориентированным на изучение эффективности диалога автора и адресата через текст» [Болотнова, 2018, с. 32].

На стыке риторики, функциональной лингвистики и прагматики известность получила теория речевого воздействия, «наука о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в

конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [Стернин, 2012, с. 3].

В рамках коммуникативного подхода развивается и лингвистика нарратива, объектом изучения которой является литературный нарратив. Нарративная лингвистика «исходит из коммуникативного понимания природы словесного искусства и рассматривает литературный нарратив в процессе такой разновидности коммуникативной деятельности человека, как литературная коммуникация» [Попова, 2002, с. 222]. В зарубежном литературоведении литературный нарратив является предметом изучения нарратологии (Ц. Тодоров, Р. Барт, Ж. Женетт, В Шмид), а в отечественном языкознании изучается в рамках лингвистики нарратива (Е.В. Падучева, 1996; Е.А. Попова, 2002, 2008). При этом исследования обоих направлений фокусируют свое внимание на особенностях и специфике коммуникации в нарративных художественных текстах, тем самым описывая сущностные свойства особой формы общения адресата и адресанта – литературной коммуникации.

В настоящей работе литературная коммуникация дифференцируется от естественной, или первичной, коммуникации, поскольку обладает рядом существенных отличий. В условиях естественной коммуникации реализуется полноценная коммуникативная ситуация между говорящим и слушающим в разговорном дискурсе. Производная литературная коммуникация представляет вторичную коммуникативную ситуацию между повествователем и читателем в художественном дискурсе.

Рассмотреть сущностные свойства литературной коммуникации невозможно без представления об условиях реализации естественного коммуникативного акта. Р.О. Якобсон в работе «Лингвистика и поэтика» (1975) модифицировал информационно-кодovou модель К. Шеннона и У. Уивера в кибернетике и предложил одну из первых схем акта коммуникации.

Компонентами любого акта речевого взаимодействия являются участники общения – адресант и адресат, контекст, код, сообщение и контакт. Многие исследователи расширили перечень конструктивных аспектов коммуникативной ситуации. В классических работах Т. ван Дейка (1989), В.Г. Гака (1973), И.П. Сусова (1986), Ю.А. Левицкого (1992) ключевыми компонентами называются участники общения, коммуникативные намерения и цели говорящих (прагматический контекст), место, время и обстоятельства действительности, социально-статусные характеристики коммуникантов, модальность. Неотъемлемой частью коммуникативной ситуации выступают и пресуппозиции, как «в широком контексте жизненных представлений, так и в узком контексте ближайшей референции дискурсного/текстового поля» [Формановская, 2002, с. 44]. В лингвистической семантике термин “пресуппозиция” понимается как “компонент смысла предложения, который должен быть истинным, для того чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте” [Падучева, 1990, с. 396]. Т. ван Дейк вводит понятие “прагматической пресуппозиции”, которое обращает внимание на коммуникативные роли говорящих, цель и результат коммуникативного акта: “говорящий принимает какие-то допущения об информации, имеющейся у слушающего” [ван Дейк, 1978, с. 299]. В классической статье “Понятие пресуппозиции в лингвистике” Н. Д. Арутюнова приводит подробный перечень значений этого термина. В качестве компонента коммуникативной ситуации изучается “коммуникативная пресуппозиция”, означающая “представление говорящего о степени осведомленности адресата” [Арутюнова, 1973, с. 89]. Кроме коммуникативных пресуппозиций, актуализирующихся в процессе взаимодействия адресата и адресанта, на индивидуальном уровне у участников коммуникации присутствуют логические пресуппозиции – “представления говорящих о естественных отношениях между событиями” [Арутюнова, 1973, с. 89].

Во второй половине XX века Г. Грайс (Grice, 1971) предложил новую модель коммуникации – инференционную. В отличие от кодовых схем коммуникации, в инференционной модели “говорящий S, вкладывая свой смысл, т. е. то, что он «имеет в виду», в высказывание x, трижды демонстрирует свои интенции: (i1) он намерен произнесением x вызвать определенную реакцию r в аудитории A; (i2) он хочет, чтобы A распознала его намерение i1, а также (i3) чтобы это распознавание намерения i1 со стороны A явилось основанием или частичным основанием для реакции r” [Макаров, 2003, с. 25–26]. Это означает, что в процессе коммуникации говорящий стремится не передать “мысль”, информацию, а сделать свои интенции понятными адресату.

Наиболее полно охватывает все компоненты речевого общения интеракционная модель коммуникации, поскольку учитывает социально-культурные условия. Это условие, в том числе, объясняет формирование и трансформацию смыслов в общении. Коммуникация в такой модели рассматривается “не как трансляция информации и манифестация намерения, а как демонстрация смыслов, отнюдь не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом” [Макаров, 2003, с. 27]. Это означает, что многие формы поведения, включая молчание, бездействие, могут быть коммуникативно значимы. Еще одним важным условием, рассматриваемым в интеракционной модели, выступает интерпретация, то есть активное со-участие адресата в процессе коммуникации.

При рассмотрении в настоящей работе признаков естественной и художественной коммуникации учитываются как структурные аспекты, выделенные в кодовой схеме коммуникативного акта, так и дискурсивные элементы, типичные для инференционной и интеракционной моделей.

Обобщив труды Т.Г. Винокур, В.Г. Адмони, И.И. Ковтуновой, Е.В. Падучевой, Л.П. Якубинского, Е.А. Попова сформулировала следующие

условия естественной коммуникации, модель которой выглядит как «говорящий – сообщение (текст) – слушающий»:

1. Наличие говорящего и адресата (конкретно-референтного и не совпадающего с самим говорящим), между которыми происходит постоянная смена речевых ролей (каждый из партнеров выступает то в роли говорящего, то в роли слушающего).

2. Единство хронотопа (т.е. времени и места).

3. Непосредственная вовлеченность в прагматическую ситуацию.

4. Тождество мира коммуникантов и мира их референции, общность апперцепционной базы участников диалога.

5. Сильная опора на внеязыковую ситуацию, на такой мощный коммуникативный фактор, как конситуация [Попова, 2002, с. 62].

Вторичная коммуникативная ситуация нарратива, представленная в модели «автор – текст – читатель», обладает более сложными качественными характеристиками, позволяющими тексту трансформироваться в высокохудожественное произведение.

В условиях литературной коммуникации все вышеперечисленные аспекты первичного коммуникативного акта претерпевают существенные изменения:

1. Письменная форма художественного дискурса снимает ограничение на количество адресатов-читателей в коммуникативном акте, реципиентов может быть неограниченное число.

2. В литературной коммуникации не соблюдается единство места и времени, что обеспечивает долговременное существование литературных произведений для читателей следующих поколений. Специфика создания художественных произведений даже обозначает необходимость временно́го интервала между моментом создания текста и моментом его восприятия. Такая особенность создает возможность для временно́й обратимости текста. Порождение и восприятие устного текста линейно, и слушающий не может

остановить или вернуть «убегающие звуки» [Якобсон, 1996, с. 233]. При чтении художественного текста реципиент властен останавливать процесс восприятия и возвращаться к уже прочитанному. По мысли Е.А. Поповой, такого читателя можно назвать полноправным «автором текста-чтения» [Попова, 2002, с. 66].

3. Меняется характер партнерства между адресатом и адресантом: коммуникативная деятельность обоих участников процесса общения становится однонаправленной, поскольку отсутствует вовлеченность в прагматическую ситуацию: коммуниканты лишены непосредственного зрительного и слухового контакта. Исчезает и присущая естественной коммуникации постоянная мена ролей между адресатом и адресантом. Реального собеседника в процессе неканонической коммуникативной ситуации замещает текст – коммуникат – опосредующее, центральное звено между адресатом и адресантом. Благодаря тексту в его материальной форме временная и пространственная отдаленность участников общения сглаживается и образует единую коммуникативную структуру.

4. Литературная коммуникация характеризуется меньшей зависимостью от прагматической ситуации общения. Снимается необходимость тождества референции коммуникантов, общность их культурного фундамента и апперцепционной базы.

5. Адресант реального диалогического общения сходен с автором художественного текста в том, что исходным моментом их коммуникативной деятельности является смысл, трансформирующийся в конечный продукт – текст. Отправной точкой коммуникации для реципиентов как в естественной, так и в литературной коммуникации, наоборот, становится текст, трансформирующийся в смысл. При этом первичный смысл адресанта (смысл 1) и конечный смысл адресата (смысл 2) не являются тождественными. Однако для успешной коммуникации в естественных условиях смысл 1 и смысл 2 должны иметь тенденцию к сходству, поскольку полное их несовпадение приведет к

коммуникативной неудаче, которая понимается как «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская, 1993, с. 31]. Принципиальное несовпадение смысла 1 и смысла 2 присуще художественной коммуникации, заложено в ее природе. Это позволяет существовать множеству интерпретаций одного текста разными реципиентами, что характеризует высокохудожественность литературного произведения. По словам Ц.Тодорова, «исчерпывающее прочтение литературного текста равносильно утверждению о крахе литературы» [Тодоров, 1998, с. 126]. Семантическая неоднозначность литературного произведения характеризует его как текст с мягкой интерпретацией.

6. Двухчастная схема участников коммуникативного процесса в естественных условиях значительно расширяется и усложняется, если речь идет о литературной коммуникации. Взаимодействие участников общения реализуется на нескольких уровнях повествовательного текста: внешнетекстовом, внутритекстовом и интертекстуальном. На внешнем уровне возникает диалог между реальным автором и читателем, но это взаимодействие имеет опосредованный характер, поскольку каждый из коммуникантов общается с другим только посредством текста. На внутреннем уровне повествования в диалоге участвуют повествователь и персонажи [Шмид, 2003].

7. Диалоговое взаимодействие повествователя и персонажей представляет собой одновременное существование нескольких голосов в тексте произведения. Результатом внутритекстовой коммуникации является диалогизация монолога, или, в других терминах, повествовательная полифония (М.М. Бахтин), полимодальность, субъектная многомерность, – одна из основополагающих отличительных черт литературного нарратива. Художественный текст одновременно представляет собой законченное, статичное образование – монологический дискурс, реализацию языковой

личности автора. С другой стороны, произведение – это диалог, процесс реализации этой языковой личности. Диалогизация монолога реализуется тогда, по словам Н.К. Онипенко, «когда в тексте представлены минимум два модусных субъекта: рассказчик и проницательный читатель, рассказчик и персонаж, два персонажа и др. варианты, т.е. когда в модусе наблюдается таксисное несовпадение по лицу» [Онипенко, 2001, с. 95–96]. Исследование диалогизации монолога связано с такими понятиями, как полифония (М.М. Бахтин), структура образа автора и субъективная модальность (В.В. Виноградов), поэтика точки зрения (Б.А. Успенский), множественность точек зрения (Н.А. Кожевникова), свободный косвенный дискурс (Е.В. Падучева), эмпатия (У. Чейф, В.З. Демьянков, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев), субъектная перспектива высказывания и текста (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко).

Итак, литературная коммуникация представляет собой особый вид опосредованной коммуникации между субъектом порождения речи и его реципиентами. Одним из главных отличий литературной коммуникации является отсутствие вовлеченности участников общения в прагматическую ситуацию: только письменный текст является посредником между ними. Повествовательная полифония в тексте демонстрирует многообразие голосов в опосредованном коммуникативном акте, усложняя и углубляя изучение прагматических и функциональных аспектов литературного нарратива.

1.4. Уровневая организация нарратива как аспект литературной коммуникации

Одним из главных отличий литературной, вторичной коммуникации от естественной является усложнённая схема участников коммуникативного процесса. Вместо двухчастной организации говорящий + слушающий

литературная коммуникация разворачивается на нескольких повествовательных уровнях иерархической схемы.

Основатели теории повествовательных уровней – авторы “Erzähltheorie” – Э. Лайбфрид, Ф.К. Штанцель, В. Фюгер, В. Шмид и другие. Их идеи нашли развитие в трудах французских структуралистов, русских формалистов и структуралистов [см. Современное зарубежное литературоведение, 1996, с. 70].

В рамках теории повествовательных уровней термин «нарратив» получает различные толкования как в узком, так и в широком понимании.

В узком смысле нарратив трактуется как особая дискурсивная единица. У. Лабов и Дж. Валетский называют нарративом «вербальный способ представления повествований, соответствующий временной последовательности событий» [Labov W., Waletzky J., 1973, p. 13; цит. по: Андреева, 2006, с. 118]. В дальнейшем они дают новое определение: «неформально нарратив – устный рассказ, обычно от первого лица о чём-то личном впечатлении. Формально мы можем определить нарратив (по крайней мере, английский нарратив) как передачу прошлого опыта и его значения с использованием последовательности предложений в прошедшем времени, где их порядок отражает реальную последовательность событий» [Labov W., Waletzky J., 1973, p. 13; цит. по: Андреева, 2006, там же].

Однако нарратив может реализовываться не только в вербальной форме. По словам В.И. Тюпы, «предмет нарратологического познания может включать в себя любые – не только художественные и даже не только вербальные – знаковые комплексы, манифестирующие неслиянность и нераздельность двух событий: референтного (некоторая история, или фабула) и коммуникативного (дискурс по поводу этой истории)» [Тюпа, 2001, с. 7–8]. В таком смысле нарративными могут считаться не только литературные тексты с «фикциональной квазисобытийностью», но и музыкальное произведение, скульптура.

В таком же смысле понимает нарратив Р. Барт в своей статье (1987): «В мире существуют бесчисленные формы нарратива... повествуют миф, легенда, басня, сказка, новелла, эпопея, история ... витраж, кинематограф, комикс, газетная хроника, бытовой разговор» [Барт, 1987, с. 387].

Несмотря на то, что исследователи расширили понимание нарратива, центральное место в описываемой теории занимает категория повествовательных уровней. Например, И.П. Ильин даёт такое определение: «Повествовательные уровни – это теоретические конструкты, дающие, по мнению представителей нарратологии, схематизированное представление о процессе художественной коммуникации, в ходе которого лингвистический текст превращается в литературное произведение» [Современное зарубежное литературоведение, 1996, с. 95]. Важно обратить внимание на различное понимание уровневой организации нарратива у исследователей. Нарратологи, в отличие от структуралистов, делают акцент на коммуникативной природе этих уровней. Для них это прежде всего уровни коммуникации, на которых общаются друг с другом главные повествовательные инстанции (отправитель и получатель художественной информации) в специфической для каждого повествовательного уровня форме.

Количество повествовательных уровней может быть очень велико, например, в ситуации вставной истории, «рассказа в рассказе». Однако задачей нарратологии является не выявление мельчайших уровней, а описание макроуровней, обеспечивающих коммуникацию всего произведения в целом и включающих в этот процесс также реального автора и реального читателя.

Первым коммуникативно ориентированную схему повествовательных уровней и соответствующих им повествовательных инстанций предложил В. Шмид, переработавший идеи М. Бахтина, У. Бута, Ф.К. Штанцеля и Л. Долежела в фундаментальном труде «Нарратология» (2003). Его «модель вертикального разреза повествовательной структуры» предполагает четыре

уровня коммуникации: 1) внетекстовой, где происходит опосредованная другими уровнями коммуникация между реальным автором и реальным читателем («эмпирически историческими лицами»); 2) внутритекстовой уровень абстрактной коммуникативной ситуации, где реализуется коммуникация теоретических конструкторов абстрактного, или имплицитного автора и абстрактного читателя; 3) внутритекстовой уровень фиктивной коммуникативной ситуации, где коммуницируют «фиктивные» автор и читатель, т.е. эксплицитные повествовательные инстанции, выступающие в виде персонажей; и 4) уровень «мира в тексте», на котором возникают многочисленные коммуникативные ситуации между актерами. Таким образом, Шмид в «изображенном мире» (*dargestellte Welt*) выделял также и «цитируемый мир» (*zitierte Welt*) для обозначения еще одного «мира», воссоздаваемого дискурсом романских актеров [Шмид, 2003, с. 27].

Более подробно на изучении повествовательных уровней в нарратологии, роли автора и читателя, нарратора и наррататора в произведении мы остановимся далее.

1.4.1. Повествовательные инстанции автора

Первая повествовательная инстанция, проявляющаяся в любом сообщении, не только повествовательном, – конкретный автор – реальная историческая личность, создатель произведения. В рамках нарратологии, однако, невозможно рассматривать эту инстанцию: о нем ничего не известно непосредственно, вся информация о нем доходит до нас через тексты (данного произведения или какие-либо другие, например, письма, дневники, воспоминания и т.д.), т.е. мы представляем себе не его самого, а его образ [Шмид, 2003, с. 25]. Образ автора – это уже следующая инстанция – абстрактный автор.

Абстрактный автор – образ создателя произведения, воплощенный в его творческих актах. Элементы этого образа содержатся в произведении, реципиент реконструирует именно образ абстрактного, а не конкретного автора, в процессе чтения.

«Абстрактный автор» (в англоязычной терминологии – *implied author*, в терминологии Жерара Женетта – имплицитный автор, *auteur impliqué*) обозначает, с одной стороны, независимо существующий семантический центр произведения, ту точку, в которой сходятся все творческие линии текста. С другой стороны, признается, что за абстрактным принципом семантического соединения всех элементов текста стоит некое творческое начало, чей замысел – сознательный или бессознательный – осуществляется в произведении. То есть абстрактный автор – это обозначаемое всех тех знаков текста, которые указывают на то, что у этого текста есть адресант.

Абстрактный автор, в отличие от фиктивного нарратора, не является изображаемой инстанцией (а, наоборот, изображающей), он не относится к фиктивному миру произведения. Ему нельзя приписать ни одного отдельного слова в повествовательном тексте (все слова порождаются фиктивным нарратором). Его слово – это весь текст во всей его целостности, текст как единый коммуникативный акт.

Абстрактный автор существует в тексте виртуально, поэтому его существование двояко: он задан в тексте объективно как инстанция отправителя, но, с другой стороны, он конкретизируется читателем, зависит от субъективных актов восприятия и осмысления текста читателем. Другими словами, абстрактный автор – реконструкция, создаваемая читателем в процессе осмысления им текста.

Абстрактного автора можно определить в двух аспектах: а) в аспекте текста – это олицетворение его конструктивного принципа, создающее этот текст как целостный коммуникативный акт, б) в аспекте внетекстового,

конкретного автора – это след конкретного автора в тексте, его внутритекстовый представитель [Шмид, 2003, с. 25].

Перейдем к фиктивному миру художественного текста. Повествовательный жанр отличается от других жанров тем, что «внешняя коммуникативная структура «автор – изображаемое – читатель» как бы повторяется внутри изображаемого мира в структуре «фиктивный нарратор – повествуемое – фиктивный читатель»» [Шмид, 2003, с. 37]. Для нарратологов главное значение имеют эксплицитно присутствующие в тексте повествовательные инстанции. К ним относится, в первую очередь, основная повествовательная инстанция – нарратор (рассказчик, повествователь), ответственный за вербализацию, т. е. выражение в языковой форме художественной информации [Белоусова, 2010, с. 15].

В работе В. Шмида фиктивный нарратор – адресант всех сообщений текста. Он отбирает события фиктивного мира, слагает из них историю, вводит свою систему оценок в текст, подбирает слова персонажей и, в случае косвенной и несобственно-прямой речи, передает их, подвергая своей (нарраториальной) обработке. Все элементы текста, которые специально указывают на «образ автора», отсылают не к конкретному и даже не к абстрактному автору (т.к. они не могут быть элементами изображаемого мира), а к нарратору [Шмид, 2003, с. 37].

Фиктивный нарратор может быть изображен эксплицитно (называет свое «я», рассказывает историю своей жизни, излагает образ своего мышления) или имплицитно (не обладает субъективными чертами). Фиктивный нарратор может быть антропоморфным или нет (лошадь Холстомер у Л.Н. Толстого), личностным или нет (обладает своими индивидуальными речевыми характеристиками или является только повествовательной инстанцией; тогда это фактически та инстанция, которую Женетт называет «нулевой фокализацией»).

Вслед за Жераром Женеттом, разграничившим несколько типов нарратора по отношению к диегесису (повествуемому миру), Шмид предлагает аналогичную схему, но с упрощенной терминологией:

– первичный нарратор – повествователь основной или обрамляющей истории;

– вторичный нарратор – повествователь вставной истории;

– третичный нарратор – говорящий персонаж (и его цитируемый мир)

[Шмид, 2003, с. 45].

Кроме того, на теории Женетта основано разграничение нарратора с точки зрения его присутствия в двух планах изображаемого мира – в плане повествуемой истории (диегесиса) и в плане самого повествования, акта рассказывания (экзегесиса). Диегетический нарратор присутствует в обоих планах, а недиегетический – только в плане экзегесиса.

Диегетический нарратор, соответственно, распадается на две инстанции – повествующее «я» и повествуемое «я». Повествующее «я» остается нарратором, повествуемое «я» становится персонажем. Это важно для текстов, где идет рассказ от первого лица, а также для инстанций вторичного и третичного нарратора.

1.4.2. Повествовательные инстанции читателя

Сущность категории читателя как адресата речевого общения, в том числе в литературе, изучается в исследованиях, посвященных категории адресованности (Ю.М. Лотман, 1999; В.В. Богданов, 1993; Н.И. Формановская, 2002; И.Д. Чаплыгина, 2002; Е.И. Бударagina, 2006).

И. Д. Чаплыгина предлагает несколько оснований для классификации адресата:

1) тип речевой ситуации (диалогический и монологический адресат);

- 2) ситуативная роль адресата (активный и пассивный);
- 3) возможность получения адресатом сообщения (потенциально возможный и потенциально невозможный адресат);
- 4) количественный состав (единичный и массовый адресат);
- 5) тип речевых взаимодействий между людьми (адресат устного или письменного сообщения);
- 6) характер референции (конкретный, частно-обобщенный и универсально-обобщенный адресат);
- 7) способ выражения адресованности (эксплицитный и имплицитный адресат);
- 8) степень реальности роли адресата (фактический, формальный и риторический адресат) [Чаплыгина, 2002, с. 97].

В работе В. Шмида, рассматривающей особенности в том числе литературного нарратива, на конкретном уровне в схеме нарратива напротив конкретного автора стоит конкретный читатель. Это непосредственный реципиент, который существует вне произведения и независимо от него. Здесь речь идет не об одной реальной личности, а множестве людей, которые в любом месте и в любое время могут стать или стали реципиентами этого текста [Шмид, 2003, с. 25].

На уровне взаимодействия с абстрактным автором стоит абстрактный, имплицитный читатель.

Как определяет Шмид, «под абстрактным читателем подразумевается здесь содержание того образа получателя, которого (конкретный) автор имел в виду, вернее, содержание того авторского представления о получателе, которое теми или иными инициальными знаками зафиксировано в тексте» [Шмид, 2003, с. 35]. Незафиксированный в тексте «задуманный» читатель существует только в представлении конкретного автора, и реконструировать его можно только по

высказываниям последнего и внетекстовой информации, поэтому абстрактный читатель не является элементом произведения.

В зависимости от функций, которые автор придает читателю, следует провести разграничение между двумя разновидностями этой подразумеваемой инстанции.

Во-первых, абстрактный читатель – это предполагаемый, постулируемый адресат, к которому обращено произведение, языковые коды, идеологические нормы и эстетические представления которого учитываются для того, чтобы произведение было понято читателем. В этой функции абстрактный читатель является носителем предполагаемых у публики фактических кодов и норм.

Во-вторых, абстрактный читатель – это образ идеального реципиента, осмысляющего произведение идеальным образом с точки зрения его фактуры и принимающего ту смысловую позицию, которую произведение ему подсказывает. Таким образом, поведение идеального читателя, его отношение к нормам и ценностям фиктивных инстанций целиком predeterminedены произведением. Подчеркнем – не волей конкретного автора, а зафиксированными в произведении и гипостазируемыми в абстрактном авторе творческими актами [Шмид, 2003, с. 36–37].

Фиктивный читатель, или нарратор, – это адресат фиктивного нарратора, та инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ. Название «фиктивный читатель» крайне условно, но не столько оттого, что эта инстанция часто представляется как слушатель, сколько потому, что она всегда предстает лишь как подразумеваемый образ адресата.

Фиктивный читатель вторичного, вставного рассказа совпадает, как кажется, с одним из персонажей первичного, обрамляющего рассказа. Но уравнение “нарратор вторичного рассказа = персонаж в первичном рассказе”, лежащее в основе многих трактовок этой инстанции (напр., Женетт 1998), упрощает истину. Нарратор представляет собой лишь схему ожиданий и

презумпций нарратора и никогда не идентичен с конкретным персонажем, выступающим в истории высшего уровня как реципиент [Шмид, 2003, с. 55].

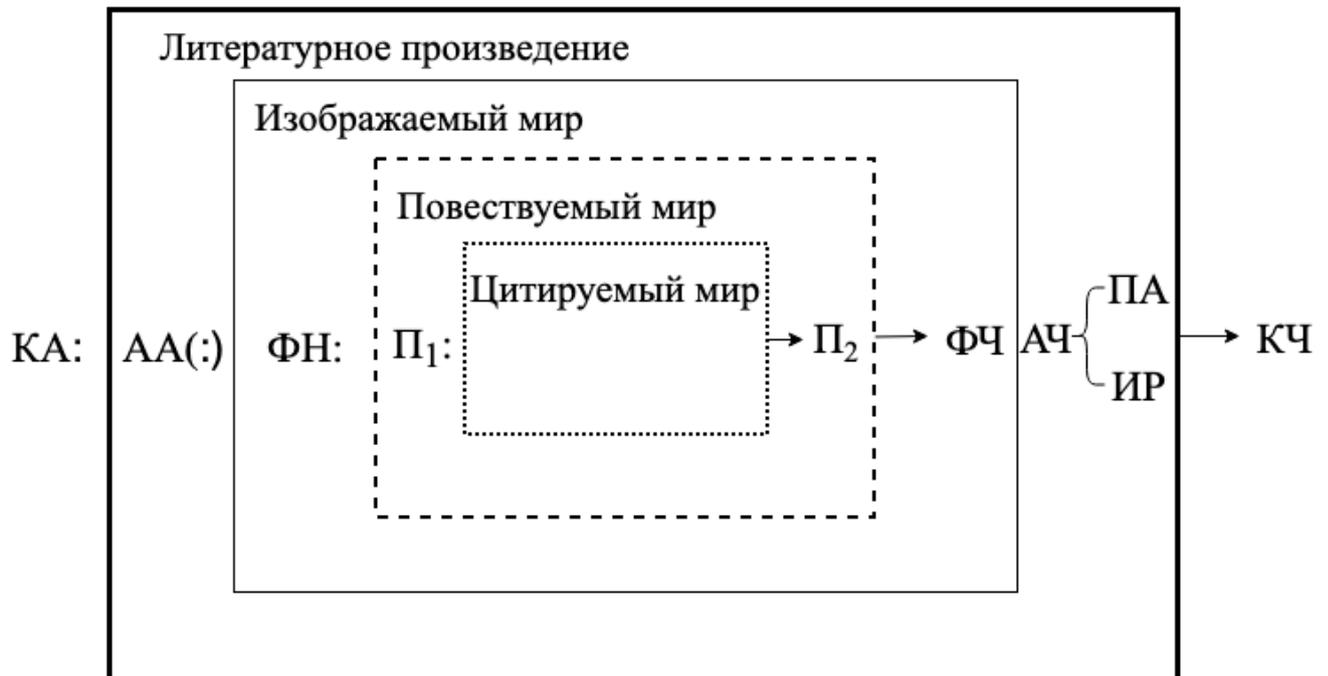
Если мы имеем дело с литературным адресатом, то он обладает рядом специфических особенностей. «Адресат художественных произведений существенным образом отличается от адресата речевых актов. Читатель, публика не вовлечены непосредственно в прагматическую ситуацию. От них не требуется оценки коммуникативного смысла и непосредственной реакции на речевой акт» [Степанов, 1983, с. 226].

Фигура адресата, в частности, абстрактного читателя проявляется в тексте неопределенно: автор не знает о культурных, когнитивных знаниях читателя, не обладает полнотой информации о нем. Поэтому автор может только прогнозировать читательский уровень знания и опыта, формировать предполагаемый образ адресата. От такого авторского предположения зависит отбор информации – пояснения, комментарии к рассказу, уровень доверительности в коммуникации, расчет автора на поддержку от читателя.

Среди исследователей повествовательных инстанций нет единого мнения об их количестве в тексте. Относительно читательских инстанций их мнения расходятся еще больше. Собственно, проблема разграничения различных типов внетекстовых читателей выходит за пределы интересов нарратологии в узком смысле слова и является прерогативой рецептивной эстетики.

На Рисунке 1 изображена модель коммуникативных уровней, предложенная В. Шмидом и представляющая перечисленные повествовательные инстанции:

Рис. 1. Модель коммуникативных уровней

Объяснение сокращений и знаков:

КА - конкретный автор

: - создает

АА - абстрактный автор

ФН - фиктивный нарратор

→ - направлено к

П₁, П₂ - персонажи

ФЧ - фиктивный читатель (нарратор)

АЧ - абстрактный читатель

ПА - предполагаемый адресат произведения

ИР - идеальный реципиент

КЧ - конкретный читатель

Настоящая схема включает в себя полный комплекс повествовательных инстанций нарратива. Здесь предусмотрено наличие «цитируемого мира», рассказываемого одним из персонажей произведения. Фиктивный читатель (ФЧ), или нарратор, выделен как отдельная повествовательная инстанция, не пересекающаяся с абстрактным читателем (АЧ). Однако роль фиктивного читателя может быть не выражена в тексте эксплицитно, а только обнаруживаться в речи нарратора, формулирующего образ своего реципиента. Абстрактный читатель в приведённой схеме разделен на две категории: предполагаемого адресата (ПА) произведения и идеального реципиента (ИР), которые в процессе непосредственного анализа могут различаться только по

функции: соответствие фактических кодов и норм у предполагаемого адресата и осмысление произведение тождественным образом у идеального читателя. В целом, эти две инстанции представляют собой единую фигуру абстрактного читателя, поэтому в настоящем исследовании не разводятся строго.

Уровневая организация нарратива является подтверждением коммуникативной основы литературного произведения и нарративного текста вообще. Литературно-нарративная коммуникация осуществляется одновременно на нескольких уровнях: конкретный автор и конкретный читатель общаются непрямо, используя текст в виде канала передачи информации. Абстрактный автор (АА) формирует образ абстрактного читателя, идеального реципиента, подбирая для него средства выражения мысли. Фиктивный нарратор – участник произведения – способен общаться с нарратором – одним из персонажей текста. Участники коммуникации на разных уровнях реализуют различные функции и прагматические установки создателя текста. Таким образом, коммуникативный подход к исследованию литературного нарратива позволяет открыть новые свойства, особенности и функции повествовательного текста.

Исследуемые в настоящей диссертации литературные нарративы существуют в пространстве литературной коммуникации и репрезентируют разные повествовательные инстанции, поэтому мы расширяем понятие литературной коммуникации до литературно-нарративной, представляющей собой особый тип несобственно-прямого взаимодействия, реализующегося на внутритекстовом уровне через дискурс повествователя и персонажей, а на внешнетекстовом – через дискурс автора и читателя.

1.5. Функциональный подход к организации нарратива

Исследование коммуникативных особенностей нарративных текстов мы дополняем методами изучения нарратива в рамках коммуникативно-функционального подхода в лингвистике.

Функциональный подход в целом сводится, прежде всего к двум разновидностям:

– внутрифункциональному (или структурно-функциональному) подходу, для которого исследуемыми величинами оказываются языковые категории, а «средой» – более широкая совокупность единиц, категорий того же уровня, единицы и категории более высокого уровня, языковая система в целом, текст как линейно развернутая система языковых знаков;

– внешнефункциональному, или собственно функциональному, подходу, соотносящему языковые единицы или их группировки разных видов с объектами, составляющими внеязыковую среду [Сусов, 1986, с. 132].

Именно внутрифункциональный подход использовал В. Пропп в “Морфологии волшебной сказки”, поскольку он рассматривал функцию как «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп, 2001, с. 20]. Выделяемая аналитически функция не зависит от того, кто и как ее выполняет, не зависит от персонажа и средства. Функций меньше, чем персонажей: «функция – это постоянный, неизменный элемент сюжета, а персонажи и средства – переменные» [Пропп, 2001, с. 19].

Такую модель структуры сюжетов развивал дальше Ф.-Ж. Греймас. Он сократил количество функций, выделенных Проппом, до 20 и приспособил её к любым повествованиям, например, к рекламным сюжетам [по Franzosi, 1998, p. 534].

Внутрифункциональный подход применялся и Р. Бартом. В работе «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» он дает более

широкое определение функции: «функция того или иного элемента в тексте (от слова, знака до текста в целом) – это его способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами или со всем произведением в целом» [Барт, 2000, с. 200]. Барт приводит пример, напоминающий пресловутое ружье, которое обязательно выстрелит: «если рассказчик вскользь замечает, что у дочерей одного господина был попугай, то этому попугаю суждено сыграть большую роль в развитии сюжета. Ничто в повествовании не случайно, поэтому в нем и нет ничего, кроме функций» [Барт, 2000, с. 201]. Для Р. Барта функция – это любой не случайный элемент текста, который может вступать в связь с другим элементом. Все элементы он делит на функции и индексы. Функции подразделяются на основные (ядерные, кардинальные) и вспомогательные (катализаторы). Первые – «диспетчерские пункты текста», «развилки»; они определяют сюжетные траектории, создавая или разрешая напряженную ситуацию, давая возможность герою совершать выбор. Катализаторы не вносят в ситуации никаких принципиальных изменений и заполняют промежутки между узлами, создавая в тексте зоны безопасности, спокойствия, передышки, описывая, как именно то или иное конкретное действие было совершено. Если ядерные функции могут состоять и во временной, и в логической связи, то катализаторы – только во временной [Евстигнеева, Оберемко, 2007, с. 102].

Задачи нашего исследования фокусируют внимание на теории внешнефункционального похода – то есть связи нарративного текста со средой.

Под функцией в данной работе мы понимаем роль, задачу высказывания, направленную на выполнение цели, определяемой автором, или, иначе, коммуникативную направленность автора. Нарратив как сложная текстовая организация, как тип дискурса выполняет разнообразные функции. Первая из них сокрыта в самом термине «нарратив»: «(г)наррация есть гнозис, рассказывание тем, кто знает. Но это также и диагноз, акт идентификации или интерпретирования посредством дискриминирующего чтения знаков» [Miller,

1998, р, 47, цит. по Трубина, 2002, с. 10]. То есть нарратив выполняет задачу не только передачи или хранения информации, но и её осмысления, интерпретации.

С точки зрения организации прошлого опыта, нарратив может выполнять следующие функции: упорядочивающую, информирующую, убеждающую, развлекающую, отвлекающую внимание, идеологическую, а также трансформирующую и темпоральную [Олешков, 2010, с. 49].

И. С Веселова объединяет такие общие функции в три группы:

- социальные (идентификационная, дидактическая, регулятивная – трансляции опыта, в том числе ориентационная);
- психологические (психотерапевтическая, прогностическая);
- коммуникативные (развлекательная, информационная).

Она поясняет: «Рассказчик идентифицирует себя как члена определенного социума, тем самым называя себя (идентификационная функция). Еще одной социальной функцией является репрезентативная – в ситуации знакомства, когда оба собеседника готовы к взаимодействию, и обмен рассказами есть обмен «верительными грамотами». При помощи рассказов рассказчик как член социума обучает «неофитов» общей этике и системе ценностей (дидактическая функция) и регулирует внутренние и внешние отношения социума (регулятивная функция). Ценности общества проецируются (через событие-медиатор) на пространство, в чем выражается ориентационная функция текста. Социологи обращают внимание на функции «совместного обдумывания» и «сравнения опыта» рассказов в критической ситуации (Shibutani, 1966) – психотерапевтическая функция. Прогностическую функцию принято считать доминирующей функцией слухов и толков. Финал, событие-следствие этих текстов направлено в будущее, но текст есть реакция на событие-причину в настоящем (ближайшем прошлом). Помимо прогностической функции (реакция на которую выражается в действиях – например, немедленной закупке продовольствия при слухах о скором их подорожании) эти тексты выполняют

психотерапевтическую функцию. В большей или меньшей степени рассказы выполняют развлекательную (фатическую) и информационную функции» [Веселова, http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php?rubr=Research-articles].

Е.Г. Трубина подробно описывает достижения нарратологии в исследовании трансформирующей функции повествования. Благодаря ей нарратив способен переписывать реальность по собственным моделям, сохраняя одни элементы в ущерб другим. По мнению Дж. Принса, уникальной является способность нарратива не просто отражать некую последовательность событий, но открывать либо изобретать то, что может произойти: «нарратив посредничает между законом того, что есть, и человеческой устремленностью к тому, что может быть» [Prince G., 1987, цит. по Трубина, 2002, с. 15]. Нарратив как особый вид знания не просто перечисляет факты, но организовывает их в связное повествование, интерпретирует, конструирует из них осмысленное целое. Е.Г. Трубина подчеркивает: «Показывая, что разрозненные ситуации и события образуют одну означающую структуру (или наоборот), упорядочивая возможную реальность и связуя ее воедино присущим лишь ему способом, нарратив задает модели трансформации или переописания этой реальности» [Трубина, 2002, с. 16]. Такая способность нарратива открывает еще одну его функцию – фиксация, запоминание событий: «Нарративная последовательность есть и «великий мнемоник», т. е., обладая компактной и выразительной формой, эффективно способствует запоминанию важных событий, их запечатлению в памяти человечества» [Трубина, 2002, с. 16].

Кроме «переписывания» реальности нарратив как структура и практика позволяет представить человеческую жизнь протекающей во времени. Именно в этом заключается темпоральная функция нарратива: он является способом постижения времени и места человека в нем. Из бесконечного течения времени

нарратив выделяет определенные отрезки, раскрывает их смысл, последовательность, причины и следствия.

Уже перечисленные функции можно отнести к общим, относящимся к любому типу нарратива, его теме, функционированию в дискурсе. Нарративы, исследуемые в настоящей диссертационной работе, также репрезентируют основные функции – как социальные, так и психологические, и коммуникативные. Особое внимание уделяется спецификации таких универсальных функций нарратива, как идентификационная и регулятивная. Идентификационная функция заключается в процессе осмысления рассказчиками собственного “я” и границ между своим “я” и чужими. Регулятивная функция осуществляет процесс передачи собственного опыта рассказчика слушателям/читателям. Эти две функции, актуализируясь в контексте межкультурного взаимодействия, принимают специфические формы реализации.

Таким образом, нарратив как сложная структура и тип дискурса выполняет разнообразные функции, связанные с моделированием реальности, хранением и передачей информации, воздействием на слушателя. В ситуации межкультурного контекста нарратив способен актуализировать универсальные функции идентификации и передачи опыта, имеющие специфические особенности, связанные с контекстом межкультурного взаимодействия.

1.6. Прагматический аспект нарратологической теории

Коммуникативный подход к исследованию нарративных текстов анализирует особенности взаимодействия автора и адресата на разных повествовательных уровнях. Однако в таких исследованиях недостаточно рассматривается целеполагание автора, связь между интенциями субъекта повествования и отбором языковых средств для реализации этих интенций.

Прагматический подход в теории нарратива основывается на исследованиях нарративных текстов и внутритекстовой коммуникации в рамках дискурсивного анализа. Анализ дискурса как направление в нарратологии возникло на основе концепций Т.А. ван Дейка, 1989; М. Фуко, 1996; П. Рикёра, 2000, а в отечественном литературоведении – исследований М.М. Бахтина, 1986; В.И. Тюпы, 2001; Н.В. Максимовой, 2005; И.В. Саморуковой, 2002.

Сторонники «дискурсивного анализа» предметом исследования определяют внутритекстовую коммуникацию, понимаемую ими как взаимоотношения разных дискурсов: дискурса текста и дискурса персонажей, дискурса о дискурсе (моего дискурса о моем дискурсе, моего дискурса о его дискурсе, его дискурса о моем дискурсе), дискурса в дискурсе (своем или чужом).

Теоретическим основанием такого рода исследований стало представление о том, что любое коммуникативное воздействие – при уникальности каждого акта общения – идет с опорой на существующие в данной культурной общности принципы и продуктивные дискурсивные образцы. В связи с этим предметом интереса исследователей становятся типы и правила дискурсивных практик, пронизывающих индивидуальные произведения.

Впервые об этом начал рассуждать М.М. Бахтин. Он разработал понятие «речевых жанров», понимаемых как матрица форм, в которых может происходить любое речевое взаимодействие: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типичными формами построения целого» [Бахтин, 1979, с. 257]. Эта матрица эффективно работает, если она одинакова у адресанта и адресата; выбор речевого жанра определяет характер интенций обоих: «Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем её жанр, предугадываем определённый объем..., определённое композиционное построение, предвидим

конец, т.е. с самого начала обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи...» [Там же, с. 271].

Критерием для выделения жанра становятся у Бахтина, с одной стороны, коммуникативные интенции участника («мировоззрение, направление, точка зрения, мнение...»), с другой – речевое воплощение этих намерений, «типичные модели построения речевого целого» [Там же, с. 272]. Разное содержательное наполнение каждого из этих параметров и определяют многообразие речевых жанров.

В дальнейшем с номинацией «жанр» начинает коррелировать понятие «стратегия». Впервые к нему обращается в своих работах Т.А. ван Дейк, практически повторяя процедуру выделения продуктивных дискурсивных форм, предложенную Бахтиным: «Так как дискурсу присущи намерения, или интенции, нам приходится иметь дело не только с лингвистическими объектами, но и с результатами некоторых форм социальной деятельности. Так, рассказывая историю, говорящий принимает участие в социальном (в данном случае – речевом) акте, утверждающем что-то или предупреждающем слушателя о чем-то. Формы и интерпретации рассказа могут быть обусловлены этой речеактовой функцией высказывания. Мы называем ее прагматическим основанием модели обработки дискурса. Одно из когнитивных следствий этого основания состоит, например, в том, что человек, интерпретирующий рассказ, конструирует также представление соответствующих речевых актов, приписывая определенную функцию или категорию действия речевому сообщению, а отсюда и говорящему. В этом случае слушатель оценивает дискурс с точки зрения его предназначенности к выполнению определенных прагматических функций: рассказ может быть прагматически приемлем в качестве речевого акта, только если контекстуальные условия соответствуют некоторым текстуальным свойствам» [ван Дейк, 1988].

Поэтому «когнитивная обработка дискурса ... является стратегическим процессом...» [ван Дейк, 1989, с. 71], то есть процессом реконструкции ценностей и целей автора (а в случае художественного произведения – также и героя) читателем [Цит. по Шуников, 2006].

Теорию коммуникативных стратегий в дальнейшем развивает В.И. Тюпа, понимающий под коммуникативной стратегией «инвариантную модель взаимодействия участников события общения... Коммуникативная стратегия представляет собой некоторую систему фундаментальных параметров текстопорождения» [Тюпа, 2018, с.75].

Наряду с возможным существованием коммуникативной стратегии отдельного произведения, корпуса текстов одного автора, групп авторов и т.д. исследователь определяет четыре базовые стратегии, которые возникают в рамках исторического развития человека. Каждая из них восходит к определенному типу речевого жанра: сказанию, притче, анекдоту или жизнеописанию. По мнению автора, в них отражается как эволюция представлений о сущности, принципах, задачах художественной деятельности, так и ключевые этапы формирования сознания человека в целом.

Первая коммуникативная стратегия – “хоровая” – вненарративна, осуществляется в мифе и фольклоре. Характеризуется невыделенностью говорящего из общечеловеческого, а также «ритуальной» картиной мира, представлением о всеобщем синкретизме. Адресат – еще один носитель речевого сознания принимает и усваивает предлагаемую картину мира.

Регламентарная, или нормативная, стратегия коммуникации восходит к притче и представляет автора как обладателя истинных представлений о мире и человеке. Рецептивная компетенция адресата – однозначное понимание, подчинение неким устойчивым законам, их соблюдение.

Третья коммуникативная стратегия названа автором дивергентной. В ней говорящий актуализирует собственное «Я», «выговаривает себя», проясняет

собственную индивидуальность. Его картина мира субъективна, содержит «недостоверное знание». Доминантой говорящего является провокация, что вызывает у реципиента отталкивание, благодаря которому, в свою очередь, актуализируется его «Я».

Последняя из выделяемых, самая поздняя в истории культуры конвергентная или полифоническая стратегия. Она связана с преодолением эгоцентризма: автор стремится к диалогическому взаимодействию с героем и читателем, для него творчество – обретение «я» через взаимодействие с «ты». Задача читателя – узнавание себя в другом посредством «доверия к чужому слову».

В теории В.И. Тюпы термин “коммуникативная стратегия” близок к употреблению понятия “речевой жанр”, благодаря рассмотрению исторической преемственности и инвариантности этих четырёх структур.

Современные исследования в рамках теории речевого общения, функциональной прагмалингвистики предлагают иную трактовку коммуникативных стратегий. Производство любого коммуникативного акта, в том числе и художественного текста, предполагает наличие авторской интенции – глобального желания оказать влияние на адресата: убедить его, похвалить, привлечь на свою сторону, обвинить, оскорбить и т.д. В основе коммуникативных стратегий лежит комплекс таких интенций, намерений, направленных на достижение коммуникативных целей. Лингвистический анализ литературной коммуникации, в том числе и в нарративных текстах, позволяет установить коммуникативные намерения автора, поскольку стратегия «определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» [Иссерс, с. 2008, 105].

Существуют разнообразные классификации стратегий художественных текстов. У. Эко предлагает разграничивать стратегии образцового автора и образцового читателя, когда автор, создавая текст, моделирует образ идеального

читателя с помощью определённых приёмов, а читатель считывает эти приемы и интерпретирует текст [Есо, 2002, р. 17]. Русские исследователи О. А. Мельничук и Т. А. Мельничук рассуждают о специфическом функционировании коммуникативных стратегий автора художественного текста и определяют их как “план речевых действий и его реализацию для достижения коммуникативной цели автора текста, которая состоит в воздействии на картину мира и систему ценностей читателя” [Мельничук, 2013, с. 127]. Авторы выделяют семантические и формально-структурные стратегии: «семантические стратегии подразделяются на глобальную стратегию (стратегию выражения/формулирования основной идеи текста) и тематические стратегии, направленные на выражение/формулирование отдельных тем произведения» [Мельничук, 2013, с. 127]. Формально-структурные стратегии реализуются на лексическом, стилистическом, синтаксическом, в том числе и пунктуационном, уровнях.

В данной работе стратегия в целом понимается как «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для "обработки" партнера. Это своего рода "насилие" над адресатом, направленное на изменение его модели мира, на трансформацию его концептуального сознания» [Иссерс, 2008, с. 102].

Остановившись в данном исследовании на процитированном подходе к определению коммуникативных стратегий автора художественного текста, в настоящей работе мы выделяем несколько глобальных стратегий автора, специфичных именно для исследуемых литературных нарративов, – стратегия идентификации чужеродности, стратегия языковой аккультурации и стратегия субъективизации авторского высказывания.

Методологической базой для анализа и интерпретации стратегии идентификации чужеродности выступила работа Ю.И. Детинко, в которой автор выделяет такие стратегии конструирования чужеродности, как обоснование и

удержание статуса “чужого”, трансформация, деструктивная стратегия, а также идентификация чужеродности. Последняя направлена на формирование образа “чужого”, например, посредством референции “мы” – “они”. Сопоставление “своего” и “чужого” «часто прослеживаются в самом контексте и демонстрируют дистанцирование от и маргинализацию «чужих» (в то же время предполагая отождествление и солидарность с «мы-группой», со «своими»)» [Детинко, 2013, с.69].

Анализ стратегии автора по достижению субъективизации авторского высказывания у читателя подробно представлен в работе А.С. Комарова. Автор, создающий художественный текст как коммуникативное высказывание, ориентируется на адресата – читательскую аудиторию. Процесс их общения подразумевает как сознательное, так и бессознательное воздействие автора на читателя, заключающееся в стремлении приблизить читательскую позицию к той, что выражена в тексте. Писатель стремится усилить уровень читательского восприятия за счет реализации определенной стратегии субъективизации – то есть личностного принятия читателем авторского высказывания.

В работе А.С. Комарова предполагается, что автор реализует в тексте стратегию по обеспечению наиболее успешного читательского восприятия текста. Субъективизация не означает согласия с позицией автора, напротив, читатель может сопротивляться мнению повествователя или героя. Автор также старается перенести читателя в тождественное текстовому высказыванию эмоциональное пространство. Процесс субъективизации авторского высказывания противопоставляется объективизации – “отстранению авторского высказывания от себя и его обезличивание читателем” [Комаров, 2014, с. 253].

Методологическая и терминологическая база исследования А.С. Комарова основана на теории экзистенциальной психологии Дж. Бюджентала, одним из тезисов которой является утверждение процесса параллелирования залогом успеха глубинного общения. То есть выстраивание параллелей – тематических,

эмоциональных, психологических - приводит к максимально полному восприятию интенций собеседника [Братченко, 2001].

Е.Г. Корнышкова, описывая подобную авторскую стратегию, использует другой методологический подход. Она анализирует стратегии усиления восприятия текста англоязычной авторской сказки и рассматривает лингвостилистические средства (например, приемы гиперболизации и парентезации, языковая игра с семантическим наполнением слова или идиомы) текста как «элементы авторской стратегии обеспечения наиболее полного смыслового восприятия текста произведения» [Корнышкова, 2012, с. 78].

Авторы перечисленных исследований указывают, что стратегия автора по усилению восприятия текста реализуется за счет лингвистических средств разных уровней: фонетических, грамматических, стилистических. А.С. Комаров включает в информационно-содержательное наполнение авторского высказывания такие характеристики, как тематика, чувства, эмоции и переживания, широта и глубина охвата темы или проблемы, внутренний мир человека и взаимоотношения между людьми. Залогом успешной реализации стратегии субъективизации исследователь называет «готовность читателя расширить, углубить свои представления по тому или иному затрагиваемому вопросу. А признаками проявления успешности могут выступить возвращение к общению с автором, возвращение к уже прочитанному, возвращение к теме или переживанию, а также ссылки на повторение, часто не очень осознанное, мест, слов, ситуаций из авторского высказывания» [Комаров, 2014, с. 258]. Е.Г. Корнышкова добавляет к этим условиям еще несколько: «понимание системы содержательных образов текста в их взаимной связи. Следовательно, степень полноты восприятия целевой аудиторией того или иного текста варьируется в зависимости от фонового знания читателей, целей и мотивации его знакомства с текстом» [Корнышкова, 2012, с. 80].

Работы крупнейших исследователей в области теории дискурса, речевых жанров подготовили теоретико-методологическую базу для создания отдельного направления в рамках прагмалингвистики, посвященного анализу коммуникативных стратегий. Отдельной ветвью таких исследований стало изучение коммуникативных стратегий автора в литературной коммуникации. Интенции автора в художественном произведении связаны с воздействием на идеального читателя, а их лингвистический анализ позволяет выявить как языковые средства репрезентации стратегий, с одной стороны, так и авторские мотивы при создании текста произведения, с другой. В исследуемых литературных нарративах мы выделяем несколько глобальных авторских стратегий – стратегию идентификации чужеродности, стратегию языковой аккультурации и стратегию субъективизации авторского высказывания.

1.7. Ксенонарратив как дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации

Избранные для анализа в диссертации нарративные тексты – романы “Die undankbare Fremde” И. Брежна и “Girl in translation” Дж. Квок – обладают рядом содержательных, композиционных и прагматических особенностей, которые позволяют объединить эти нарративы в единый комплекс. Тексты подобного рода получили в настоящей работе название литературного ксенонарратива. Такой особый тип нарративного текста, повествующего о чужеродности, можно обозначить через корень «ксено-», означающую чуждость к чему-либо или кому-либо.

В отечественных лингвистических исследованиях эта номинация была закреплена Н.Д Арутюновой в работе о ксенопоказателях частицах *де-*, *дескать*, *мол*, *якобы*, являющихся «признаками чужого голоса, отчуждаемого голоса, чужого мира» [Арутюнова, 1992, с. 42]. Введение нового понятия было признано удачным рядом исследователей, в том числе Е.В. Падучевой и В. А. Плунгяном,

тоже исследующими частицы – показатели чужой речи (Падучева, 2011; Плунгян, 2008). Термин “ксенотекст” использует Д. Вайс в работе о прецедентных текстах в политическом дискурсе [Вайс, 2012, с. 65]. Автор понимает ксенотекст как прецедентный текст (вслед за Ю. Карауловым [Караулов, 2002, с. 215–216]), а кроме этого включает в это понимание простые цитаты, не считающиеся прецедентными из-за недостаточной известности. В понимании Д. Вайса, ксенотекст – текст, содержащий элементы чужой речи.

В данной работе определение корня ксено- в понятии литературный ксенонарратив также соотносится с репрезентацией чужеродных элементов, но не только на языковом, морфологическом уровне, а, в целом, на дискурсивно-функциональном. В рамках нашего исследования ксенонарратив понимается как художественный текст, тематически погружённый в контекст межкультурного взаимодействия, прагматически отражающий способ дискурсивной обработки культурно-языковой чужеродности и интенционально направленный на вербальный трансфер ментального опыта от автора-адресанта к читателю-адресату в формате литературно-нарративной коммуникации.

Глобальной темой, или семантической макроструктурой (см. ван Дейк, 1988; Макаров, 2003), ксенонарратива в настоящей работе рассматривается дифференциация, противопоставление категорий «свой» / «чужой» или «Я» / «другой». По формальным признакам исследуемые ниже тексты можно отнести к традиционному нарративу, характеризующемуся хронологическим перечислением событий, наличием завязки, развязки, а также эмоциональным отношением рассказчика. Обычно текст представлен в виде перволичного повествования: автор от первого лица рассказывает о событиях своей жизни. Выбор подобного типа повествования обусловлен специфическими отношениями между реальным автором и нарратором.

Обязательным условием классификации произведения как ксенонарративного текста является трансляция в нем опыта иммиграции,

преодоления чужеродности самим писателем. Понятие чужеродности терминологически принадлежит ко множеству научных направлений в политологии, социологии, антропологии и лингвистике. В кандидатской диссертации Ю.И. Детинко, посвящённой анализу средств дискурсивного конструирования чужеродности, автор обобщает теоретические размышления исследователей о сущностных свойствах и когнитивных последствиях разделения людей на «своих» и «чужих»:

- у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;
- у нас есть тенденция представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;
- у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;
- мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп;
- считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;
- среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;
- оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Детинко, 2013, с. 15].

Вербализация таких смыслов в отношении чужеродности обнаруживается в текстах литературных ксенонарративов. Это обусловлено центральной интенцией авторов и метафункцией ксенонарратива – минимизацией стресса адаптации, а также личной вовлеченностью реальных авторов литературных ксенонарративов.

Повествовательная перспектива, то есть степень охвата мира нарратором, ограничена точкой зрения автора. Во всем тексте ксенонарратива повествование

исходит от одного лица, героя, рассказывающего собственный опыт адаптации. В романе “Die undankbare Fremde” встречаются вставные истории, повествующие о взрослой жизни героини, о ситуациях, встречающихся ей на работе. Здесь повествователь описывает жизнь других иммигрантов, не справившихся с адаптацией и переживанием чужеродности. Во всех вставных историях повествовательная перспектива также исходит от нарратора, читатель слышит «голос» рассказчика, передающего истории соотечественников.

Для ксенонарративных текстов характерна темпоральность, хронологически-линейная организация событий. Избранные для анализа романы “Die undankbare Fremde” и “Girl in translation” представляют собой истории взросления главных героев, соответственно, обладают свойствами такого литературного жанра, как романа воспитания, или в более детальной типологии М.М. Бахтина, романа становления, где «сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа» [Бахтин, 1979, с. 190]. Хронологическая последовательность обусловлена взрослением героя, а событийная изменчивость связана с последовательным развитием характера персонажа, получением нового опыта, его когнитивными, психологическими, культурными изменениями.

Ксенонарративные тексты относятся к формату литературно-нарративной коммуникации по нескольким признакам. Несмотря на обладание действительным коммуникативным опытом адаптации в иноязычной культуре, реальные авторы ксенонарративов художественно и дискурсивно обрабатывают собственные действительные переживания, трансформируя настоящую историю в фикциональный мир литературного мира. Ксенонарратив действует в пространстве литературной коммуникации, в условиях вторичной коммуникативной ситуации: произведения имеют неограниченное количество

читателей-реципиентов, отсутствует единство времени и места порождения и восприятия текстов. Характер коммуникативной деятельности автора ксенонарратива и читателей однонаправлен: у нарратора и читателей нет возможности обмениваться репликами в режиме реального времени. В условиях литературной коммуникации адресату нарративного текста невозможно извлечь из ксенонарратива смысл, тождественный смыслу автора этого текста. Таким образом возникает пространство для множественной интерпретации такого вида литературного нарратива. Двухчастная система участников в естественно коммуникативной ситуации усложняется в пространстве ксенонарратива за счет присутствия разных повествовательных уровней: реальный автор-реальный читатель, нарратор-наррататор, нарратор-персонажи.

Ксенонарративный текст погружён в контекст межкультурной коммуникации¹, описывает последствия межкультурной адаптации², аккультурации³ и культурного шока, или стресса аккультурации⁴. Ксенонарратив включает в себя множество тематических блоков, лексики, эмоциональных оценок, поведенческих паттернов, описывающих особенности

¹ “Под межкультурной коммуникацией <...> мы понимаем межличностное общение между представителями различных культурных, а также субкультурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнёров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия [Куликова, 2004, с. 25].

² “...под адаптацией понимается основанный на личностных изменениях процесс достижения совместимости с чужой культурой и восстановление нарушенного при столкновении с ней равновесия между личностью и её ближайшим окружением” [Куликова, 2004, с. 46].

³ “В теории МКК наряду с термином культурная адаптация используется понятие аккультурация для обозначения процесса вхождения индивида в новую культуру и её освоение. Кроме того, адаптационный процесс интерпретируется некоторыми авторами как процесс активной межкультурной трансформации личности. За исключением нюансов, эти термины, с нашей точки зрения, обозначают одно и то же сложное психологическое состояние, свойственное человеку, вступающему в длительный контакт с чужой культурой, и результат этого трансформационного процесса” [Куликова, 2004, с. 46].

⁴ “Кризисная точка процесса аккультурации, или пик негативного опыта, наступившего от столкновения с новой культурой <...>, обозначается в специальной литературе термином культурный шок, реже – «шок перехода», «культурная утомляемость», «стресс аккультурации», а также «коммуникативный шок» [Куликова, 2004, с. 49].

разных культур. Повествователь в хронологически-линейной композиции текста описывает процесс прохождения через все этапы культурного шока, демонстрирует разные результаты адаптации и преодоления чужеродности: от культурного приспособления, интеграции и смены социальной и культурной идентичности до маргинализации, когда индивид теряет принадлежность к своей культуре, но не находит тесных связей с новой.

Таким образом, ксенонарратив определяется как литературное повествование, тематически погружённое в контекст межкультурного взаимодействия, прагматически отражающее способ дискурсивной обработки культурной чужеродности и интенционально направленное на вербальный трансфер ментального опыта от автора-адресанта к читателю адресату. Введение нового понятия в данной работе необходимо, поскольку дискурсивный, коммуникативный и функциональный подходы к изучению литературно-нарративной коммуникации и различных её продуктов-текстов требует детализированного описания всех характеристик исследуемого текста.

1.8. Конструктивные аспекты коммуникативной ситуации литературных ксенонарративов “Die undankbare Fremde” и “Girl in translation”

Прежде чем перейти к функционально-прагматическому анализу ксенонарративных текстов, необходимо подробнее остановиться на специфике вторичной коммуникативной ситуации литературного ксенонарратива, а также содержательном наполнении исследуемых произведений.

Роман “Die undankbare Fremde” писательницы чехословацкого происхождения Ирены Брежна был опубликован в 2012 году на немецком языке, а в 2014 - на русском. Роман “Girl in translation” писательницы из Китая Джин Квок издан в 2010 году на английском языке, а в 2011 переведен на русский язык. Оба романа представляют собой перволичный ксенонарратив. Внутритекстовый

нарратор является первичным, поскольку рассказывает основную историю, диегетическим, так как присутствует в обоих планах изображаемого мира - в плане повествуемой истории (диегесиса) и в плане самого повествования, акта рассказывания (экзегесиса). В качестве нарратора в обоих текстах выступает девочка-подросток, пережившая опыт культурной чужеродности, культурной и языковой адаптации в новой стране. Героиня романа “Die undankbare Fremde” не называет своего имени. Вместе с семьей она бежит от режима из Чехословакии в Швейцарию. Рассказчица романа “Girl in translation” Кимберли переехала с мамой из Китая в США. Обе героини стараются преодолеть негативный опыт аккультурации и минимизировать стресс адаптации. Повествовательная форма художественных произведений, образный и метафоричный язык текста, формирующие метаязыковой конструкт дискурсивной обработки культурной чужеродности, позволяют достичь этой цели.

Важной особенностью исследуемых ксенонарративных текстов является их автобиографичность. Конкретный автор романа “Die undankbare Fremde” Ирена Брежна в 1968 году в возрасте 18 лет действительно иммигрировала из Чехословакии в Швейцарию. Джин Квок переехала из Гонконга в Бруклин, когда ей было 5 лет. Множество фактов биографии конкретного автора Джин Квок находят параллели в нарративе романа: автор и героиня всё детство работали на фабрике по пошиву одежды в китайском квартале. Обе были из бедных семей, учились в государственных школах. Кимберли, как и Джин Квок, выигрывает престижную стипендию для обучения в одном из лучших университетов страны, который блестяще оканчивает.

Брежна и Квок, как и героини их романа, пережили стресс аккультурации и опыт культурной чужеродности, преодоление языкового барьера, социокультурную и психологическую адаптацию в принимающей стране.

Диктумное содержание ксенонарративов можно разделить на несколько взаимосвязанных повествовательных блоков: пребывание в родной стране,

бытовые проблемы при адаптации в чужой стране, проблемы психологического характера при адаптации, усвоение иностранного языка, взаимоотношения с представителями “своей” лингвокультуры и представителями “чужой”, принимающей лингвокультуры.

В романе представлены несколько ярких вторичных нарраторов – носителей вставных историй. Подруга героини романа “Die undankbare Fremde” Мара рассказывает о собственном процессе адаптации – выбранной стратегии ассимиляции в новой культуре. Клиенты героини, работающей переводчиком в суде, демонстрируют иные стратегии – сепарации и маргинализации, отказа принимать нормы и ценности новой культуры. Их истории иллюстрируют негативные последствия замкнутой жизни внутри преступных субкультур.

Вторичный нарратор в романе “Girl in translation” тетя Пола – антагонист главной героини Кимберли. Вышедшая замуж за американца, владеющего швейной фабрикой, ярко проявляет стратегию ассимиляции в американской культуре. Кимберли отмечает негативные аспекты этой стратегии, реализованные тетей Полой, переход к индивидуалистской культуре, противоположной коллективистской культуре Китая, в которой главными ценностями считаются отношения внутри общины, семьи. Друг Кимберли Мэтт во вставных историях о своем процессе адаптации повествует о последствиях сепарационной стратегии – жизни исключительно в пределах китайского квартала.

Обе героини, наблюдающие реализацию адаптивных стратегий других героев, делают вывод, что необходимо выбирать интегративный путь: осваивать новый язык, получать на нем образование, исполнять законы нового государства. Интеграция позволяет максимально эффективно минимизировать стресс адаптации у мигранта, увеличивает шансы на успешное вхождение в новую лингвокультуру.

Кроме перечисленных участников внутритекстовой коммуникации, экстралингвистическими компонентами коммуникативной ситуации ксенонарратива являются место и время в повествовании. В обоих проанализированных текстах присутствуют два пространства – “своего” и “чужого”: родной страны, предыдущего дома и новой страны. Языковые и дискурсивные средства описания и оценки двух пространств будут подробно проанализированы ниже. Время в ксенонарративах длится более 20 лет: от переезда героини в подростковом возрасте до фиксации факта адаптации взрослого человека.

Неотъемлемым компонентом вторичной коммуникативной ситуации литературного ксенонарратива является пресуппозиционный фон. В данной работе такой конструктивный аспект, как коммуникативные пресуппозиции рассматриваются на внутритекстовом уровне вторичной коммуникации: между нарратором и идеальным читателем. Подробный анализ использования языковых средств для формирования образа идеального читателя ксенонарратива представлен в практической главе настоящей работы.

Принимая во внимание погруженность ксенонарратива в межкультурный контекст, необходимо рассмотреть логические пресуппозиции субъекта порождения текста, нарратора, ограниченные пространством культуры. Такие культурные пресуппозиции позволят выявить степень влияния культурной картины мира на коммуникацию её носителя, его коммуникативное поведение. В докторской диссертации И.М. Шеиной, посвящённой лингвокогнитивным механизмам успешности межкультурной коммуникации, используется понятие культурной пресуппозиции, под которой понимается “совокупность знаний и представлений (выраженных языковыми средствами), которые коммуникант приобрел как носитель своей культуры в процессе инкультурации” [Шейна, 2009, с. 17].

Автор выделяет наиболее важные типы культурных пресуппозиций, влияющие на ход межкультурной коммуникации:

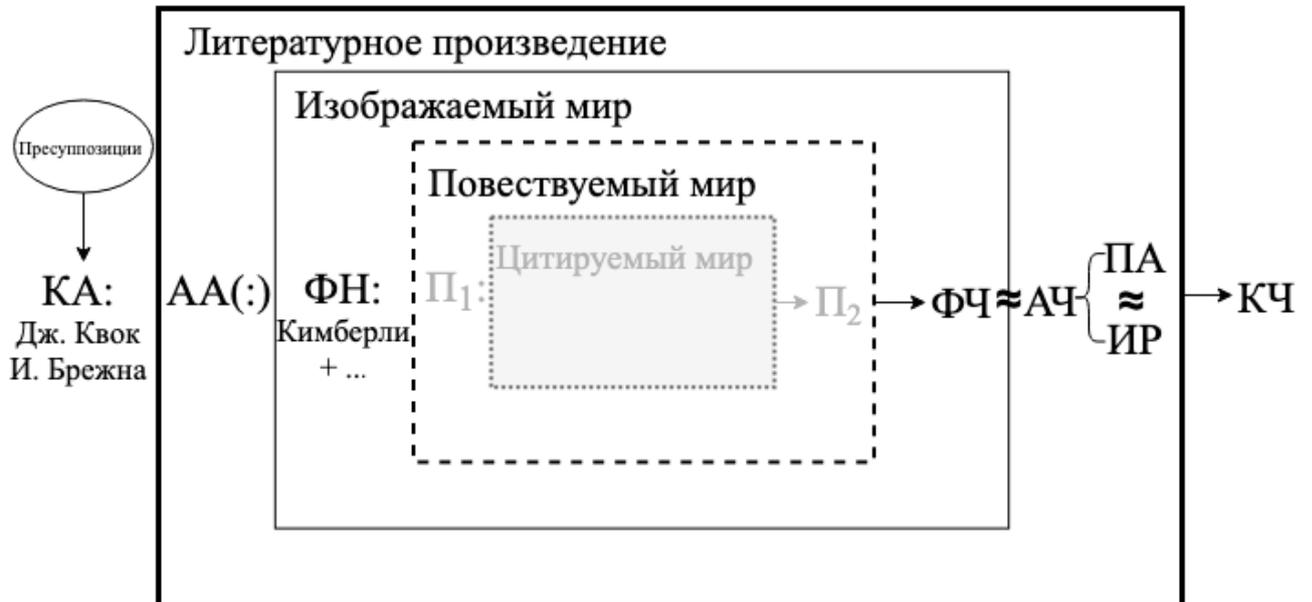
- знания об объектах, явлениях, событиях, которые существуют только в данной культуре;
- культурно-специфическое восприятие культурно-универсальных концептов или культурных категорий (время, пространство, судьба и т.д.);
- культурно-специфические представления об отношениях между людьми, формах проявления этих отношений, о намерениях собеседника, его целях, желаниях и т.п.;
- культурно-специфические представления о приемлемых формах поведения, в том числе речевого поведения;
- культурные ценности, которые приводят к культурно-специфической оценке явлений;
- ассоциации, вызываемые прошлым и настоящим культурным опытом, образом жизни [Шейна, 2009, с. 17].

Учет культурных пресуппозиций у рассказчиков в литературном ксенонарративе позволяет объяснить неуспешность коммуникации с представителями принимающей культуры. В исследуемых ксенонарративах противопоставляются такие культуроспецифические аспекты, как отношение мигрантов и местных жителей ко времени, пространству, их представления о нормах в социальном и коммуникативном поведении. Нарратор, вербализуя собственные культурные пресуппозиции, способен таким образом минимизировать стресс адаптации, обнаруживая разницу в культурной и языковой картинах мира своей страны и принимающей лингвокультуры.

Перечисленные конструктивные элементы коммуникативной ситуации в литературном ксенонарративе специфицируют схему литературно-нарративной коммуникации. Предложенная В. Шмидом модель коммуникативных уровней (см. Рис. 1) может быть дополнена с учетом выявленных специфических свойств

коммуникации в ксенонарративе. На Рисунке 2 изображена предложенная нами модель коммуникативных уровней ксенонарратива:

Рисунок 2. Модель коммуникативных уровней ксенонарратива

Объяснение сокращений и знаков:

КА - конкретный автор

ФЧ - фиктивный читатель (наррататор)

: - создает

АЧ - абстрактный читатель

АА - абстрактный автор

ПА - предполагаемый адресат произведения

ФН - фиктивный нарратор

ИР - идеальный реципиент

→ - направлено к

КЧ - конкретный читатель

П₁, П₂ - персонажи

≈ - не различается

При анализе повествовательных уровней в литературных ксенонарративах “Die undankbare Fremde” и “Girl in translation” мы выделили уровень вторичных нарраторов в повествуемом мире – это тетя Пола, Мэтт и Мара – второстепенные персонажи произведения. Однако функционально-прагматический анализ потребовал от нас сфокусировать внимание лишь на верхних уровнях – конкретного (КА), абстрактного авторов (АА) и фиктивного нарратора (ФН), а также фиктивного (ФЧ), абстрактного (АЧ) и конкретных читателей (КЧ). Истории второстепенных героев как вторичных нарраторов не учитывались при

формулировании функции, использовались лишь их высказывания, переданные фиктивным нарратором.

В настоящей работе мы не проводили строгого разделения между повествовательными инстанциями фиктивного читателя и абстрактного читателя. Фиктивный нарратор не эксплицирует в тексте образ фиктивного читателя, а имплицитные маркеры адресованности могут быть одинаково справедливо отнесены как к фиктивному, так и к абстрактному читателю. Как уже было сказано выше, предполагаемый адресат и идеальный читатель также четко не дифференцируются, поскольку являются частями единого образа абстрактного читателя, выполняя разные функции. В практической главе настоящей работы при описании этих двух репрезентаций абстрактного читателя мы будем использовать оба термина, подчеркивая различие их функций. В предлагаемой схеме особо выделяется и пресуппозиционный фон, оказывающий воздействие на авторскую вербализацию опыта чужеродности.

Таким образом, важнейшими конструктивными элементами вторичной коммуникативной ситуации в литературном ксенонарративе являются повествовательные инстанции конкретного и абстрактного авторов, фиктивного нарратора, фиктивного и абстрактного читателей. Пресуппозиционный фон конкретного автора также является элементом, воздействующим на процесс литературно-нарративной коммуникации. Особую роль занимают место и время в повествуемом мире, также репрезентирующие функции литературного ксенонарратива.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе диссертации были рассмотрены общетеоретические вопросы, связанные с актуальными для исследования проблемами. В основу современных подходов к изучению нарратива легли фундаментальные работы отечественных и зарубежных учёных-формалистов и структуралистов. «Нарративный поворот» в гуманитарных науках привёл к тому, что в теории повествования стали активно разрабатываться такие направления, как анализ дискурса, теория повествовательных уровней, прагматический и функциональный подходы. Нарратив, понимаемый как рассказ в определенной последовательности о событиях, происходивших в прошлом, может рассматриваться в качестве дискурсивной единицы, стратегии текстопорождения, а также в качестве единицы текста. Литературный нарратив характеризуется типологическими категориями нарративности и литературности. О литературности текста свидетельствует его фикциональность, принадлежность к жанру и признание его эстетической ценности. К нарративности относятся такие критерии, как выявленность повествователя, наличие повествовательной перспективы, разделение субъектов порождения и восприятия речи.

Современный подход антропоцентрической лингвистики обратил внимание исследователей на коммуникативный аспект нарратива, что способствовало более детальному рассмотрению форм и элементов литературной коммуникации. Взаимодействие между адресантом и адресатом художественного текста обладает рядом сущностных характеристик, отличных от ситуации естественной коммуникации. В условиях литературной коммуникации снимается ограничение на количество участников общения: на внешнетекстовом уровне коммуникации возможно бесконечное число читателей, а на внутритекстовом уровне диалоговое взаимодействие повествователя и персонажей представляет собой одновременное

существование нескольких голосов в тексте произведения, или повествовательную полифонию.

Рассмотрение в настоящей работе нарративных текстов с точки зрения коммуникативистики расширяет понятие литературной коммуникации до литературно-нарративной, представляющей собой особый тип несобственно-прямого взаимодействия, реализующегося на внутритекстовом уровне через дискурс повествователя и персонажей, а на внешнетекстовом – через дискурс автора и читателя.

Сложная иерархическая структура литературно-нарративной коммуникации включает в себя несколько повествовательных уровней автора и читателя, каждый из которых обладает своим голосом, вербальными характеристиками и интенциями.

Среди большого количества текстов, принадлежащих литературно-нарративной коммуникации, выделяется особый комплекс произведений, обладающих отличительными содержательными, композиционными и коммуникативно-прагматическими характеристиками, определяемый в данной работе как ксенонарратив. Под ксенонарративом понимается литературное повествование, тематически погружённое в контекст межкультурного взаимодействия, прагматически отражающее способ дискурсивной обработки культурной чужеродности и интенционально направленное на вербальный трансфер ментального опыта от автора-адресанта к читателю адресату. Корень ксено- в работе репрезентирует включенность в повествование чужеродных элементов на языковом и дискурсивно-функциональном уровнях. Формально ксенонарратив относится к первоначальному типу повествования и характеризуется хронологическим перечислением событий.

Ксенонарративы, исследуемые в работе, – роман “Die undankbare Fremde” И.Брежна, написанный на немецком языке, и роман “Girl in translation” Дж. Квок, написанный на английском языке, – истории взросления героев,

переживающих опыт иммиграции в чужую страну. Обязательным аспектом отнесенности текста к ксенонарративу является трансляция опыта культурной адаптации, преодоления чужеродности, а также автобиографичность.

Опосредованная коммуникативная ситуация в литературном ксенонарративе отражена в модели коммуникативных уровней. В качестве элементов модели выступают повествовательные инстанции: конкретный и абстрактный авторы, фиктивный нарратор, конкретный и фиктивный читатель. Инстанции фиктивного и абстрактного читателей рассматриваются в работе как тождественные из-за отсутствия вербального эксплицитного выражения этих уровней. Коммуникативные пресуппозиции конкретного автора также выступают элементом модели литературно-нарративной коммуникации.

В настоящей работе мы рассматриваем процесс литературно-нарративной коммуникации в литературном ксенонарративе с позиций функционально-прагматического подхода.

Под функцией в данной работе понимается роль, задача высказывания, направленная на выполнение цели, определяемой автором, или, иначе, коммуникативная направленность автора. Любой нарративный текст характеризуется социальными, психологическими и коммуникативными функциями. Ксенонарратив также репрезентирует основные функции, однако особое внимание в работе уделено спецификации регулятивной функции нарратива, названной в настоящей работе трансфером ментального опыта. Эта функция реализуется повествованием, основное содержание которого опосредовано межкультурным взаимодействием, и заключается в стремлении автора ксенонарратива передать реципиенту оформленный в тексте опыт преодоления чужеродности.

На основе анализа текстов романов и выявления повторяющихся дискурсивных фрагментов был сделан вывод об основной интенции автора – желании минимизировать стресс адаптации. Процесс рассказывания позволяет

автору, пережившему отрицательный межкультурный опыт, оформить реальные ситуации в единую картину повествования. Выделенная интенция выступает в качестве метафункции ксенонарратива и реализуется в тексте, что позволяет автору интерпретировать события прошлого и трансформировать в осмысленное новое знание.

Интеннт-анализ (метод реконструкции интенции говорящего по его речи) литературного ксенонарратива позволил выявить несколько основных авторских стратегий, репрезентирующих функции минимизации стресса адаптации и трансфера опыта: стратегию идентификации чужеродности, стратегию языковой аккультурации и стратегию субъективизации авторского высказывания. Выявлению в ксенонарративе перечисленных стратегий на основе языковых и культурно-конвенциональных способов дискурсивной обработки культурной чужеродности на разных повествовательных уровнях посвящена вторая глава.

ГЛАВА 2. КСЕНОНАРРАТИВ КАК СПОСОБ ДИСКУРСИВНОЙ ОБРАБОТКИ КУЛЬТУРНОЙ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ФОРМАТЕ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Языковой и культурно-конвенциональный уровни дискурсивной обработки культурной чужеродности в ксенонарративе

Процесс вербальной рефлексии инокультурного опыта в литературном ксенонарративе на основе разноуровневых языковых средств и осмысления культурно-конвенциональных норм другой лингвокультуры определяется в настоящей работе как дискурсивная обработка коммуникативного контекста чужеродности. Понятие дискурсивной обработки было введено в работах Л.В.Куликовой, С.Б.Белецкого (2010, 2011); Я.В.Поповой (2014). В работе С.Б.Белецкого дискурсивная обработка определяется как «вид макродискурсивной практики, как этап процесса структурирования коммуникативного события или самоорганизации дискурса в целом» [Белецкий, 2010, с. 94–95], а также как «коммуникативные действия, направленные на решение коммуникативной проблемы и служащие продолжению актуального дискурса» [Белецкий, 2010, с. 96]. В монографии авторы уточняют определение понятия и понимают дискурсивную обработку как «комплексную корректировку картины мира с целью дальнейшего конструирования актуального дискурса» [Белецкий, Куликова, 2011, с. 117]. Я.В. Попова в своем исследовании использует понятие коммуникативной обработки – «комплекса коммуникативно-языковых действий, направленных на предотвращение сбоя (провала) в межличностном общении или корректировку нежелательного дискурсивного эффекта» [Попова, 2014, с. 23]. В приведённых работах дискурсивно обрабатываются табуированные речесмыслы или иррациональность как виды дискурсивных практик, общее у исследователей в понятии дискурсивной обработки – комплекс

коммуникативных действий, направленный на решение какой-либо повторяющейся коммуникативной задачи или проблемы. В рамках данной работы дискурсивная обработка культурной чужеродности решает рекуррентную проблему осознания и переживания опыта адаптации в другой стране.

Основной текстовый ряд в исследуемых литературных ксенонарративах может быть представлен в виде повторяющейся модели: ситуация взаимодействия с представителем/явлением/артефактом чужой культуры + рефлексия героини. Вторая часть модели отражает процесс осмысления ею реальности в оппозиции «свой-чужой»: любую ситуацию столкновения с другой культурой героиня категоризует, сравнивая две культуры и противопоставляя родную лингвокультуру неродной.

Эта рефлексия дискурсивно обрабатывается в тексте на нескольких уровнях: языковом (лексическом, синтаксическом) и культурно-конвенциональном. Отметим, что в своей работе под социальной, в широком смысле слова, рефлексией вслед за Е.М. Ковшовым мы понимаем «способ осознания действия межличностных (в том числе межгрупповых) социокультурных механизмов любой целесообразной деятельности. В отличие от познавательной, ей присуще доминирование аксиологического аспекта над гносеологическим, которое выражается в осознании мотивов и целей субъектами социальной деятельности» [Ковшов, 1999, с. 19].

Как показал анализ эмпирического материала исследования – романов “Die undankbare Fremde” И. Брежна и “Girl in translation” Дж. Квок – дискурсивная обработка культурной чужеродности реализуется главным образом через **лексические средства**.

Это **семантические оппозиции**, которые, во-первых, выражаются через местоименный и номинативный дейксис. Эта оппозиция в романе “Die undankbare Fremde” является трехчастной, поскольку героиня

противопоставляет себя как своей родной культуре, так и чужой. Поэтому она часто употребляет личные местоимения „ich“, „wir“, „sie“. Родину героиня называет „Heimatland“ («Родина»), „mein Land“ («моя страна»), для чужой страны выбирает слово „fremd“ («чужой»), а также использует метафору «старый муж» – „alten Mann“, „mein Mann“:

„Die Welt war in „Ich“ und „Das fremde Land“ zerbrochen. Ich nannte es „mein Mann“. Wenn ich „meinen Mann“ anschaute, sah ich, was er nicht sah“. [Brezna, 2012, p. 18].

(«Мир раскололся на «я» и «чужой край». Я называла его «мужем». Взглянув на «мужа», я видела то, чего не видел он» [Брежна, 2014, с. 24–25]);

“Ich fühlte mich wie ein Ding, das Mutter in ein fremdes Haus gestellt hatte, wie eine unmündige Braut, hundert Jahre zurückgeworfen, verheiratet an ein Land wie an einen strengen, alten Mann. Ihn lieben und achten sollte ich, mich mit ihm ein Leben lang vertragen“ [Brezna, 2012, p. 18].

«Почувствовала себя вещью, которую мама поставила в чужой дом, несовершеннолетней невестой, отброшенной на сто лет назад, насильно выданной замуж за страну, похожую на строгого старика. Мне полагалось любить и уважать его, навеки связать с ним свою жизнь» [Брежна, 2014, с. 24].

Две политические системы также получают различные номинации, находящиеся в оппозиции: „Diktatur“, „autoritärer Staat vs Demokratie“, „freie Bürger“:

“Was in unserer Diktatur ein Schimpfwort war, ein sanktionswürdiges Vergehen, verwandele sich in eine demokratische Errungenschaft“

«Что в нашей диктатуре было постыдным, подсудным преступлением, вдруг превращалось в достижение демократии» [Брежна, 2014, с. 50].

Про себя она говорит:

“Zu jung war ich für dieses erwachsene, vernünftige Land“ [Brezna, 2012, p. 33].

(«Я была слишком юной для этой взрослой и рассудительной страны» [Брежна, 2014, с. 47]).

Кимберли, героиня романа Джин Квок, использует оппозицию «мы-они», подчеркивая разницу между американцами, а также ассимилировавшимися здесь китайцами и их семьей – мамой и девочкой:

“*That was Ma and me: two squeamish Buddhists in the apartment from hell” [Kwok, 2010, p. 24].*

(«Вот такие мы были с Ма: две брезгливые буддистки в дьявольском логове» [Квок, 2011, с. 39]).

Автор избирает для героев номинацию “*squeamish Buddhists*”, противопоставляемую месту, а котором они находятся – “*hell*”.

Кимберли также вербализует противопоставление «я-они», описывая невозможность своего равенства с американцами:

“*My English had improved. In other ways, though, I still lived in a different world. Most of the kids in my homeroom were the same as from the previous year, but I didn't really know them” [Kwok, 2010, p. 165].*

(«Мой английский стал гораздо лучше. Во всем остальном я продолжала существовать в ином мире. Одноклассники были те же, но я по-прежнему почти ничего о них не знала» [Квок, 2011, с. 260]).

Даже, почти ассимилировавшись в стране, спустя 7 лет, девушка не чувствует себя американкой:

“*No matter how well I did in my classes or how well I managed to fake belonging to the cool circle, I knew I was not one of them” [Kwok, 2010, p. 268].*

(«И неважно, насколько блестяще я отвечала на экзаменах и сумела ли проникнуть в круг популярных студентов, – я все равно знала, что не стану одной из них» [Квок, 2011, с. 418]).

Во-вторых, семантические оппозиции выражены через понятия принадлежности «свой – чужой», пространства «там – здесь». Эти

противопоставления можно наблюдать на уровне высказываний в микроконтекстах. Продолжая описывать оппозицию «я» – «чужое», героиня романа “Die undankbare Fremde” рассказывает о занятиях по немецкому языку:

„Doch sicher war nur die Langweile, die mich befiel. Der Lehrer machte es vor, er erklärte langatmig, was er in der Unterrichtsstunde durchnehmen würde, und verwirklichte Punkt für Punkt seinen Vorsatz. Ich sehnte mich nach Überraschungen, mochte so sehr dieses Wort, in dem es überrasch zugging, und störte den Unterricht mit Einfällen“ [Brezna, 2012, p. 28]

(«Но с уверенностью можно было утверждать лишь одно: мне было невыносимо скучно. Учитель следовал образцу, неторопливо рассказывая о том, что будет на уроке, и шаг за шагом выполняя свой план. А мне так хотелось неожиданностей, так нравилось это слово, которым отрицалась томительная данность, что я прерывала урок внезапными предложениями» [Брежна, 2014, с. 39]).

В приведенной цитате манера ведения урока у учителя названа через определенно коннотированное прилагательное „langatmig”– долгой, скучной, а также использован устойчивый оборот „Punkt für Punkt“, иллюстрирующий стремление учителя неукоснительно следовать плану занятия. В противопоставление существительному „die Langweile“ («скука») автор подбирает антоним „die Überraschung“ («неожиданность») для описания собственного отношения к урокам.

Героиня, познавая новый язык, остро чувствует разницу в значениях слов и в их употреблении, подчеркивая категоричность коммуникативного стиля чужой культуры:

„Ich konnte mich an diese Grobheit nicht gewöhnen, versuchte das Nein in ein feines Vielleicht oder ein begeistertes Ja umzuwandeln“ [Brezna, 2012, p. 53]

(«Мне было трудно привыкнуть к такой грубости, я старалась превратить «нет» в утонченное «может быть» или в воодушевленное «да» [Брежна, 2014, с. 76]).

Она подчеркивает непривычный для неё подбор слов в чужой культуре:

„*Die Radikalität des „Ich liebe dich“ mochten die Dialekte nicht. Das höchste aller Gefühle: „I ha di gärn“ benutzte man auch für das Müesli*“ [Brezna, 2012, p. 30] («Говорящие на диалектах избегали грубого «я люблю тебя». Выражением высшего чувства оказывалась фраза «мне с тобой легко», употреблявшаяся и по отношению к мюсли» [Брежна, 2014, с. 43]).

Нормальное для её культуры прямое выражение любви в чужой культуре характеризуется лексемой „die Radikalität“ («радикальность»).

В романе “Girl in translation” оппозиция «свой-чужой» ярко репрезентируется посредством концепта семьи. В китайской традиции семья – важная часть жизни человека, и главное – это поддержка в семье, уважение друг к другу, особенно к старшим. Неслучайно в романе появляется тётя Пола – родная сестра мамы Кимберли, которая помогает им эмигрировать, найти работу и дом. Тётя Пола акцентирует принадлежность к семье, к пространству «своего»:

“The people in your apartment moved out recently so I haven’t had a chance to look at it yet, but remember, if there are any problems, we will fix them. Together. Because we are family” [Kwok, 2010, p. 8].

(«Из вашей квартиры совсем недавно съехали жильцы, и я ее пока не видела, но помните, если возникнут проблемы, мы их сразу же уладим. Вместе. Потому что мы одна семья») [Квок, 2011, с. 13]).

Но тётя Пола стремится только к получению выгоды от своей младшей сестры: она даёт им не пригодную для жилья квартиру, непосильную работу, за которую платят мизерные деньги. Когда Кимберли и её мама осознают это, они вычеркивают тётю из пространства семьи:

“It will be all right. You and me, mother and cub. The two of us as a family” [Kwok, 2010, p. 11].

(«Все будет хорошо. Ты и я, мама и детеныш, мы двое – семья») [Квок, 2011, с. 18]).

В пространство семьи могут входить не только родственники, но и соотечественники, живущие рядом и испытывающие похожие трудности адаптации в чужой стране. Однако для повествователя они тоже, скорее, из области «чужого»:

“They interspersed their Chinese with English to show off how Americanized they were and everyone apparently knew I was fresh off the boat” [Kwok, 2010, p. 41].

(«Они чередовали китайские слова с английскими, демонстрируя, какие они настоящие американцы, и, похоже, всем было известно, что я «только что из джонки» (из деревни – прим. автора) [Квок, 2011, с. 65]).

Кимберли раскрывает сложность оппозиции свой-чужой. В ситуации культурной чужеродности, где жители новой страны априори находятся в чужом для мигранта пространстве, привычная система меняется или даже разрушается. Традиционная структура крепкой семьи ломается, родные хотят только нажиться на чужих трудностях. Соотечественники тоже не попадают безусловно в пространство «своего», потому что они решают собственные проблемы. Хотя люди, говорящие на одном языке, всё же находятся ближе местного населения. Поэтому герой, переживающий стресс адаптации, вынужден заново выстраивать мир с его границами между своими и чужими.

Сформировать представление о разности культур автору помогают многочисленные **образные сравнения**:

„Sie hielten die Zeit an kurzer Leine, und meine Zeit war ein steiler Schwalbenflug. Kaum holte ich weit aus, schon öffneten sie den Terminkalender. Nicht nur am Bankschalter, auch auf der Parkbank trugen sie den engen Zeitanzug, legten das Jackett nicht ab. Die Uhr war das Urbild, nach dem der Mensch geschaffen wurde“ [Brezna, 2012, p. 54]

(«Они держали время на коротком поводке, а мое время ласточкой взмывало вверх. Стоило мне размечтаться о будущем, как они раскрывали ежедневник. Не только у окошка в банке, но и на скамейке в парке они не снимали узкого

временного костюма, не оставались в рубашке. Часы служили образом, по которому был создан человек» [Брежна, 2014, с. 77]).

Немецкий фразеологизм „an kurzer Leine halten“ и метафора „ein steiler Schwalbenflug“ позволяют героине описать различное отношение ко времени в двух культурах. Такую разницу культур Западной и Восточной Европы подтверждают и исследования классиков теории межкультурной коммуникации. В работах Э.Т. Холла (Hall, 1990) это противопоставление названо «полихронность-монокронность». В монокронных культурах время представлено линейно, его можно охватить. Представители таких культур предпочитают выполнять одно дело в течение определенного отрезка времени. Люди такого типа не любят отступать от намеченного плана, менять задуманное. Напротив, полихронный тип культуры характеризуется привычкой делать несколько дел одновременно. Люди из полихронных культур, как правило, межличностные взаимоотношения ставят выше запланированных дел и могут легко изменить их [по Куликова, 2004, с. 56–57]. Метафора вольной и непредсказуемой ласточки подтверждает принадлежность родной героине культуры к полихронному типу. «Временной костюм» чужой культуры символизирует четкий план действий, свидетельствующий о тенденции представителей данной лингвокультуры к монокронному поведению.

Еще одно образное описание выражает чувствительность героини к чужому языку:

„Und meine Sprechweise in der neuen Sprache war verdächtig zerklüftet. Ein Fehler geschah, ein Loch tat sich auf. Die Einheimischen mochten geglättete Verhältnisse, zubetonierte Löcher“ [Brezna, 2012, p. 22].

(«Моя манера изъясняться на новом языке тоже была подозрительно обрывиста. Каждая ошибка походила на разверстную дыру. А здесь ценили гладкие отношения, любые дыры тщательно бетонировались» [Брежна, 2014, с. 30]).

В противопоставлении именной части составного сказуемого „zerklüftet“ («разорванный, обрывистый») и определения „geglättete“ («выглаженный») снова подчеркивается уже названное стремление героини к неожиданности, непредсказуемости.

В романе “Girl in translation” нарратор использует метафору «бамбукового узелка»:

““Bamboo shoot” was a term for a kid who’d been born and raised in America, meaning he or she was too westernized. I’m a bamboo knot, I wanted to say: born in Hong Kong but brought over here young. A bamboo knot blocks the hollowness of the bamboo shaft, yet the knot gives the bamboo its strength as well” [Kwok, 2010, p. 187].

(«Бамбуковыми побегами» называли детей, родившихся и выросших в Америке, имея в виду их чрезмерную «западность». «Я бамбуковый узелок, – хотелось выкрикнуть мне. – Рожденный в Гонконге, но совсем юным привезенный сюда». Узелки на стебле бамбука делают его чуть менее гибким, но зато гораздо более прочным» [Квок, 2011, с. 294]).

Образ узелка говорит о характере героини и о цели её адаптации – ассимилироваться, доказать, что она способна жить в новых условиях, бороться.

На **композиционном уровне** организация ксенонарратива позволяет автору осмыслить опыт через использование формальных параметров. Например, важным средством дискурсивной обработки становится **организация хронологии текста**.

Хронологический порядок романа “Die undankbare Fremde” выстраивается таким образом, чтобы отдельный фрагмент нарратива, в котором героиня рассказывает о трудностях переезда, адаптации или коммуникации, был связан с дополнительной включенной историей. Героиня взаимодействует с представителями своей этнической группы, которые испытывают те же самые трудности, что и она в детстве. Работая с ними, она пытается передать им свой

опыт, а также с помощью своей внутренней речи осмысливает его: *“Im Dolmetschervertrag steht, dass wir verpflichtet sind, das Gesagte gewissenhaft wiederzugeben. Für vorsätzlich falsches Übersetzen gibt es eine mehrjährige Freiheitsstrafe. Und pünktlich sollen wir sein und gepflegt aussehen. Aber ich bin zu zerzaust für diese frisierte Aufgabe. Das Schicksal des anderen treibt mich ans offene Meer, und der Wind rupft an meinen Gefühlen und Gedanken“* [Brezna, 2012, S. 20]. («В переводческом договоре написано, что мы обязуемся добросовестно передавать сказанное. За умышленное искажение смысла предусмотрено лишение свободы сроком на несколько лет. Нам надлежит быть пунктуальными и выглядеть ухоженно. Но я в таких растрепанных чувствах, что мне не до причесанных норм. Судьба другого человека уносит меня в открытое море, окрепший ветер рвет чувства и мысли» [Брежна, 2014, с. 27]).

В романе “Girl in translation” хронологическая организация текста также является дискурсивным средством обработки чужеродности. Время повествования охватывает 19 лет жизни китайской девочки в США. С развитием нарратива развивается характер девочки, адаптация постепенно трансформируется в ассимиляцию, взгляды героини на устройство жизни в Америке и в Китае, на ценности и цели меняются. Её первые впечатления от новой страны связаны с оценками бытовых условий или языковым барьером. Но, взрослея, она задумывается о вопросах расы, феминизма, политики:

“It was only later that I understood it in these terms, but what was immediately clear to me was that Aunt Paula had been right: the neighborhood of my school wasn’t nearly as bad as the projects neighborhood, which I’d learned was the name of where I lived” [Kwok, 2010, p. 65].

(«Мыслить подобными категориями я начала много позже, но практически сразу поняла, что Тетя Пола права: контингент в нашей школе гораздо приличнее, чем в «микрорайоне» – так называлось место, где мы жили» [Квок, 2011, с. 103]).

“With my family’s history, how could I believe in Communism? Even more than that, though, with all the time I spent trying to appear normal, I was too conscious of the dangers of sticking your neck out” [Kwok, 2010, p. 200].

(«Учитывая историю моей семьи, как я могла верить в коммунизм? И потом, я столько времени потратила, чтобы казаться обыкновенной девочкой, – мне хватало здравомыслия, чтобы не высовываться» [Квок, 2011, с. 315]).

Дискурсивная обработка культурной чужеродности реализуется не только на языковом уровне, но и на **культурно-конвенциональном**. На этом уровне происходит **противопоставление культурных пресуппозиций** мигранта с картиной мира принимающей лингвокультуры. Такая конфронтация приводит к усилению стресса адаптации, а вербализация и тем самым дискурсивная обработка собственных культурных пресуппозиций позволяет нарратору осмыслить причины культурной чужеродности и преодолеть её. Когнитивное освоение нового мира и культуры происходит через познание повседневных бытовых конвенций, их оценку и релевантность для мигранта и его культурных визави. Например, когда героиня романа “Die undankbare Fremde” с мамой выбирают подержанную мебель для нового дома, хозяин мебели дарит девочке коврик, который ей понравился. Она замечает:

„Er tat es, ohne zu seufzen und ohne mir ein entriefenden Kuss auf die Stirn zu drücken. So lernte ich, dass gute Gefühle hier getarnt und geräuschlos wie Partisanen unterwegs waren“ [Brezna, 2012, p. 17].

(«Не последовало ни вздоха, ни смачного поцелуя в лоб. Так я поняла, что добрые чувства здесь скрываются и маскируются, как партизаны» [Брежна, 2014, с. 23]).

В этой маленькой, казалось бы, незначительной истории автор вербализует важное противопоставление пресуппозиции в разных культурах: материальный мир против духовного. Она дальше рассуждает:

„In einer dieser Nächte fand ich heraus, dass ich reich war, ich besaß etwas, was dem sich schämenden Mann fehlte: Ich hatte ein tragisches Schicksal. Ich musste mich weder sorgen, es zu verlieren, noch um seine Wertsteigerung bemüht sein. Ein tragisches Schicksal war ein stabiler Besitz“ [Brezna, 2012, p. 17].

(«В одну из таких ночей я поняла, что богата. У меня было кое-что, чего не было у стыдливого хозяина дома: трагическая судьба. С ней не было хлопот по продаже, по набиванию цены. Трагическая судьба – незыблемое имущество» [Брежна, 2014, с. 23]).

Позже героиня решила прикормить бездомную кошку во дворе. Соседи запрещали ей это делать, поставили табличку „Katzen füttern verboten“ («Кормить кошек запрещено»). Бытовая ситуация вызвала в сознании героини мысли о новом противопоставлении культурных картин мира и разности пресуппозиций: ограниченность и свобода:

„Wie ich inmitten der umzäunten Welt ins Rasen kam! <...> Und sie schoren mir kahl und verpackten mich in sterile Döschen. Nein. Ihrer Zwangsneurose stellte ich meine Hysterie entgegen, rannte schreiend davon. Die wilde Natur auf zugebenhieß, nicht mehr zu sein“ [Brezna, 2012, p. 41].

(«Как же ярилась я посреди этого огражденного со всех сторон мира! <...> Они подстригли меня наголо и расфасовали по стерильным баночкам. Нет. Их принудительному неврозу я противопоставляла свою истерию, с воплем бежала от них. Уступить им дикую природу значило перестать быть» [Брежна, 2014, с. 58]).

Все эти истории сопровождаются ситуациями общения с представителями чужой культуры, в качестве кульминации имеют культурно-коммуникативный конфликт, а финал каждого фрагмента – рассуждение героини, вербализация её опыта. Обыденные ситуации столкновения разных культурных моделей снова можно объяснить, используя теоретические работы в сфере межкультурной коммуникации. О принадлежности новой для героини

культуры к «низкоконтекстному» типу (в терминологии Э.Т. Холла) свидетельствуют временный и поверхностный характер межличностных отношений. Для представителей таких культур типично быстрое установление контакта, но без глубоких чувств. Еще одной особенностью «низкоконтекстной» культуры является внимательное отношение к вербализованному тексту: документам, предписаниям, инструкциям. Поэтому для соседней героини важно было соблюдать запрет на кормление кошек. Рассказчица же, принадлежащая к «высококонтекстному» миру, легко готова нарушить предписанное, поскольку для нее важнее неозвученный контекст ситуации – необходимость покормить бездомное животное. По ее мнению, в такой очевидной ситуации любой бы нарушил запрет. Для неё также важны искренние человеческие чувства, поэтому она глубоко переживает «холодное», деловое отношение продавца к трогательному подарку.

Кимберли, героиня романа “Girl in translation” до переезда в США обладала немногочисленными знаниями об американской культуре. Доконтактный опыт героини не позволяет справляться с новыми культурными реалиями и пресуппозициями, её представления о новой стране основаны на немногочисленных стереотипах:

“Now that I was in the U.S., I assumed he would be appearing like all the other strange things I had heard of but had not seen until now, like red hair and mittens” [Kwok, 2010, p. 87].

(«Оказавшись в Штатах, я решила, что скоро увижу Санта-Клауса, как и многие другие явления, о которых прежде только слышала, как, например, рыжие волосы или варежки» [Квок, 2011, с. 139]).

Столкновение с новыми поведенческими моделями приводит героиню к необходимости перестраивать привычные модели поведения, например, она начинает прогуливать школу:

“I’d never done anything similar before. Like any good Chinese girl, I’d always followed the rules and been glad to be praised by the teachers. But the only alternative was going into Mr. Bogart’s classroom again” [Kwok, 2010, p. 44].

(«Я ведь никогда прежде не делала ничего подобного. Как всякая хорошая китайская девочка, я всегда следовала правилам и радовалась учительской похвале. Но единственной альтернативой было вновь войти в класс мистера Богарта. Я впадала в отчаяние» [Квок, 2011, с. 71]).

Непонимание между мигрантом и «чужаком» основывается не только на разности лингвокультур и системы пресуппозиций, но и на других причинах: языковая некомпетентность в первые годы эмиграции, стереотипно-настороженное отношение со стороны местных жителей, сопровождающееся, с одной стороны, жалостью или состраданием к героине, а с другой, открытой агрессией и ненавистью:

„Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken“ [Brezna, 2012, p. 28].

(«Некоторые наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции» [Брежна, 2014, с. 39]).

В романе Дж. Квок:

“A few of the kids snickered. I took a quick look around: almost all black with two or three white kids. No other Chinese at all, no help in sight.

“Can’t you speak English? They said that you did.”

This came out as a kind of grumbled whine. Who was he talking about? He took a breath” [Kwok, 2010, p. 29].

(«Несколько ребят в классе захихикали. Я озиралась: сплошь одни черные, двое-трое белых. И ни одного китайца. Помощи ждать неоткуда.

– Ты не говоришь по-английски? А мне сказали, что говоришь.

Тяжелый недовольный вздох» [Квок, 2011, с. 48]).

Таким образом, анализ языковых средств и культурно-конвенциональных элементов двух романов показывает, что такой способ дискурсивной обработки позволяет и повествователю, и конкретному автору осмыслить процесс адаптации в чужеродной среде. В тексте это реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На композиционном уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. Описание культурных особенностей чужой среды позволяет нарратору отметить разницу между культурными пресуппозициями, поведенческими и коммуникативными моделями в двух лингвокультурах, а также осмыслить причины коммуникативных неудач и агрессивного поведения со стороны носителей языка.

2.2. Метафункция минимизации стресса адаптации

В качестве метафункции ксенонарративных текстов исследование позволило выделить минимизацию стресса адаптации в иной культуре у рассказчика и читателя. Эту довольно универсальную потребность автора исследователи соотносят с психотерапевтической функцией рассказывания. При использовании метода кейс-нарратива повествование рассматривается как «средство организации личного опыта, отражающее эмоциональное состояние рассказчика и стимулирующее ответную реакцию слушателя» [Троцук, 2004, с. 63]. В ситуации межкультурного общения задача психологической терапии сводится к осмыслению разницы культур, к пониманию специфики нового, чужого мира, к его принятию.

Как показывает анализ, способ литературно-нарративной коммуникации позволяет этой функции наиболее полно реализоваться по ряду причин. Форма

художественной речи, отдаленная во времени от момента переживания ситуации, позволяет автору отобрать и классифицировать событийные элементы, а также осмыслить их и передать в виде художественной речи читателю. Нарратив как повествование, состоящее из хронологически расположенных ситуаций, дает возможность расставить выбранные элементы опыта в необходимом автору порядке. Форма перволичного нарратива повышает уровень читательского доверия к автору, который говорит как будто о себе, выражая реально пережитые эмоции.

В процессе анализа языковых средств дискурсивной обработки лингвокультурной чужеродности мы выделили две стратегии, реализующие функцию минимизации стресса адаптации.

2.2.1. Стратегия идентификации чужеродности

Отдельным комплексом речевых средств дискурсивной обработки в литературном ксенонарративе выступают элементы, свидетельствующие о прагматической стороне повествования, специфических авторских интенциях и коммуникативных стратегиях. Анализ языковых и дискурсивных элементов в ксенонарративах позволил выделить в качестве глобальной стратегии текста идентификацию чужеродности – демонстрацию разделения на «они» и «мы», сопоставление «своего» и «чужого», которая формируется за счет особой лексики, стилистических средств и композиционных тактик.

Стратегия идентификации чужеродности в разных произведениях может двигаться по нескольким траекториям. Первый вариант определяют «своё» – свою культуру, язык, народ – как нечто положительное, знакомое, правильное. Это направление выбирает героиня романа “Girl in translation” Кимберли. Она испытывает радость, когда оказывается рядом с чем-то прежним, знакомым, в описании использует **положительно оценочные конструкции:**

“I felt like skipping beside Ma as we passed restaurants with soy sauce chickens hanging in the window and jewelry stores that glittered with yellow gold. I could understand everyone without any effort” [Kwok, 2010, p. 33].
 («Я радостно подпрыгивала рядом с Ма, пока мы проходили мимо ресторана, где в витрине висели копченые цыплята, и мимо ювелирной лавки, сверкающей желтым золотом. Я свободно понимала все, что говорили люди вокруг» [Квок, 2011, с. 54]).

Или: *“I felt weightless and happy, as if I were in Hong Kong again”* [Kwok, 2010, p. 78]. («Я была так счастлива и невесома, будто вновь оказалась в Гонконге» [Квок, 2011, с. 124–125]).

Кимберли испытывает тоску и ностальгию по привычной жизни в Китае: *“I missed our neat little living room with its red couch and piano, on which Ma used to give lessons to kids after school”* [Kwok, 2010, p. 78]. («Я тосковала по нашей маленькой гостиной, где стояли красный диван и пианино, на котором Ма занималась с учениками после уроков в школе» [Квок, 2011, с. 37]).

Или: *“But I had just come from being the star at my old school, where I’d won prizes in Chinese and math in interschool competitions”* [Kwok, 2010, p. 78]. («Но я-то совсем недавно была звездой в своей школе, побеждала в математике и китайском на межшкольных олимпиадах» [Квок, 2011, с. 110]).

В тексте ксенонарратива „Die undankbare Fremde“ героиня тоже называет «своими» родные культуру и язык. Она использует лексику с положительной коннотацией “Lachen”, “ein warmer Strom”, “Zugehörigkeit”:

“Für mich war mein Land verspielte Muttersprache gewesen, Lachen mit meinen Freundinnen, selbstverständliche Zugehörigkeit, ein warmer Strom, der mich getragen hatte“ [Brezna, 2012, p. 18].

(«Моя страна осталась для меня утраченным родным языком, хихиканьем с подружками, неразрывной душевной связью, влекущим вдаль теплым течением» [Брежна, 2014, с. 24]).

Однако здесь она использует глаголы в форме прошедшего времени “war ... gewesen”, “getragen hatte”, демонстрируя невозвратимость «своего» в настоящую жизнь.

Если категория «своего» – знакомое и понятное, то «другое» – это чуждое, враждебное. Для героинь обоих ксенонарративов на первых этапах адаптации чужая культура и чужестранцы кажутся недружелюбными, опасными. Этот вариант стратегии идентификации чужеродности актуализируют **негативные эмотивные конструкции**. Например, первое впечатление Кимберли о Нью-Йорке:

“The painted English writing was illegible and looked like swirls of pure anger and frenzy. It covered almost everything, even the cars parked on the street” [Kwok, 2010, p. 21].

(«Неразборчивые надписи, покрывавшие все вокруг, включая припаркованные у тротуара автомобили, даже на вид казались безумно злобными» [Квок, 2011, с. 33]).

Первое впечатление о жителях Нью-Йорка:

“Some people were dressed in regular clothes but some looked exhausted and unkempt, with glazed eyes and unwashed hair” [Kwok, 2010, p. 7].

(«Кое-кто был одет прилично, но в основном все были неопрятные и неряшливые, с мутными глазами и невымытыми волосами» [Квок, 2011, с. 12]).

Героиня романа „Die undankbare Fremde“ описывает чуждость нового языка:

“Der Dialekt war der Geruch der Sippe, ihr Erkennungsmerkmal“ [Brezna, 2012, p. 113]. («От диалекта разило клановостью, он был опознавательным знаком» [Брежна, 2014, с. 146]).

Первая бытовая коммуникация вызывает агрессию и недовольство со стороны носителей языка:

“The man behind the counter said in English, “I ask got all day. You gonna buy something or not?” His tone was aggressive enough that Ma understood what he meant without translation. “Sorry, sir,” Ma said in English. “Very sorry.” That was about the limit of her English, so then she glanced at me” [Kwok, 2010, p. 20].
 («Мужчина за прилавком сердито сказал по-английски: – Я вас спрашиваю. Будете что-нибудь покупать или как? – Тон был настолько агрессивным, что Ма поняла его без всякого перевода. – Извините, сэр, – виновато пролепетала Ма, – очень извините. На этом ее знание английского заканчивалось, и она обернулась ко мне» [Квок, 2011, с. 32]).

Но процесс адаптации, знакомства с новой культурой меняет взгляд повествователя на категорию «своё/чужое». Герои находят в другой стране и культуре плюсы, окружающий мир уже не так пугает: *“I’d never imagined that Brooklyn could look like this, especially such a short distance from the school. There was no graffiti anywhere, no housing projects or construction pits”* [Kwok, 2010, p. 7].

(«Я и не представляла, что Бруклин бывает таким уютным, особенно так недалеко от школы. Никаких граффити на стенах, никаких развалин и строительного мусора» [Квок, 2011, с. 119]).

Носители принимающей культуры на первых этапах адаптации героинь не проявляли эмпатии, толерантности, стремились избегать коммуникации. В процессе адаптации герои встречают персонажей другого типа – терпеливых, понимающих и помогающих:

“Some teachers actually corrected the mistakes in my writing, which helped me enormously” [Kwok, 2010, p. 164].

(«Некоторые даже исправляли ошибки в моих письменных работах, что невероятно помогало мне» [Квок, 2011, с. 258]).

Освоение новой культуры даёт опыт, позволяющий по-иному оценивать свою культуру, что создаёт новую траекторию стратегии сопоставления – «своё»

не всегда значит «хорошо». Соотечественники расходятся во взглядах на ассимиляцию, друзья и знакомые героини “Girl in translation” выбирают стратегию ассимиляции – быстрого освоения языка и норм новой культуры:

“Mara wollte zeigen, wie angepasst sie sei, und rief:

– *Grüezi, oder?*“ [Brezna, 2012, p. 115].

(«Стремясь показать, что она своя в доску, Мара здоровалась так:

– Привет, ладно?» [Брежна, 2014, с. 150]).

Метафора «языковой перекресток» свидетельствует о разных «дорогах», которые выбирают эмигранты в новой стране. В ксенонарративе “Girl in translation” демонстрируется история, когда родственники, в китайской культуре считающиеся самыми близкими людьми, могут навредить: *“She’d done it all on purpose: letting us move on a weekday instead of during the weekend, giving us the presents at the last moment. She wanted to drop us here and have the factory as an excuse to leave fast, to get out when we were still thanking her for her kindness. Aunt Paula wasn’t going to help us. We were alone”* [Kwok, 2010, p. 11].

(«Она специально так сделала – заставила нас переехать в будний день, а не в выходные, вручила подарки в самый последний момент. Хотела бросить нас здесь одних, а фабрика просто была предлогом, чтобы поскорее смыться, пока мы будем рассыпаться в благодарностях за её доброту. Тетя Пола вовсе не собиралась нам помогать. Мы остались одни» [Квок, 2011, с. 18]).

Другая своеобразная траектория стратегии идентификации чужеродности заключается в отказе от выбора «своей» или «чужой» стороны. Героиня романа “Die undankbare Fremde” избирает иной путь – отказаться от любой национальной идентичности:

„Da hatten sie mir Zuflucht in der besten aller Welten geboten, und die undankbare Fremde verspottete ihre Weltanschauung“ [Brezna, 2012, p. 34].

(«Они раскрыли передо мной лучший из миров, а неблагодарная чужестранка высмеивала их мировоззрение» [Брежна, 2014, с. 49]).

Она не желает преодолевать культурный барьер ни на уровне личного, эмоционального «Я», ни на уровне социального «Я»: „*Ich blieb störrisch und weigerte mich, in der Zwangsehe mit dem Gastland glücklich zu werden*“ [Brezna, 2012, p. 35].

(«Но я сопротивлялась и отказывалась видеть счастье в принудительном браке с чужой страной» [Брежна, 2014, с. 50]).

Реализация стратегии идентификации «своего» и «чужого» реализуется не только на лексическом уровне с помощью коннотаций, эмотивов, метафор, но и на **фонетическом**. Например, китаянка Кимберли на первом этапе адаптации плохо понимает английский язык. Таким образом она описывает произношение американцев:

“*Go down da hall, two fights up, classroom’s firsdur left,*” she said, pointing” [Kwok, 2010, p. 28].

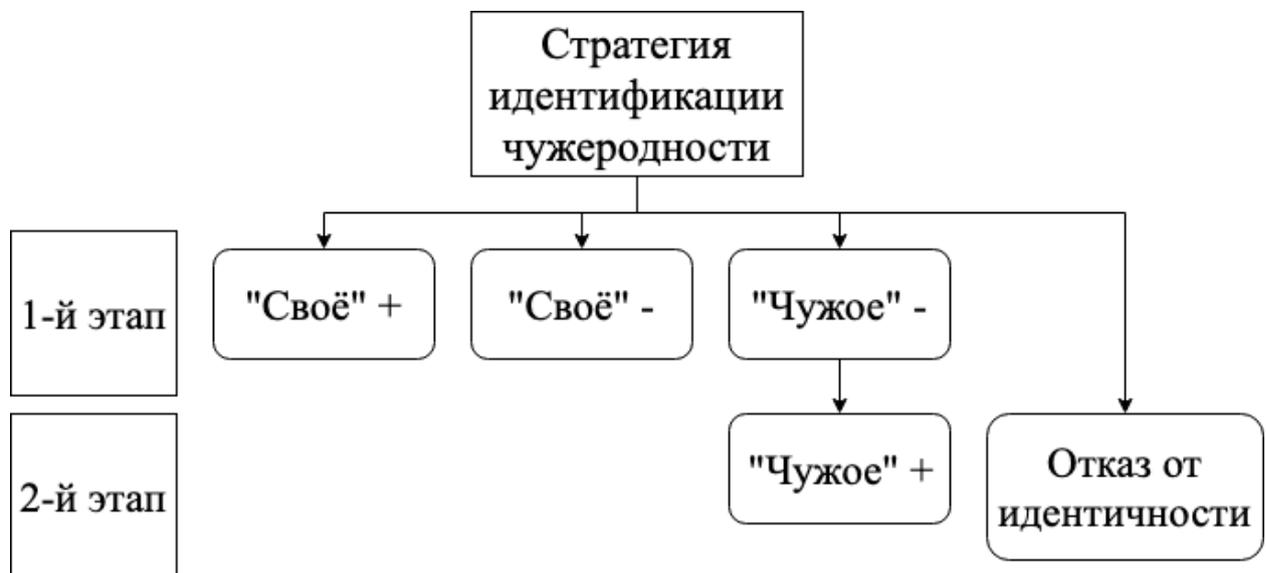
(«– Иди по коридору, два прата вверх, пердверь лева – твой класс, – махнула она рукой» [Квок, 2011, с. 46]). Фонетическое искажение слов подчеркивает чужеродность окружающего мира для эмигранта.

Стратегия идентификации чужеродности имплицитно выражена и на уровне **композиции текста**. Траектории этой глобальной стратегии, оценки «своего» и «чужого» как бы сменяют друг друга по ходу произведения. Начальные главы ксенонаративов описывают первые этапы адаптации героинь – культурный шок, поэтому в этой части текстов воспроизводятся стратегии «своё» – знакомое, «чужое» – враждебное. Ассимиляция в новой культуре позволяет изменить эти оценки, и героини разных романов выбирают разные стратегии: адаптации – «чужое» становится знакомым или отказа от идентичности – «неблагодарная чужестранка».

Повествовательница в романе “Die undankbare Fremde” эксплицирует на композиционном уровне стратегию идентификации чужеродности посредством **размещения вставных историй**. Эти истории повествуют о её уже взрослой жизни и работе переводчицей, где она помогает своим соотечественникам-эмигрантам. Героиня выбрала стратегию отказа от идентичности, поэтому «свои» соотечественники уже не вызывают положительных, ностальгических эмоций. Во вставных историях представлен негативный опыт преступности, наркомании, нищеты, прочно связанный с бытом мигрантов: *“Der Angeklagte spricht von der Droge mit Achtung und Hass, sie ist ihm Feind und Freund, Vater und Mutter, Himmel und Hölle und das Leben selbst”* [Brezna, 2012, p. 21]. («Подсудимый говорит о наркотиках с ненавистью и уважением. Они ему друг и враг, отец и мать, рай и ад, вся жизнь» [Брежна, 2014, с. 28]).

Перечисленные траектории оценки категорий «свой» / «чужой» схематично представлены на рисунке 3:

Рис. 3. Траектории стратегии идентификации чужеродности

На первом этапе культурной адаптации «своя» культура оценивается положительно, однако уже фиксируются примеры негативной коннотации по отношению к группе соотечественников в новой стране. Принимающая

культура получает негативные оценки, но в процессе адаптации негативизация смягчается. Отказ от выбора «своей» группы является обособленной стратегией идентификации чужеродности.

Остановимся подробнее на способах дискурсивной обработки лингвокультурной чужеродности, репрезентирующих перечисленные стратегии идентификации чужеродности. В тексте столкновение своей и чужеродной культуры представлено в виде реальных пространственных и метафорических дискурсивных границ, разделяющих эти культуры. Под **дискурсивной границей** мы здесь понимаем ментальные представления и речеповеденческие паттерны, определяющие пределы своего и чужого. При описании взаимодействия разных культур нарратор ощущает и демонстрирует присутствие границы. Пересечение такой дискурсивной границы между «своим» и «чужим» расширяет пространство «своего». Если граница остается не пройденной, то человек сохраняет разделение, зачастую это происходит сознательно.

В анализируемых текстах рассказчики описывают разные формы проявления дискурсивных границ. Первое препятствие – одно из самых очевидных в условиях общения разных культур – **языковая компетенция**. Героини, их семьи и их соотечественники вынуждены жить и работать в стране, говорящей на другом языке. Для преодоления языкового барьера и, соответственно, расширения границ «своего» пространства им необходимо овладеть новым языком.

Нарратор в романе “Die undankbare Fremde” описывает разные стадии принятия языка представителями своей культуры: многие чужестранцы, приехавшие недавно, не знают языка, поэтому любая коммуникация с официальными представителями государства или с обычными жителями устанавливает непреодолимый барьер. В одной из ситуаций героиня переводит показания осуждаемого соотечественника, говорящего только на родном языке:

„*Ich schmücke seine Rede aus, füge «verehrtes Gericht» und «Eurer wunderbares Land» hinzu <...> Das fremdartige Pathos weckt jedoch Misstrauen*“ [Brezna, 2012, p. 20].

(«Я украшаю его речь, добавляю «высокоуважаемый суд» и «вашу замечательную страну». <...> Однако чужеродный пафос вызывает лишь подозрение» [Брежна, 2014, с. 26]).

Незнание особенностей стиля чужой речи может направить отношение суда в нежелательную сторону, но героине удастся сгладить стилистические ошибки в речи молодого человека за счет использования всех необходимых выражений в ситуации официального общения. Герой не способен преодолеть границу, и это может привести к коммуникативной неудаче, а также помешать достижению целей в социальной жизни. У многих мигрантов нет денег или желания посещать языковые курсы, но такое отношение настраивает окружающих враждебно к ним. Открытое нежелание учить язык может также свидетельствовать об осознанной потребности оставаться в рамках своего языка и культуры:

„*In einem halben Jahr hat er es nicht fertiggebracht, einen ganzen Satz in unserer Sprache zu sagen. Das ist Widerstand. Er will nicht hier bleiben, – sagt die Psychologin*“ [Brezna, 2012, p. 117].

(«Прошло уже полгода, а он на нашем языке двух слов связать не может. У него внутреннее сопротивление. Он не хочет здесь оставаться, – заключает психолог» [Брежна, 2014:152]).

Однако многие люди быстро осваивают язык и благодаря этому лучше ассимилируются в принимающей культуре. Героиня описывает свою подругу: „*Mara hielt den Druck nicht aus, sie fing an, in Dialekt zu redebreden. Auf der Sprachkreuzung trennten wir uns. Mara tat es nicht aus Sprachlust, sie beschloss bloß, hier anzukommen*“ [Brezna, 2012, p. 115].

(«Мара не выдержала давления и начала балакать на диалекте. Языковой перекресток разлучил нас. Диалект не доставлял Маре никакого удовольствия, просто она решила стать здесь своей» [Брежна, 2014, с. 150]).

Лексема “*Sprachkreuzung*” / «языковой перекресток» иллюстрирует маркирование нарратором этой ментальной линии. Сама главная героиня превосходно овладела не только языком новой страны, но еще несколькими ради работы переводчиком; она тонко чувствует стилистические особенности нового языка, расхождения в диалектах. На уровне социальных взаимодействий ей удалось блестяще преодолеть эту дискурсивную черту языковой компетенции. Однако на более глубоком уровне личного отношения она не приняла чужой язык и старалась это подчеркнуть:

„In den engen Dialekttäälern war eine andere Lebenserfahrung kodiert als die meine <...> Der Dialekt war der Geruch der Sippe, ihr Erkennungsmerkmal“ [Brezna, 2012, p. 113].

(«В узких долинах диалектов был закодирован чуждый мне жизненный опыт <...> От диалекта разило клановостью, он был опознавательным знаком» [Брежна, 2014, с. 146]).

Местные жители сами использовали диалекты для установления границ внутри своего народа, поэтому героиня, не желая присоединяться ни к одному «клану», выбирает для общения чистый литературный язык: *„Ich wollte die Schriftsprache, sie roch nach nichts“* [Brezna, 2012, p. 113]. («Я предпочитала книжный язык, он ничем не пах» [Брежна, 2014, с. 147]).

Установление оппозиции чужеродности здесь реализовано на лексическом уровне. Слова из семантического поля «чужой», такие как „fremd“, „fremdartig“, „die Sippe“ противопоставлены лексике из поля со значением нейтральности, непредвзятости, беспристрастности: „leer“, „weiß getünchtes, mehrstöckiges Haus“ (über die Sprache), а также из поля «свой»: „Heimat-“, „Muttersprache“. У героини нет такого трепетного отношения к чужой речи, как к звучанию родной:

„*ich scheute keine Mühe, sie zu erkunden. Es ging um mehr als ums Überleben als sprachliches Wesen – ich wollte meine Sprachwürde“ [Brezna, 2012, p. 114]. («Я не останавливалась ни перед какими трудностями, чтобы поближе познакомиться с ним. Язык требовался мне только для выживания, важно было не утратить языковой чести» [Брежна, 2014, с. 147–148]).*

Здесь героиня сравнивает говорящего человека с музыкальным инструментом, а чужой язык с плохой музыкой: „*Ihr Resonanzboden füllte nicht den ganzen Körper aus wie bei der Muttersprache. Meine Stimme in dieser Sprache war hoch wie die der Kastraten. Ich rief ihr zu, herunterzukommen. Doch sie blieb oben*“ [Brezna, 2012, p. 114].

(«Его декой – в отличие от родного языка – было не все тело. Голос мой на этом языке звучал высоко, как у кастратов. Я звала его вниз, но он не спускался» [Брежна, 2014, с. 147]). На уровне социального «Я» героиня преодолела дискурсивную границу, но на уровне личного «Я» она осталась в пространстве только своего языка.

В романе “Girl in translation” слабое знание языка также осложняет процесс адаптации героини:

“*No cheap pen!*” he said. *His nose and cheeks were flushed as if he were getting a rash. “You a hero!”*

“*I sorry, sir—*” I began. *I knew he wasn’t calling me a hero, like Superman. What had he said? Although I’d had basic English classes in school in Hong Kong, my old teacher’s accent did not in any way resemble what I now heard in Brooklyn. “ ‘I’m sorry,’ ” he said, pressing his lips together. “ ‘I’m sorry.’ ”*

“*I’m sorry,*” I said. *My English mistakes clearly annoyed him, although I wasn’t sure why*” [Kwok, 2010, p. 31].

(«Не подгадывать! – рассердился он. Нос и «щеки покраснелись, как будто он внезапно захворал. – Ты, пицца!

– Простить моя, сэр... – забормотала я. Вряд ли меня могли назвать пиццей, американской едой. Но что же тогда он сказал? Произношение моих учителей в Гонконге не имело ничего общего с тем что я слышала теперь в Бруклине.

– М-м-меня, – произнес он, сложив губы в ниточку. – Простите м-м-меня.

– Простите меня, – повторила я.

Я его явно раздражала, но не понимала почему» [Квок, 2011, с. 51]).

С одной стороны, слабая языковая компетенция приводит к коммуникативным неудачам, с другой стороны, это вызывает нетерпимость у собеседников.

Еще одной дискурсивной границей, переход которой приводит к более быстрой адаптации, являются типичные проявления культурных категорий, описанных в теории Э.Т.Холла [Hall, 1990]. Наиболее ярко проявленной в тексте культурной категорией является отношение того или иного народа к пространству. **Пространственные рамки** буквализируют метафору дискурсивных границ. Описывая различные культурные проявления в разных странах, повествователь использует оппозиции, чтобы наиболее наглядно показать разницу культур. Так происходит и с описанием роли пространства в жизни:

„Die Wiesen waren zerstückelt durch stromgeladene Zaüne, Kühe weideten hinter Privat-Schildern. Bei uns gab es weite Felder bis zum Todesstreifen“ [Brezna, 2012, p. 22]).

(«Луга огораживала проволока под напряжением, коровы паслись за табличками «Частная собственность». У нас же поля необозримо простирались до полосы отчуждения» [Брежна, 2014, с. 30]);

„Bei uns war alles durchlässig, die Türen der öffentlichen Toiletten ließen sich nicht schließen“ [Brezna, 2012, p. 35].

(«У нас все было доступно, даже двери общественных туалетов – и те не закрывались» [Брежна, 2014, с. 50]).

Героиня противопоставляет закрытость, ограниченность пространства в чужой стране с помощью лексем “*stromgeladene Zaune*”, “*Privat-Schildern*” / «провода под напряжением», «табличка «Частная собственность» открытому пространству родины: *weite Felder, nicht schließen* / «широкие поля», «не закрывались». Территория своего – открытая и широкая, чужое – закрыто, незнакомо и узко. Сам нарратор переносит пространственную метафору на уровень социальных отношений:

„*Grenzen überschreitende Gefühle standen im Verdacht, den Privatbesitz enteignen zu wollen* <...> *Der Körper war Privatbesitz hinter einem unsichtbaren eisernen Vorhang*“ [Brezna, 2012, p. 22-23].

(«Чувства, выходящие за рамки, вызывали подозрение в желании покуситься на собственность <...> Тело было частной собственностью за незримым железным занавесом» [Брежна, 2014, с. 31]).

В таком отношении к реальным границам между частной и общественной жизнью, а также к ранее описанным диалектам, проявляется более жестко регламентированная реализация оппозиции «свой-чужой» в принимающей культуре: четко очерчена граница не только между своей и иной культурой, но и внутри своей.

Мама Кимберли, героини романа “*Girl in translation*” также чувствует пространственные границы между «своим» и «чужим». Осваивая квартиру, в которой не было даже необходимых для жизни вещей, она старается жить согласно китайским традициям:

“*According to feng shui principles, the door to the bathroom cast a ray of unclean energy into the kitchen. We moved the stove a few inches, as far away from the bathroom’s pathway as possible*” [Kwok, 2010, p.19].

(«В соответствии с принципами фэн-шуй через дверь ванной комнаты в кухню проникает поток нечистой энергии. Поэтому мы передвинули плиту на сколько

могли, чтобы убрать ее как можно дальше от входа в ванную» [Квок, 2011, с. 31]).

Для сохранения собственной идентичности героини оформляют квартиру в привычном порядке, делая «чужое» пространство «своим». Пребывание в области «своего» напоминают героям о национальной принадлежности, например, когда они посещают китайский квартал: *“I felt like skipping beside Ma as we passed restaurants with soy sauce chickens hanging in the window and jewelry stores that glittered with yellow gold. I could understand everyone without any effort: “No, I want your best winter melons,” one woman said; “That’s much too expensive,” said a man in a puffy jacket”* [Kwok, 2010, p. 34].

(«Я радостно подпрыгивала рядом с Ма, пока мы проходили мимо ресторана, где в витрине висели копченые цыплята, и мимо ювелирной лавки, сверкающей желтым золотом. Я свободно понимала все, что говорили люди вокруг. «Нет, я хочу самые лучшие тыквы», – заявляла какая-то женщина. «Это слишком дорого», – возражал мужчина в дутой куртке» [Квок, 2011, с. 55]).

Кроме отношения к пространству дискурсивную границу представляет **отношение ко времени:**

„Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken. Wer wusste bei uns schon, wann wir gekommen waren und wohin wir gehen würden. Mit Sprüchen haben wir die Zeit vertrödelt“ [Brezna, 2012, p. 28].

(«Некоторые наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции. Кто у нас знал, когда мы приедем и куда движемся? Время мы тратили на болтовню» [Брежна, 2014, с. 39]).

Личное отношение героини к таким моделям поведения реализуется в оценочной лексике:

„*Stieß ein Gast ungeladen dazu, nannte man es einen Überfall*“ [Brezna, 2012, p. 29] («приход в гости без предупреждения приравнивался к акту агрессии» [Брежна, 2014, с. 41]);

„*Aber das Erzählen war sowieso keine einheimische Stärke*“ [Brezna, 2012, p. 30] («дар рассказчика вообще не относился к достоинствам здешних обитателей» [Брежна, 2014, с. 41]);

„*Hier herrschte das System, und ich war der pure Zufall*“ [Brezna, 2012, p. 52] («здесь царила система, а я была чистой случайностью» [Брежна, 2014, с. 73]).

Широкое употребление оппозиций, антонимической лексики, а также местоименного дейксиса „wir-sie“, „hier-dort“ иллюстрирует сохранение дискурсивной границы культурных сценариев. Героиня сама вербализует свое желание оставаться перед этой границей, не переходя ее: „*Da hatten sie mir Zuflucht in der besten aller Welten geboten, und die undankbare Fremde verspottete ihre Weltanschauung*“ [Brezna, 2012, p. 34] («Они раскрыли передо мной лучший из миров, а неблагодарная чужестранка высмеивала их мировоззрение» [Брежна, 2014, с. 49]).

Она не желает преодолевать культурный барьер ни на уровне личного, эмоционального «Я», ни на уровне социального «Я»:

„*Ich blieb störrisch und weigerte mich, in der Zwangsehe mit dem Gastland glücklich zu werden*“ [Brezna, 2012, p. 35].

(«Но я сопротивлялась и отказывалась видеть счастье в принудительном браке с чужой страной» [Брежна, 2014, с. 50]).

Таким образом, в ксенонарративе повествователь реализует глобальную стратегию идентификации чужеродности, направленную на выполнение метафункции ксенонарратива – минимизацию стресса адаптации в чужой лингвокультуре. Эта стратегия включает в себя несколько траекторий оценки категорий “свой”/“чужой”: «свое» может коннотироваться как положительно, так и негативно, «чужое» на начальном этапе адаптации враждебно, но

ассимиляция смягчает отрицательные семы оценки. Другой своеобразной траекторией является отказ от сопоставления, отказ от национальной идентичности. Повествователь ксенонарратива репрезентирует представленные стратегии имплицитно на композиционном уровне, эксплицитно – на фонетическом, лексическом, стилистическом.

Векторы стратегии идентификации чужеродности, реализующиеся в процессе межкультурного взаимодействия, в текстах репрезентированы в виде двух пространств: как реальная территория и как ментальный продукт рефлексии. Любая ситуация столкновения с чужим приводит к четкому осознанию препятствия, границы – настоящей пространственной или же ментальной, дискурсивной черты. Такие границы проявляются на разных уровнях социального и культурного общения. Например, необходимость использования чужого языка создаёт у героев романов чувство дискомфорта. Чужестранцы, овладевшие новым языком, переходят этот барьер и расширяют своё социальное пространство. Столкновение двух культур, выражающееся в отношении к некоторым культурным параметрам, тоже становится дискурсивной границей, которую многим мигрантам сложно преодолеть. Постепенный процесс ассимиляции позволяет им познакомиться с особенностями новой культуры, а также научиться следовать им. Но социальное, внешнеповеденческое принятие чужой культуры не всегда свидетельствует о личном, внутреннем комфорте. Преодоление дискурсивных границ, ведущее к трансформации чужого в свое, можно считать законченным, когда личность осуществляет такой переход на уровне как социального Я, так и Я внутреннего.

2.2.2. Стратегия языковой аккультурации

Процесс языковой аккультурации героя реализуется в тексте через языковую, культурную и когнитивную репрезентацию собственной личности, а

также окружающего мира. Героини используют лейтмотивом эксплицированную в ксенонарративах оппозицию «свой-чужой» для ответа на вопрос «Кто я?» и «Почему я такой стала?». В процессе адаптации, с преодолением языкового барьера и взаимодействием с чужой картиной мира мигранты осознанно или неосознанно сталкиваются с процессом формирования вторичной языковой личности. Как замечает Н. Гальскова, «результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [Гальскова, Гез, 2006, с. 65]. Изучая новый язык, человек уже через средства языка сталкивается с другой картиной мира. Процесс адаптации к новой культуре приводит иностранца к усвоению как языка, так и ценностей, традиций этой культуры. Изучение чужеродных культурных концептов открывает доступ ко вторичной картине мира – когнитивной и языковой.

В работе В.П. Федоровой [Федорова, 2004] подчеркивается особая роль нарратива в условиях формирования вторичной языковой личности: «Наррация как акт порождения нарратива является одним из способов формирования вторичного социокультурного сознания языковой личности» [Федорова, 2004, с. 187]. Таким образом, исследуемый нами ксенонарратив о процессе адаптации в условиях чужой культуры является также способом формирования вторичной языковой личности героини – на внутритекстовом уровне повествования – и автора – на внешнетекстовом.

Процесс формирования вторичной языковой личности во многом повторяет модель первичной языковой личности, описанной Ю. Карауловым. Ученый различает три уровня в структурной модели:

– вербально–семантический уровень (или структурно–системный). На этом уровне основными единицами выступают слова как часть вербальной

ассоциативной сети. Отношениями между ними являются семантические, грамматические или парадигматические связи;

– лингвокогнитивный (или тезаурусный). В качестве единиц выступают понятия, концепты, идеи, формирующие у языковой личности более или менее упорядоченную картину мира, содержащую иерархию ценностей;

– прагматический (мотивационный) уровень. Элементы этого уровня относятся к сфере интенции личности [Караулов, 2002, с. 35–37].

Похожий процесс освоения новой, вторичной, языковой личности проходят и повествователи в исследуемых ксенонарративах. Героиня романа “Die undankbare Fremde” осознает необходимость овладения новыми культурными стандартами, но эмоционально противится этому: *„Seit ich meine weite Haut der Gemeinschaft verloren hatte, hüllte ich mich in enges Selbstmitleid, verkroch mich ihm Groll gegen das Unvertraute“* [Brezna, 2012, p. 18] («Утратив широкую защитную оболочку родины, я закуталась в жалость к самой себе, ожесточилась к непривычному окружающему миру» [Брежна, 2014, с. 23]).

Метафора «оболочка родины», которую потеряла героиня – ее первичная культурная идентичность и языковая личность. Теперь ее идентичность потеряна и девочка должна заменить ее на новую «оболочку».

Её первоначальный отказ принимать новые поведенческие модели вызывает у окружающих неприязнь и агрессию. Так она описывает проблемы на своем первом рабочем месте в качестве разносчицы газет: *„Bücken sollte ich mich, die Zeitungen behutsam auf die Türschwellen legen, leise auftreten, unauffällig gekleidet sein, schließlich stünde ich auf der untersten Sprosse der sozialen Leiter, die Rollen sollten nicht durcheinander greifen <...> Ich ging weiterhin im Morgengrauen aufrecht hinter dem Wägelchen, die Haare offen, während sich die Klagen der Villenbewohner im Büro des Chefs stapelten“* [Brezna, 2012, p. 23].

(«Мне надлежало наклоняться, осторожно класть газеты на порожек, шагать тихо, одеваться неброско, ведь я стояла на нижней ступеньке социальной лестницы, и выходить из роли нельзя было ни при каких обстоятельствах <...> А я по-прежнему ходила позади тележки с распущенными волосами, отчего на столе у начальника скапливалось всё больше жалоб от владельцев вилл» [Брежна, 2014, с. 32]).

Распущенные волосы, как у героини, были символом свободы, и всё свободное поведение девочки оценивалось негативно. Это может быть вызвано низким уровнем эмпатии, нежеланием принимать сложности культурной адаптации.

Напротив, Кимберли, героиня романа “Girl in translation” стремится к максимально быстрой адаптации и аккультурации в США. На первом этапе адаптации, испытав последствия культурного шока, столкновения с чужим языком, она избирает путь отказа от принятия новой культурной парадигмы, предпочитает прогуливать уроки в школе. Но такие черты характера, как целеустремленность и упорство, позволяют ей добиться значительных результатов в процессе адаптации. Столкнувшись с нищетой и тяжелым трудом в новой стране, Кимберли вскоре формулирует для себя цель “вживания” в новую культуру:

“It was the closest Ma would ever come to expressing regret at her choice to come to America. I understood what my task was now and I laid my cheek against her shoulder. “I’m going to get us both out of here, Ma, I promise” [Kwok, 2010, p, 56].
(«Никогда, ни до, ни после, Ма не выражала столь явно сожаление по поводу нашего переезда в Америку. И я поняла, в чем отныне моя задача. – Я вытащу нас обеих отсюда, Ма. Обещаю» [Квок, 2011, с. 90]).

Процесс усвоения культурных особенностей чужой страны довольно долгий, гораздо быстрее чужестранцы осваивают лексику и грамматику нового языка.

Анализ ксенонарративного текста позволяет сделать вывод о том, что освоение нового языка героинями можно соотнести, прежде всего, с усвоением вербально-семантического уровня. Так, на вербально-семантическом уровне нарратор овладевает знаниями не только о грамматике и лексике, но и о стилистических и диалектных особенностях чужой речи: *„Man hängt gerne „gell“ und „oder“ an, damit nicht der Eindruck entstand, man gäbe mit eigenem Wissen ungebührlich an und wollte eine demokratische Diskussion unterbinden. „Gell“ und „oder“ nach jedem Satz stimmten die Gesprächspartner freundlich, sie verrieten einen höflichen Menschen, der fähig war, an sich selbst zu zweifeln“* [Brezna, 2012, p. 76].

(«Предложения часто подытоживались вопросительными «ладно» или «верно», чтобы не создавалось впечатления, будто у кого-то переизбыток знаний, и он хочет воспрепятствовать демократической дискуссии. «Ладно» и «верно» настраивали собеседников на дружелюбный лад, обнаруживали вежливость и способность подвергать собственные слова сомнению» [Брежна, 2014, с. 91]).

Глубокое знание языка помогает героине в дальнейшем процессе социальной адаптации: она становится переводчиком. Профессиональные навыки она демонстрирует в работе с клиентом – беженцем из её страны, попавшим в зал суда:

“Ich schmücke seine Rede aus, füge «verehrtes Gericht» und «Eurer wunderbares Land» hinzu” [Brezna, 2012, p. 20].

(«Я украшаю его речь, добавляю «высокоуважаемый суд» и «вашу замечательную страну» [Брежна, 2014, с. 26]). Она знает, что несоблюдение необходимых коммуникативных правил на этом языке может привести к недопониманию или коммуникативной неудаче.

Повествователь в романе “Girl in translation” демонстрирует языковые трудности героини, фонетически передавая в тексте ошибки при понимании звучащей речи:

“Our new student eye-prezoom?” He gave a strange smile that made his lips disappear, then he looked at his watch and his lips reappeared. “You’re very late. What’s your exsu?”

I knew I had to answer so I guessed. “Kim Chang.” [Kwok, 2010, p.29].

(«Наша новая ученица собственной перченой? – Улыбка у него была странной, губы словно исчезли. Потом он глянул на часы и губы вернулись на место.

– Ты опоздала. В чем перчина?

Я понимала, что должна что-то ответить, поэтому наугад выпалила:

– Ким Чанг» [Квок, 2011, с. 47]).

В процессе адаптации Кимберли быстро осваивает английский язык, но сталкивается со сложностью в понимании молодежного сленга: *“By the second semester of seventh grade, I had more trouble understanding my fellow students than I did my teachers. The combination of the kids’ use of slang and my lack of cultural context made their discussions bewildering”* [Kwok, 2010, p. 163]. («Ко второму семестру седьмого класса понимать одноклассников мне было гораздо сложнее, чем учителей. Сочетание сленга, которым они пользовались, и мое незнание культурного контекста ставило в тупик» [Квок, 2011, с. 256]).

Преодоление языкового барьера как первый этап адаптации к новой культуре не проходит у героинь отдельно от усвоения культурных особенностей поведения, или новых культурных категорий (в терминологии Э.Т. Холла). В процессе адаптации реализуется вторая ступень становления вторичной языковой личности – лингвокогнитивная. Героини осваивают новые культурные понятия и концепты.

В процессе социальных взаимодействий, бытового общения они познают новые культурные модели. Осмысление обыденных ситуаций позволяет выявить устойчивые когнитивные и культурные ценности, непривычные и непонятные для чужестранки.

Например, еще девочкой героиня романа “Die undankbare Fremde” видит разницу в воспитании детей в чужеродной культуре: „... *Säuglinge waren ein Teil des Familienbesitzes, man legte sie nicht im fremde Arme. Sie bekamen lange Namen, als wären sie Wunderträger, die man siezt*“ [Brezna, 2012, p. 33].

(«... младенцы были частью семейного имущества, в чужие руки их не давали. Имена у них были длинные, как у сановников, к которым непременно полагалось обращаться на «вы» [Брежна, 2014, с. 47]).

Детство представляется рассказчику временем свободы, непосредственности и искренности:

„*Die Kinder gehörten noch der Wildnis an, mit ihnen würde ich nackt und verspielt sein dürfen, ohne ein hartes Kulturkorsett*“ [Brezna, 2012, p. 33].

(«Дети еще близки дикой природе, с ними я могу быть свободной и непринужденной, могу сбросить тяжелый культурный корсет» Брежна, 2014, с. 47]).

Однако родители не проявляют горячей ласки, нежных чувств, к которым привыкла героиня в родной культуре, они лишь ограничивают мир ребенка запретами:

„*Ich wartete darauf, dass die Eltern das Verbot sogleich in der Luft zerreißen und in Lachen ausbrechen würden <...>Aber sie hielten ihr Wort und rissen das Verbot nie in Stücke*“ [Brezna, 2012, p. 34].

(«Мне верилось, что родители тут же снимут запрет, развеют обстановку веселым смехом <...> Но они были верны своему слову и никогда не снимали запретов» [Брежна, 2014, с. 48]).

Наблюдая за детьми на детской площадке, героиня понимает, как с самого раннего возраста воспитываются в них черты индивидуализма: „*Im Sandkasten ermahnten sie ihre Sprösslinge:*

– *Das ist nicht dein Eimerchen, gib es dem anderen Kind zurück. Spiel mit deinem Eimerchen, ich habe es für dich gekauft.*

Drückte ein Kind sein Eimerchen an die Brust, sagten sie lüblich:

– *Das Kind lernt mein von dein zu unterscheiden, es entwickelt sich prächtig*“ [Brezna, 2012, p. 34].

(«В песочнице они поучали своих отпрысков:

– Это не твое ведерко, верни его. Играй со своим ведерком, я же тебе его купила.

Стоило ребенку прижать ведерко к груди, как сразу слышалась похвала:

– Молодец, учится отличать свое от чужого» [Брежна, 2014, с. 49]).

В новой для нее индивидуалистской культуре такие поведенческие модели обыкновенны, привычны, но героине сложно перестроить свое поведение.

Это чувство собственности, эгоистичные, на ее взгляд, привычки затем она видит уже повсюду:

„Es galt als unanständig, blank zu sein und die Freundschaft zum Geld borgen zu missbrauchen“ [Brezna, 2012, p. 86].

(«Остаться без денег считалось предосудительным, и нельзя было использовать дружбу, чтобы занять их. Ведь лучшим другом все равно оставался Кантональный банк» [Брежна, 2014, с. 106]).

Множество коммуникативных ситуаций дает новые знания о чужой культуре, однако большинство из них рассказчица не принимает для своего поведения, а продолжает свободно вести себя, не обращая внимание на удивление и непонимание окружающих.

В романе “Girl in translation” повествователь демонстрирует осложненный процесс усвоения новых культурных кодов и поведенческих моделей похожим образом, однако часто связывает это с юным возрастом героини. Например, девочке трудно понимать новые культурные различия: она никогда не видела людей с белой кожей и светлыми волосами:

“Her skin wasn’t the opaque white of a sheet of paper that I’d thought white skin would be” [Kwok, 2010, p. 63].

(«Кожа ее вовсе не напоминала матовую белизну листа бумаги, как прежде я представляла себе кожу белых» [Квок, 2011, с. 100]), поэтому она не имеет представления о расовых вопросах в США. Кимберли размышляет о социальных различиях:

“Parents in the rich area who wanted their kids to go to public school had no choice but to send them there. The other kids came from the neighborhood immediately surrounding the school itself, which was a fairly middle-to-lower-class black area. It was only later that I understood it in these terms, but what was immediately clear to me was that Aunt Paula had been right: the neighborhood of my school wasn’t nearly as bad as the projects neighborhood, which I’d learned was the name of where I lived” [Kwok, 2010, p. 64].

(«Родители белых детей, желавшие, чтобы те учились в городской школе, вынуждены были отправлять их в эту. Но основную массу учеников составляли жители ближайших кварталов – небогатых, скорее даже бедных. Мыслить подобными категориями я начала много позже, но практически сразу поняла, что Тетя Пола права: контингент в нашей школе гораздо приличнее, чем в «микрорайоне» – так называлось место, где мы жили» [Квок, 2011, с. 103]).

Кимберли до переезда в США обладала немногочисленными знаниями об американской культуре. Доконтактный опыт героини не позволяет справляться с новыми культурными и языковыми реалиями:

“my old teacher’s accent did not in any way resemble what I now heard in Brooklyn” [Kwok, 2010, p. 31].

(«Произношение моих учителей в Гонконге не имело ничего общего с тем, что я слышала теперь в Бруклине» [Квок, 2011, с. 51]).

Повествование об особенностях чужой культуры не только формирует лингвокогнитивный уровень вторичной языковой личности, но и передает этот

опыт читателей, знакомящимся с этим процессом становления новой языковой личности. Поэтому функция формирования языковой личности расширяется от индивидуального опыта повествователя до коллективного опыта читательской аудитории.

Согласно Ю. Караулову, на третьем уровне – мотивационном, или прагматическом – человек способен успешно удовлетворять «коммуникативно-деятельностные потребности [Караулов, 2002, с.53]». А. Гаврилина замечает: «Мотивационный же уровень выходит за рамки лингвистики, однако, именно на этом уровне более всего просматриваются черты языковой личности» [Гаврилина, 2004, с. 2]. Такое же понимание высказывает и Н.Л. Московская: «Это сфера морально-нравственных интенций, мотивов и потребностей, сфера желаний, интересов и стремлений» [Московская, 2003, с. 138].

Героине романа “Die undankbare Fremde” удалось преодолеть языковой барьер и даже освоить чужеродные культурные концепты. Прагматическая сторона её коммуникативного поведения соответствует нормам новой страны. Но героиня сознательно не адаптируется и не трансформируется во вторичную языковую личность до конца, она желает оставаться чужой - “die undankbare Fremde”.

Героиня осваивает новый мир и проходит процесс адаптации, изучая новый язык, знакомясь с другими представлениями о мире, времени и пространстве, нормами поведения и коммуникации. Формирование новой культурной идентичности и вторичной языковой личности включает в себя и много недопонимания и негодования у окружающих – носителей языка и культуры. Но иногда люди проявляют участие и готовность помочь с освоением нового. Героиня перенимает опыт своих соотечественников, также столкнувшихся с опытом эмиграции. Нельзя сказать, что в конце романа героиня – полноценная вторичная языковая личность. Она овладела базовыми концептами языка и культуры, но этот процесс бесконечен, новая картина мира

будет с каждым днем пополняться новыми элементами. Вряд ли можно с полным правом сказать, что героиня прошла полный путь адаптации в ситуации культурно-языковой чужеродности. Она осознанно не приняла в целом другую коммуникативную модель. Становление вторичной языковой личности – часть сложного процесса становления новой языковой картины мира.

Напротив, Кимберли из романа “Girl in translation” успешно овладела всеми уровнями формирования вторичной языковой личности благодаря высокой степени мотивированности и упорному характеру в стремлении выжить. Она способна удовлетворять все коммуникативно-деятельностные потребности, необходимые в жизни: успешное обучение в школе, поступление в университет; она овладевает как разговорным стилем речи, так и официально-деловым:

“We have some money in savings, but it will be easier if we have a few more weeks to finish saving the money for the deposit. Also, the salary slip, well, it’s not very much”
[Kwok, 2010, p. 112].

«У нас есть небольшие сбережения, но было бы проще, если бы нам дали несколько недель, чтобы собрать недостающую сумму для предоплаты. Что касается справки о зарплате... по правде говоря, она не слишком велика...»
[Квок, 2011, с. 435].

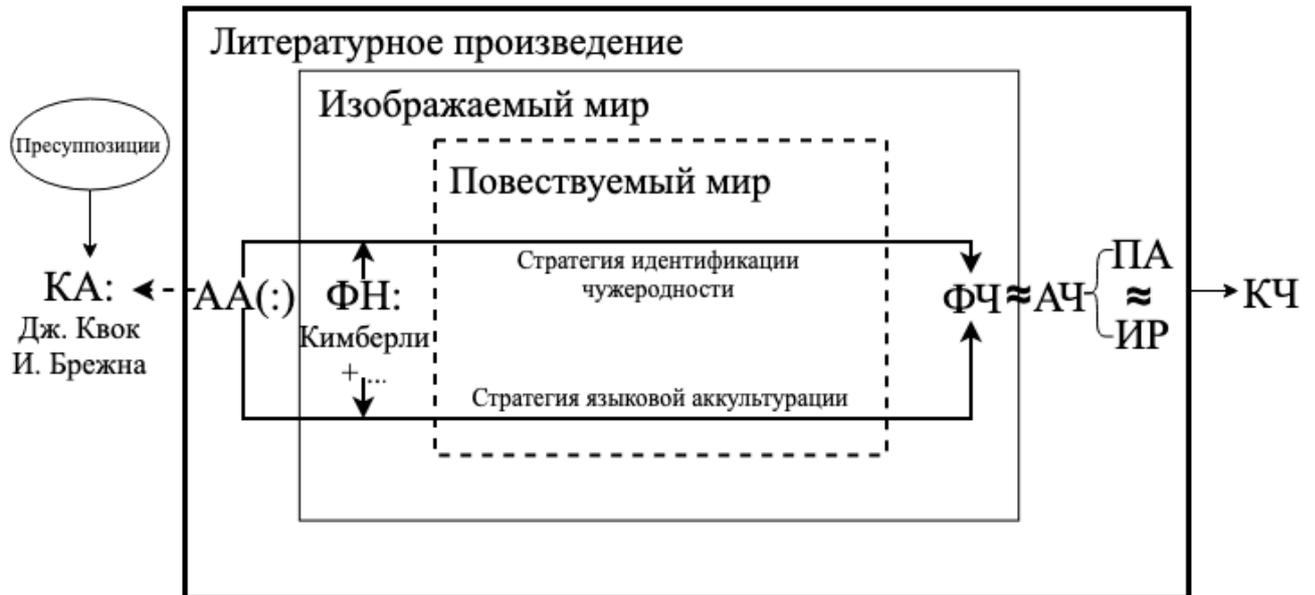
В настоящей работе стратегия языковой аккультурации описана с опорой на методологический конструкт освоения вторичной языковой личности. Нарратор описывает ситуации взаимодействия двух культур, которые являются репрезентацией процесса становления вторичной языковой личности. Опыт трансформации идентичности, как и процесс адаптации в другой культуре, остается индивидуальным. Однако, как правило, личность, постигая новую языковую систему, отталкивается от основных лексико-грамматических канонов, затем через понимание других культурных концептов и прагматических правил приходит к освоению коммуникативных тактик и

стратегий нового языка. Коммуникативный акт повествования, наррация, позволяет повествователям обоих ксенонарративов формировать собственную вторичную языковую личность, а также осмыслить этот процесс и передать этот опыт читателю.

Метафункция минимизации стресса адаптации раскрывается через анализ пережитого личного опыта выстраивания новой культурно-языковой личности. Автор, рассказывая, подчеркивает собственную культурную и социальную идентичность и формирует границы между «своим» и «чужим». Функцию минимизации стресса актуализирует описанная выше стратегия идентификации чужеродности. Благодаря установлению новых границ между «своим» и «чужим» героиня формирует представление о собственной идентичности, в процессе повествования демонстрирует смену негативных оценок нового «чужого» в сторону положительных коннотаций. Такая смена связана с постепенной ассимиляцией в другой лингвокультуре и принятием новых языковых и культурных особенностей. Стратегия языковой аккультурации – формирование вторичной языковой личности у рассказчика, адаптирующегося к другой культуре – актуализирует функцию минимизации стресса при столкновении с чужой лингвокультурой. Рассказ о восприятии иностранного языка и его изучении, о новых коммуникативных моделях поведения, культурных стандартах, нормах и ценностях дает повествователю возможность адекватно понять чужеродные элементы и попытаться усвоить их, тем самым формируя новую языковую личность и снижая уровень негативных эмоций от процесса адаптации.

Стратегии, реализующие функцию минимизации стресса адаптации, мы изобразили на схеме коммуникативных уровней ксенонарратива на Рисунке 4:

Рис. 4. Функция минимизации стресса адаптации в модели коммуникативных уровней ксенонарратива

Объяснение сокращений и знаков:

КА - конкретный автор	ФЧ - фиктивный читатель (нарратор)
: - создает	АЧ - абстрактный читатель
АА - абстрактный автор	ПА - предполагаемый адресат произведения
ФН - фиктивный нарратор	ИР - идеальный реципиент
→ - направлено к	КЧ - конкретный читатель
	≈ - не различается

На схеме продемонстрированы реализаторы стратегий – абстрактный автор и фиктивный нарратор. Их роли здесь не специфицируются, поскольку экспликации и импликации в тексте невозможно однозначно интерпретировать как принадлежащие той или иной повествовательной инстанции. Это связано с форматом перволичного нарратива, в котором трудно провести границу между абстрактным автором и фиктивным нарратором. Стратегии направлены на адресата – в данном случае как на фиктивного, так и на абстрактного читателей. Стрелка, направленная в противоположную сторону, маркирует направленность к конкретному автору. Она обозначена пунктирной линией и выражает неявную

направленность идентификационных стратегий на личность конкретного автора. В настоящей работе эта стратегия не описана, а только указана психотерапевтическая роль нарратива в процессе преодоления стресса чужеродности.

2.3. Ксенонарратив как вербальный трансфер ментального опыта

Функция трансфера ментального опыта в ксенонарративе выражается в том, что текст нарратива способствует вербальной передаче личного эмоционального и социального опыта реального автора/ повествователя. Текст ориентирован на идеального читателя, нуждающегося в понимании или готового понять сложности процесса адаптации, осмыслить проблемы, пережитые героями и перенести чужой опыт на собственную жизнь.

Ментальный опыт - понятие, которое употребляется в нашем исследовании вслед за известной работой автора в области психологии М.А. Холодной (Холодная, 2002), но интерпретируется по аналогии с содержательно близкими терминами когнитивистики, в том числе, когнитивной лингвистики, – «ментальные репрезентации», «ментальная энциклопедия» (Thagard, 1996; Sperber, Wilson, 1986; Кубрякова, Демьянков, 2012). Под данными номинациями понимается, по сути, совокупность персональных знаний, представлений, мнений, переживаний, ассоциаций, то есть так называемый личностный опыт. Трансфер ментального опыта в самом широком смысле мы определяем при таком подходе как передачу лично «нагруженной» информации/знаний о мире во времени и пространстве, что создает основу для адекватной интерпретации нарративного высказывания. Предложенное понимание одной из основополагающих функций ксенонарратива, очевидно, коррелирует с классическим в лингвистических исследованиях определением нарратива по В. Лабову: нарратив – «это один из способов репрезентации

прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий» [Labov, Waletzky, 1997, p. 38].

2.3.1. Маркеры адресованности в ксенонарративе как репрезентация функции трансфера ментального опыта

Нарративная форма коммуникации позволяет героине вербализовать пережитый опыт, структурировать его и передать идеальному читателю. Благодаря хронологической организации повествования реципиенту предстает целый путь от первого адаптационного стресса к сформированной идентичности. Анализ ксенонарратива показал, что в тексте имплицитно и эксплицитно присутствуют языковые средства передачи, трансфера ментального опыта от повествователя к читательской аудитории.

Представление автора об идеальном читателе репрезентируется в маркерах адресованности. В работе Е.И. Бударagiной такие сигналы адресованности делятся на текстовые и языковые, эксплицитные и имплицитные [Бударagiна, 2006, с. 10]. Такие сигналы-маркеры, обнаруженные в тексте, могут выполнять разные функции. По словам Е.Ю. Геймбух, «специфика образа читателя определяется не столько набором средств, сколько их функциональной значимостью, вернее, многозначностью» [Геймбух, 2009, с. 28].

В исследованных ксенонарративах отсутствуют традиционные эксплицитные маркеры адресата – обращения, местоимения и глаголы во 2-м лице. Функционально это может означать желание абстрактного автора расширить охват читательской аудитории, включение в процесс коммуникации реципиентов с разным культурно-когнитивным опытом.

Однако в текстах часто встречаются **риторические вопросы**, которые выполняют функцию «моделирования в тексте аналога речевой коммуникации, диалога», а также свидетельствуют о представлении автора об адресате, о его апперцепционной базе и его коммуникативных пресуппозициях. В романе апелляция к знаниям читателя направлена на межкультурную область – сферу понимания специфики культуры беженцев или готовности её понять. Когда героиня сталкивается с враждебным отношением местных жителей из-за её желания подкормить бездомную кошку, она спрашивает:

„*Wer würde es nicht füttern?*“ [Brezna, 2012, p. 40].
 («Кто бы пожалел ей еды?» [Брежна, 2014, с. 57]).

Тем самым, подразумевая ответ «никто», она ожидает поддержки со стороны читателя, который также поступил бы на её месте.

Многие риторические вопросы не смогут найти ответа, и героиня знает об этом. Но форма вопроса, подразумевающая какого-либо адресата, дает ей надежду на понимание в отсутствии успешной коммуникации:
 „*Wo könnte ich losrennen bis zur Sonne und bis zum Umfallen privatlosschreien?*“ [Brezna, 2012, p. 22].

(«Где здесь было добежать до солнца и докричаться до потери несчастного сознания?» [Брежна, 2014, с. 30]).

Коммуникативные пресуппозиции нарратора являются его представлениями о степени осведомлённости адресата. Погружённость литературного ксенонарратива в межкультурный контекст предполагает низкий уровень знаний идеального читателя о специфике иной культуры. Учитывая эту коммуникативную пресуппозицию автора, можно выявить на языковом уровне маркеры адресованности в функции трансфера ментального опыта – **отбор и детальное объяснение культуроспецифической информации**.

Нарраторы на протяжении всего повествования сравнивают особенности двух разных культур. Подразумевается, что читатель не обладает полной,

детализированной информацией о чужой для него культуре, поэтому нарратор описывает бытовые или поведенческие характеристики, которые очевидны для любого носителя культуры, и тем самым передает читателю личный опыт. Например, при рассказе о вечеринках в новой стране героиня романа “Die undankbare Fremde” акцентирует внимание на культуроспецифических деталях: точное время в приглашениях, строго обозначенные темы разговора, сдержанность эмоций:

“Die Disziplinierung wurde wohltuend spürbar, für die das Land Jahrhunderte geopfert hatte“ [Brezna, 2012, p. 22].

(«Пестуемая веками дисциплина чувствовалась повсюду») [Брежна, 2014, с. 30].

В середине романа, после многократных речевых ситуаций в разных обстановках героиня классифицирует такой сложный для усвоения тип коммуникации, как юмор, рассказывание шуток. Она подробно описывает надлежащее качество анекдота, разные роли рассказчиков. Это специфический, национальный вид общения резко расходится с привычным ей:

„Beim Witz waren sie sträflich nachlässig, weder schliffen sie an ihm, noch gaben sie ihm eine strenge Form, noch eine raffinierte Pointe“ [Brezna, 2012, p. 80].

(«Шутя, они проявляли преступную халатность: не оттачивали острот и не придавали им строгих рафинированных форм») [Брежна, 2014, с. 97]).

В романе “Girl in translation” повествователь ориентирован на англоязычного читателя, поэтому вводит в текст ксенонарратива элементы, объясняющие специфику китайского мышления и культурных традиций:

“Ma had taught me never to do anything that could be considered either unladylike or dangerous: a lesson passed down from her own formal upbringing. “Unladylike” meant anything that allowed your knees to be parted from each other or that could cause a skirt to flip up. Whether you were even wearing one or not was irrelevant, it was the idea that counted. “Dangerous” covered most other categories of motion” [Kwok, 2010, p. 142].

(«Ма внушала, что я не должна делать ничего опасного или неподобающего приличной девушке, этот урок она усвоила из собственного строгого воспитания. «Неженскими» считались действия, где колени могут чуть разойтись в стороны или подол юбки чуть приподняться. При этом неважно, в юбке вы вообще или нет. В понятие «опасно» включались практически все движения» [Квок, 2011, с. 224]).

Следующим маркером адресованности является **композиционное оформление текста**. В структуру повествования романа “Die undankbare Fremde” включены вставные истории из настоящего героини – её переводческой работы с беженцами в судах и больницах. Такие истории автор выделила курсивом, они «разрывают» текст. У всего текста один адресат – абстрактный читатель. Одна из функций такого построения текста, обращенная к адресату, – это подчеркивание разного опыта беженцев в процессе адаптации. Читатель видит одну историю – маленькой девочки, в одиночестве переживающей опыт адаптации. В качестве контраста к этой истории – несчастные судьбы других беженцев. Знакомство читателя с различными жизненными сценариями – еще один способ перенятия опыта.

В начальных описаниях процесса получения опыта автор использует глаголы с семантикой познавательной деятельности: „*spürte*“, „*hatte nicht gewusst*“, „*wartete darauf*“, „*entdeckte*“ («почувствовала», «не знала», «верилось», «впервые обнаружила»).

Использование таких значений свидетельствует о неуверенном, осторожном узнавании нового окружающего мира. Такой же процесс происходит и у местных жителей, столкнувшихся с культурой эмигрантов: „*ich hielt sie für verklemmt, sie mich für unberechenbar*“ [Brezna, 2012, p. 54] («я считала их зажатыми, а они меня – непредсказуемой» [Брежна, 2014, с. 79]).

Кроме ментальной деятельности часто описывается эмоциональная работа в душе маленькой девочки. Первые столкновения и конфликты с чужеродным

миром вызывают только негативные чувства: „*wollte ich Nichts*“ / «не хотелось ничего», „*im verletzbaeren Dauerzustand*“ / «находясь в состоянии непрерывной ранимости», „*um mich an der Geselligkeit satt zu essen*“ / «стремясь излить свою душу», „*verspottete*“ / «высмеивала», „*schaute midleidig an*“ / «жалела».

Частотна эмоциональная лексика со значением гнева, агрессии: „*verkroch mich im Groll*“ / «ожесточилась», „*lehnte mich dagegen auf*“ / «бунтовала», „*inmitten kam*“ / «ярилась».

Осваивая новый мир, героиня отказывается смиренно принимать непонятные ей правила, она старается отвергнуть их, сохранить свою целостность. Рассказчик использует много **метафор**, чтобы подчеркнуть свое эмоциональное состояние одиночества и отчужденности, например, „*hüllte ich mich in enges Selbstmitleid*“ / «закуталась в жалость к самой себе», „*wurde ich ans Ufer geworfen*“ / «выбросили на берег».

В попытке проиллюстрировать состояние оторванности от привычного мира героиня сравнивает себя с неким организмом, отделенным от своей привычной среды:

„*Sie schoren mich kahl und verpackten mich in sterile Döschen <...>Ich war rohes Fleisch, und darüber trug ich widerborstiges Fell*“ [Brezna, 2012, p. 41] («Они подстригли меня наголо и расфасовали по стерильным баночкам <...>Я оставалась грубой плотью, поверх которой росла колючая шерсть» [Брежна, 2014, с. 59]).

Однако, взрослея, она больше начинает узнавать о чужой культуре, лучше понимать типичное поведение, предпочтения в стилях речи. Глаголы со значением ментального познания сменяются на глаголы осмысляющие: „*lernte*“ / «поняла», „*ich brauchte eine Jahrzehnte dauernde Weltumsegelung, um sie zu erkennen*“ / «я распознала их лишь несколько десятилетий после кругосветки», „*ich fing an, über die Grenzen zu gehen, um noch mehr Fremdheiten einzufangen,*

wechselte Sprache, weitete den Blick“ / «я начала переходить границы, чтобы выпитывать больше чужестранного, меняла языки, расширяла кругозор».

Чувства также теряют агрессию и бунтарский дух:
„Ich mied die einengende Art, nur emotional und nicht denkend zu vibrieren, und ach, die Intrigen verspottete“ [Brezna, 2012, p. 126].

(«Мне не хотелось слепо заходиться в чувствах и отключать разум, претили интриги» [Брежна, 2014, с. 166]).

Новая родина становится для нее тем самым местом успокоения:
„Ich atmete tief, als glitte ich in etwas Vertrautes, Stilles zurück“ [Brezna, 2012, p. 127].

(«Я глубоко дышала, соскальзывая в тихую привычную среду» [Брежна, 2014, с. 168]).

Героиня уже видит множество положительных черт в новой родине. В разговоре с соотечественниками она даже защищает их:
„Rechtsstaat, Klarheit, Ausdauer, Wort und Tat als symbiotisches Paar“ [Brezna, 2012, p. 127].

(«Правовое государство, ясность выдержка, слово и дело как симбиотическая пара» [Брежна, 2014, с. 168]).

Сквозная метафора «оторванного» организма развивается по пути его «оживления»:

„Mit neuen Kapillaren baute ich Verbindungen aus“ [Brezna, 2012, p. 129].
 («С помощью новых капилляров я выстраивала новые связи» [Брежна, 2014, с. 171]).

Конец стрессового этапа процесса адаптации она тоже способна четко осознать и отрефлексировать в **парцеллированных синтаксических конструкциях**, в выборе лексических средств:

„Ich habe mich mit meiner Leistung hier eingebürgert, in diesem Land für Erwachsene. So wurde ich erwachsen. Im Gerichtssaal, im Ritual um Recht und

Unrecht, bekam ich ein Vaterland. Mein Mutterland hatte ich verlassen müssen, aber es lebte in mir weiter, ich habe es nie verloren“ [Brezna, 2012, p. 125]. («Благодаря своему достижению я натурализовалась в этой стране взрослых. И выросла сама. В зале суда, в ритуальном процессе выбора между правдой и ложью я обрела отчизну. Родину мне пришлось покинуть, но она продолжала жить во мне, я никогда ее не теряла» [Брежна, 2014, с. 165]).

Ксенонарратив “Girl in translation” также демонстрирует событийную изменчивость, основанную на хронологически-линейном повествовании. Героиня в начале процесса адаптации неуверенна, плохо владеет английским языком, нелегально работает на фабрике. Однако по мере преодоления чужеродности она начинает чувствовать в себе дух американской свободы, в ней есть силы вырваться из нищеты и дать отпор, она трансформирует свою национальную идентичность:

“Aunt Paula wiped her face with her sleeve, smearing her eyeliner. “Your teeth are sharp and your mouth is keen.” “Fake kindness, fake etiquette is all you’ve shown us.” “How dare you give me so little face?” I stared at her. “Face or no face doesn’t matter in America. What matters is who you really are” [Kwok, 2010, p. 288].

(«Тетя вытерла рукавом лицо, размазав по щекам тушь.

– У тебя острые зубы и острый язык.

– Все, чем вы нам помогли, – поддельная доброта и фальшивая любезность.

– Как ты смеешь так разговаривать со мной? Где приличия?

– Приличия или не приличия – в Америке это не имеет значения. Важно лишь, кто ты есть на самом деле» [Квок, 2011, с. 455]).

Опыт соотечественников также фиксируется авторами романов. Негативный опыт преступности, наркомании, нищеты, прочно связанный с опытом мигрантов, представлен во вставных историях.

В основной части рассказа собственным опытом делится с героиней романа “Die undankbare Fremde” подруга Мара:

„Mara empörte sich: Haben wir unser Land verlassen, um die Freiheit zu bekommen, zwischen giftigen Putzmitteln zu wählen?“ [Brezna, 2012, p. 11].
 («Мара возмущалась: Неужели мы бросили родину ради свободы выбора между чистящими средствами?» [Брежна, 2014, с. 14]).

В таких рассуждениях о новом для них демократическом строе и культуре потребления героиня согласна со своей подругой и высказывает похожие мысли, близкие всем эмигрантам начального периода адаптации:

„Da die Dinge in der Demokratie in der Mehrheit waren, hatten sie Macht, und die Menschen dienten ihnen und priesen sie mit der Zahl 9,99 un deren Variationen an“ [Brezna, 2012, p. 13].

(«А поскольку вещи при демократии составляли большинство, то и власть была у них: люди служили им и высоко ценили их числом 9,99 и его вариациями» [Брежна, 2014, с. 17]).

Однако рассказчица не идет по пути своих сограждан, судьба Мары тоже отлична: подруга быстро осознает цену своей красоты и пользуется ей, успешно овладевает языком и разными стилями, полностью ассимилируется в чужой культуре. В конце повествования читатель узнает о смерти Мары в автокатастрофе. Подробно описанная в романе история Мары дает читателю представления о разных жизнях эмигрантов, о роли их выбора в процессе адаптации.

Китаянка Кимберли и её мама оказываются вынуждены работать на нелегальной фабрике. Повествователь описывает условия работы множества иммигрантов в США:

“I suspected that most of the other kids were at the factory for the same reasons I was. They weren't officially employed by the factory, but there was no place else for them to go, and their parents needed their help. As Ma had explained earlier, all employees were secretly paid by the piece; this meant that the work the children did was essential to the family income. When I was in high school, I learned that piece payment was

illegal, but those rules were for white people, not for us” [Kwok, 2010, p. 41]. («Я подозревала, что многие из ребят оказались на фабрике по тем же причинам, что и я. Официально они не числились работниками, но им больше некуда было идти, а родителям требовалась помощь. Ма объяснила, что платят здесь сдельно, а значит, работа, выполненная детьми, составляла существенную прибавку к доходам семьи. В школе я узнала, что сдельная оплата в Америке незаконна, но эти правила касались только белых, а не нас»). Подобное явление становится открытием для американской одноклассницы Кимберли. Так, нарратор знакомит читателей с условиями жизни иммигрантов, не преодолевших путь культурной адаптации.

Таким образом, перечисленные сигналы адресованности в ксенонарративе направлены на передачу ментального опыта героя читателю. Согласно коммуникативным пресуппозициям автора, реципиент – это человек, не обладающий конкретными знаниями о процессе адаптации, культурных особенностях и трудностях межкультурного взаимодействия. Однако это сочувствующий читатель, способный понять действия маленькой героини и сочувствовать другим беженцам. Авторы передают собственный опыт через детальное описание чужеродной культуры, рассказы о различных судьбах беженцев. Они иллюстрируют динамичный процесс адаптации через хронологическую структуру нарратива – показывают изменения своей личности на языковом, социальном и эмоциональном уровнях. Функция трансфера ментального опыта реализуется в процессе дискурсивной обработки культурной чужеродности при создании текста ксенонарратива. Однако пространство текста не даёт исследователю возможности обнаружить успешность или неуспешность реализации этой функции. Влияние представленных языковых и дискурсивных средств возможно обнаружить, лишь обратившись к повествовательной инстанции конкретного читателя. Направленность трансфера ментального

опыта к читателю, а также степень успешности передачи этого опыта репрезентирована в стратегии субъективизации авторского высказывания.

2.3.2. Субъективизация авторского высказывания в художественной коммуникации ксенонарратива

Стратегия субъективизации авторского высказывания проявляется через использование разнообразных языковых, а также дискурсивных средств в тексте. Фактом успешной реализации стратегии, то есть максимального восприятия читателем авторских интенций являются его фоновые знания, его культурный бэкграунд, готовность воспринимать текст. Успешность или неуспешность стратегии субъективизации в определенном тексте поддается измерению посредством сопоставления результатов лингвистического анализа текста художественного произведения и отзывов читателей о прочитанном тексте. Стратегия субъективизации ксенонарративных текстов в настоящем исследовании выявлена через анализ читательских рецензий. Роман Джин Квок “Girl in translation” написан на английском языке в 2010 году и был ориентирован, в первую очередь, на американскую аудиторию. С момента издания на сайте читательских рецензий www.goodreads.com появляются отзывы о прочитанной книге. На данный момент корпус читательских отзывов составляет 4958 текстов. Авторы отзывов пишут на английском языке, однако многие из них живут не в США, а, например, в Японии, Канаде, Австралии. В 2011 году роман перевели на русский язык, и на сайте www.livelib.ru появилось 423 рецензии от русскоязычных читателей. В состав читательского корпуса в данном исследовании вошли 50 отзывов русскоязычных читателей и 50 – англоязычных читателей. В англоязычном корпусе представлены отзывы читателей из разных стран: США, Канады, Японии, Австралии и т.д. Наибольшее внимание при анализе уделялось текстам реципиентов, указавших

США как место своего проживания, а также отзывам читателей из стран Азиатского региона. Это обусловлено сюжетом исследуемого ксенонарратива: китайские иммигранты в США. В процессе анализа читательских корпусов удалось определить уровень соответствия авторского инкодирования эстетического замысла лингвистическими и дискурсивными средствами и адекватного декодирования высказывания читательской аудиторией.

В процессе дискурсивной обработки негативного опыта в тексте используются определенные тематические блоки, формируется система эмотивных высказываний, описываются действия персонажей, переживающих опыт чужеродности, репрезентируя определенные культурные и психологические условия их поведения в процессе адаптации.

В романе “*Girl in translation*” наиболее полно представлены следующие тематические блоки, характерные для ксенонарративного текста: переселение в новую страну, трудности адаптации в американской школе, коммуникативные проблемы в общении с американцами, языковой барьер, тяжелые социальные условия – бедность, нелегальное трудоустройство. Представленный роман относится к литературному жанру *young-adult fiction*, то есть к подростковой литературе. Поэтому в тексте также актуализированы темы, характерные именно для этого жанра: процесс взросления, первая любовь, трудности общения со сверстниками.

Первым условием успешной реализации стратегии субъективизации читательского восприятия является понимание системы содержательных образов текста. В англоязычном читательском корпусе большинство рецензий содержат рефлексию над темами, типичными для ксенонарратива: “*immigrant experience*” / «иммигрантский опыт»; “*Chinese mentality*” / «китайский менталитет»; “*the struggle of a Chinese girl growing up in the US*” / «испытания для китайской девочки, растущей в США»; “*she struggles of being pushed into a foreign world, where people look different, have other traditions, other norms, and*

speak an entirely different language” / «она изо всех сил пытается попасть в чужой мир, где люди выглядят по-другому, имеют другие традиции, другие нормы и говорят на совершенно другом языке» (здесь и далее перевод автора – М.Е.). Для отображения особенностей опыта иммиграции в ксенонарративе, читатели используют лексемы со значением «трудно, с трудом»: *struggle* / трудности; *strive* / бороться; *hardship* / затруднение; *survival* / выживание. Рецепция ксенонарративного текста у англоязычной аудитории отражает реализацию стратегии субъективизации авторского высказывания, связанную, главным образом, с межкультурной тематикой романа.

В подкорпусе англоязычного корпуса, включающем отзывы читателей из США, четко выделился повторяющийся тематический блок, не характерный ни для азиатского, ни для русского корпусов. Этот блок связан с национальной американской идеей – *American dream*, американской мечтой. Этот глобальный концепт связан с жизненными идеалами американцев – свободой слова и реализации, достижением мечты. Понятие “американской мечты” включает и представление о пути иммигрантов в США – людях, бежавших от тяжелых социальных и бытовых условий в своей стране. К идее «американской мечты» также относится представление о “*self-made person*” – личности, сумевшей упорным трудом добиться желанной цели.

Американские читатели определяют в качестве одной из основных тем ксенонарратива “*Girl in translation*” реализацию «американской мечты»: “*Can this girl that barely speaks any English and curls up with blankets from a dumpster while stomping on the floor to scare off roaches achieve the American dream?*” / «Может ли эта девочка, которая едва говорит по-английски, завернулась в одеяло с мусорки, топая по полу, чтобы отпугнуть тараканов, осуществить американскую мечту?»;

“*Kimberly, the young girl, is exceptionally bright so is able to get into a private school on a scholarship and is able to fulfill the American dream of working hard and*

becoming a success” / «Кимберли, молодая девушка, настолько способная, что может получить стипендию частной школы и осуществить американскую мечту - усердно работая, добьёшься успеха».

Читатели трактуют сюжет данного литературного ксенонарратива как историю реализации «американской мечты»: каждый человек, в особенности иммигрант, способен добиться успеха, если будет трудиться. И главная героиня Кимберли нацелена на достижение именно такой модели социального роста: изучить язык, получить образование и высокооплачиваемую работу, стать американским гражданином. Однако среди 50 рецензий в англоязычном корпусе обнаружился отзыв с резко противоположной интерпретацией идеи «американской мечты» в ксенонарративе: *“I loved that Kwok wasn't holding her punches when it came to ruining the image of "the American dream". For some reason, it's an image that is embedded into the minds of all of those who migrate to United States. Better future, better jobs, better housing ect. When it comes to this story – it was nothing like that”* / «Мне понравилось, что Квок не сдерживает себя, когда речь идет о разрушении образа американской мечты. По каким-то причинам, этот образ внедряется в головы всех, кто эмигрирует в США. Лучшее будущее, лучше работа, лучше жилье и т.д. Когда дело доходит до этой истории – ничего подобного нет».

В тексте ксенонарратива находятся подтверждения акцентированию темы разрушения американской мечты. Повествователь описывает судьбы второстепенных героев-иммигрантов, работающих на фабрике или живущих в китайском квартале. Попавшему под гладильный пресс мистеру Паку не позволяется вызвать медицинскую помощь, работники фабрики не имеют возможности найти другую работу, заработать больше и вырваться из нелегальной системы труда:

“Once she was gone, Ma whirled on me.

– *Don't interfere when adults are talking! Who will fill our mouths with food when we don't have any work?*

– *It is a free country, Ma. Why do we have to work for her?*

– *Free country! Who do you think owns the other clothing factories? They're all family or friends with each other. The whole Chinatown garment industry* [Kwok, 2010, p. 188].

(«– Не вмешивайся в разговоры взрослых! – набросилась на меня Ма. – Что мы будем есть, когда потеряем работу?

– Это свободная страна, Ма. Почему мы должны работать именно на нее?

– Свободная страна! А кому, по-твоему, принадлежат остальные швейные фабрики? Они все либо члены одной семьи, либо близкие друзья. Вся швейная промышленность» [Квок, 2011, с. 295]).

Большинство иммигрантов трудолюбивы, но не обладают возможностями получить хорошее образование, выучить язык, устроиться на высокооплачиваемую работу. Таким образом, тема реализации “американской мечты” находит в романе двойную интерпретацию: с одной стороны, главная героиня Кимберли олицетворяет эту идею, добившись успеха в чужой стране, с другой стороны, примеры других героев из китайского квартала свидетельствуют о частой невозможности преодолеть границы китайского квартала вследствие их нелегального положения.

В русских рецензиях широко представлено актуализирование иного семантического поля – целеустремленности. В 43 рецензиях из 50 присутствуют лексемы с семантикой борьбы, устремленности, стойкости: «Такое детство нормальной жизнью не назовешь, сплошное *выживание* и *испытания*»; «А магические способности Ким – ее мозги и *целеустремленность*»; «Кимберли Чанг – очень *упорная* девочка, которая знает, чего она хочет, и *добьется* желаемого». Как и в англоязычном корпусе, частотны глаголы, включающие сему «трудно, с трудом»: героиня *жертвует*, *выживает*, *волочит на себе*

семью, добивается успеха. Саму Кимберли читатели оценивают положительно: она труженица, умница, соображающая девочка, её характер описывают существительными, в семантику которых также входит значение «трудно, с трудом»: *выносливость, целеустремленность, трудолюбие, упорство.* 90% рецензий на русском языке посвящены теме трудного пути героини, её целеустремленности. Это свидетельствует о процессе глубокой субъективизации русских читателей, поскольку роман демонстрирует такие тематические параллели: героиня часто использует похожие лексемы, описывая цели своей адаптации:

«It was the closest Ma would ever come to expressing regret at her choice to come to America. I understood what my task was now and I laid my cheek against her shoulder. “I’m going to get us both out of here, Ma, I promise” [Kwok, 2010, p, 56].
 («Никогда, ни до, ни после, Ма не выражала столь явно сожаление по поводу нашего переезда в Америку. И я поняла, в чем отныне моя задача. – Я вытащу нас обеих отсюда, Ма. Обещаю») [Квок, 2011, с. 90].

Она описывает коммуникацию в школе, используя слова из лексико-семантического поля “война”:

“Mr. Bogart took off some credit for this, so I didn’t get a hundred on that test, but I’d seen enough to know that a few minor adjustments were all I required for the next time. This was a fight where I actually had a chance” [Kwok, 2010, p, 59].

(«Мистер Богарт снял за это несколько баллов, так что «сто» я за работу не получила, но узнала достаточно, чтобы в следующий раз дело ограничилось несколькими небольшими исправлениями. В этой битве я имела реальные шансы на победу») [Квок, 2011, с. 95]).

Рецепция авторской позиции у русских читателей связана с темой борьбы и выживания и практически не соотносится с темой межкультурных трудностей в процессе адаптации.

В отзывах разноязычных корпусов частотны описания других тематических блоков, реализующихся в романе “Girl in translation”: любовная линия главной героини и история ее взросления. Эти две темы характерны для произведений жанра “young adult fiction”, однако не связаны с межкультурным контекстом, важным для настоящего анализа литературного ксенонарратива. Актуализация читателями этих тематических блоков непосредственным образом оказывает влияние на дифференцированную оценку произведения на сайте отзывов. У романа “Girl in translation” на сайте Goodreads стоит оценка 3,97 из 5 возможных, а на русскоязычном сайте LiveLib оценка романа «Девушка в переводе» – 4,3. Все читательские рецензии с оценками в 1 или 2 балла посвящены любовной линии нарратива, которая, по мнению авторов отзывов, не заслуживает высокой оценки:

*“Seriously, I was so annoyed at the last 1/8th of this book” / «Серьезно, мне ужасно не понравилась последняя 1/8 часть этой книги»; *I could not get past was the very end - where Kim doesn't tell Matt that she actually had their kid. <...> Yes, I did get pissed at the ending / «Я не смог принять самую концовку, где Ким не говорит Мэтту, что у нее есть ребенок от него».**

Многие русские читатели также указывают на художественные недостатки романа:

«Но история слишком сухо подана, такое ощущение, что автору хотелось сказать и про все сразу, и непременно очень коротко. И характер Кимберли остается не до конца понятным»;

«Расстановка персонажей банальна так, что хочется плакать. Начинается все хорошо, но потом читателя ждет погружение в детскую сказку, причем стереотипную»;

«К середине книги вовлеченность читателя в сюжет и атмосферу постепенно угасает».

Следующим важным условием субъективизации читательского отношения является эмоциональная вовлеченность. Это означает, что текст художественного произведения вызывает эмоциональный отклик читателя: «Если читатель придаёт чувствам такое же значение, которое им придаёт автор, то можно говорить о нахождении двух субъектов в одном и том же эмоциональном пространстве» [Комаров, 2014, 255].

В текстах читательских рецензий эмоциональная вовлеченность реализуется через использование эмотивных конструкций как с позитивной, так и с негативной коннотацией. Как в англоязычных, так и в русскоязычных рецензиях частотны эмотивы с негативной оценкой при описании бытовых и социальных условий жизни героини: *horrid conditions* / ужасные условия, *slave exploitation* / рабская эксплуатация, *cruel life* / жестокая жизнь, *horrible place* / жуткое место. Или: «нищета», «ужасающие труппы», «зарабатывают гроши». Реципиенты используют метафоры и прецедентные образы: ад простых будней, чисто диккенсовская фабрика. Эта эмотивная лексика полностью параллельна эмотивам в тексте, где героиня описывает новые реалии – «мерзкие», «невозможные», «бедные».

Однако глубокие расхождения двух читательских картин мира в процессе рецепции можно обнаружить при анализе эмотивной лексики, связанной непосредственно с чувствами читателей. Русскоязычные читатели испытывают эмпатию к трудностям адаптации героини, но не способны принять, проникнуть в эмоциональное пространство:

«Тяжело представить себя таким иммигрантом».

Они воспринимают текст ксенонарратива как рассказ о новом, незнакомом им опыте:

«Прочитай, чтобы лучше понимать других людей и их беды. Понимать без перевода»; «вздыхнуть с облегчением оттого, что все эти ужасы и мытарства происходят не с тобой и твоими близкими».

Американские читатели, напротив, транслируют собственный опыт преодоления культурной чужеродности. Некоторые из них пережили стресс аккультурации:

“It's like Ms. Kwok took pieces of my own experience and lines lifted from my friends' stories” / «Как будто мисс Квок взяла детали из моего собственного опыта и рассказов моих друзей»

“I am very much an ABC, american-born-Chinese” / «Я китаец, родившийся в Америке».

Другие причастны к этому опыту через родителей:

“I'm not a stranger when it comes to immigrant experiences - my mother and father were both immigrants” / «Мне не чуждо, когда говорят об опыте иммиграции: мои родители оба были иммигрантами». Сходный опыт активизирует появление оценочных конструкций с семей «правильный, правдивый»:

“while my experience was thankfully nothing like hers, some things sang true anyway” / «Хотя мой опыт был, к счастью, не таким, как у нее, некоторые вещи всё равно прозвучали верно»;

“It is fiction but it could have been real” / «Это выдумка, но она могла бы быть реальной».

Такие суждения встречаются и в русскоязычных рецензиях: история «искренняя, не надуманная, правильная», «я верила каждому слову». Представляется, что такие оценки связаны с непосредственным опытом преодоления культурной чужеродности у автора романа Джин Квок, реальные переживания автора перемещают читателей в пространство эмоционального доверия:

«Автор не понаслышке знает, о чём пишет»; *“the author translates the slang and the phrases, the cultural traditions, the deeply embedded lifestyle that is Chinese pride and saving face”* / «автор передаёт сленг и фразы, культурные традиции, глубоко

укоренившийся образ жизни, которые являются гордостью и достоинством китайцев».

Разница восприятия читателями разных стран проявилась и при анализе читательского корпуса, посвященного немецкоязычному роману “Die undankbare Fremde”. Роман был написан в 2012 году на немецком языке автором чехословацкого происхождения Иреной Брежна. Читательский корпус отзывов о произведении “Die undankbare Fremde” составил 21 рецензию, из которых 12 – на немецком языке, 9 – на русском. Отзывы были опубликованы на сайтах www.goodreads.com, www.amazon.de, www.livelib.ru, www.otzovik.com.

Роман “Die undankbare Fremde” посвящен исключительно преодолению опыта чужеродности главной героиней и ее соотечественниками. В связи с этим тематика эпизодов связана с проблемами межкультурной коммуникации: принятие новых поведенческих схем в бытовых и официальных ситуациях – это ситуации покупки мебели, первой работы в качестве разносчицы газет, приём в иммиграционной полиции; коммуникативные неудачи в общении с местными жителями; различие культурных паттернов в «своей» и «чужой» культурах.

Результаты читательской рецепции свидетельствуют о полном принятии темы культурной адаптации, заявленной автором. В немецкоязычных отзывах читатели для описания тем романа используют следующие фразы:

“*die Schwierigkeiten einer Emigrantin in der neuen Heimat, Erfahrungsbericht*” / «Отчёт о трудностях эмигранта на новой родине»;
 “*Wunderbares Buch über das Befremden einer Fremden*” / «Чудесная книга о недоумении иностранца»;

“*Schwierigkeiten durch Ihre emotionale und sinnliche Prägung mit der distanzierten Art der Schweizer*” / «Трудности из-за её эмоционального и чувствительного склада характера вместе с дистанцированностью швейцарцев»;
 “*eine Aufzählung der Unterschiede, die sie nicht akzeptieren will*” / «Перечень отличий, который она не хочет принимать». Во всех отзывах репрезентировано

лексико-семантическое поле «чужеродность»: *“fremd”* / чужой, *“Emigrantin”* / эмигрант, *“Migration”* / миграция, *“Unterschiede”* / различия, *“Zuwanderer”* / иммигрант.

В русскоязычном корпусе тематика чужеродности также актуализируется. Русские читатели так интерпретируют главные темы книги: «*о жизненном опыте привыкания славян к немецкой культуре*», «*здесь о людях, прошедших путь от "у них" до "у нас". И о тех, кто так и остался в стадии "у них"*», «*путь через ощущения, через отторжение и бунт до понимания и принятия новой жизни и нового мира*», «*эмиграция в целом, процессы ассимиляции, одиночества в толпе, чужеродности, инаковости и «выброшенности за борт» общества*».

В русскоязычных текстах чаще выявляются антонимичные конструкции, контекстуально референтные лексико-семантической группе «чужеродность»: славяне – немцы; у них – у нас; отторжение – понимание; бунт – принятие.

Успешная реализация процесса субъективизации читательского восприятия обосновывается совпадениями у автора и реципиентов в номинации центральной темы ксенонарратива – преодоление чужеродности. Однако расхождения как между авторской и читательскими позициями, так и между разноязычными читательскими корпусами обнаруживаются при осмыслении авторских средств дискурсивной обработки культурной чужеродности – тех языковых инструментов, при помощи которых автор рефлексировал над опытом адаптации в чужой стране.

В немецкоязычных отзывах были обнаружены 2 различные траектории интерпретации образа Швейцарии – чужой страны – в тексте произведения. В одной группе оценка текста Брежнев нейтральна: автор, по мнению читателей, демонстрирует в ксенонарративе различия культур, также недостатки и достоинства обеих: «*interessanten Einblicken in die Westeuropäische Gesellschaft vor 40 Jahren*» / «Интересный взгляд на западноевропейское общество 40 лет назад»;

“analytisch und ohne Hohn wird die fremde Kultur seziert und mit dem "Mutterland" verglichen, es geht nicht um besser oder schlechter...” / «Аналитически и без презрения чужая культура рассекается и сравнивается с «Родиной», речь идет не о лучшем или худшем...».

Однако в других рецензиях возникает отрицательная оценка текста ксенонарратива как произведения, формирующего негативный образ принимающей страны: *“Man hat beinahe das Gefühl, dass die Autorin mit diesem Buch den Schweizern eins auswischen möchte”* / «Почти возникает ощущение, что автор хочет уничтожить швейцарцев этой книгой»;

“im Umkehrschluss das Leben in der Diktatur als besser angesehen wird als das in der freien, demokratischen aber als spiessig und kleinkariert beschriebenen Schweiz” / «И наоборот, жизнь в условиях диктатуры считается лучше, чем в свободной, демократической, но описанной как мещанской и узколобой Швейцарии»; *“die permanente Abwertung der Lebensart des Gastlands”* / “Постоянное уничтожение образа жизни в принимающей стране”.

Стратегия субъективизации направлена на эмоциональную интерпретацию текста, близкую к авторскому замыслу. Однако в отзывах реципиентов, представленных выше, субъективизация приняла оттенок отторжения и неприятия, читатели интерпретируют авторское высказывание через использование лексики с негативной оценкой: автор как будто хочет «уничтожить Швейцарию», описывает её «мещанской и узколобой», постоянно «уничижает образ жизни в принимающей стране».

Даже в положительных отзывах оценка книги неоднозначна: *“treffend analysierendes Buch”, “ein scharfes und kritisches”, provokativ und insgesamt sehr gelungen”*. Текст «метко анализирующий» и «успешный», но «резкий», «критичный» и «провокативный».

В русскоязычном корпусе негативная оценка авторской идеи, а также дискурсивных средств реализации опыта преодоления чужеродности,

возрастает: «А эмоция у неё всего одна – большая жирная черная гусеница гордыни («Я звезда! Я не такая как все!»), овеянная душком вопиющей неблагодарности стране, которая ее приютила»; «ее тщеславное нытье просто беспардонно унижает целую страну», «ее неблагодарность во время чтения может показаться вызывающей, а сарказм надуманным».

Таким образом, стратегия субъективизации авторского высказывания в ксенонарративе направлена на максимально полное восприятие системы авторских тем и образов, а также на эмоциональную вовлеченность и эмпатию читателя. Англоязычная аудитория, на которую, в первую очередь, был ориентирован роман “Girl in translation”, зафиксировала характерные для ксенонарратива тематические блоки, связанные с проблемами адаптации и межкультурной коммуникации. Они также установили когерентные связи между описанным фикциональным и собственным опытом. Доверие к авторскому повествованию формирует параллельные ксенонарративному тексту эмотивные поля: негативная оценка трудностей адаптации, позитивная оценка личности героини. Русскоязычные читатели в меньшей степени актуализировали тематический блок, связанный с преодолением культурной чужеродности, они сосредоточили внимание на истории взросления и целеустремленном характере героини. Представляется возможным связать различие рецептивных векторов у читателей из разных культур с опытом их взаимодействия с иными культурами. Многие американцы являются иммигрантами в первом или втором поколениях, культурное разнообразие в их стране позволяет им сформировать полноценную картину опыта преодоления культурной чужеродности у их новых соотечественников через рецепцию средств дискурсивной обработки в ксенонарративе.

Анализ отзывов русскоязычных читателей как текста “Die undankbare Fremde”, так и “Girl in translation” свидетельствует о низком уровне эмпатии к

мигрантам и их опыту чужеродности. Русские демонстрируют релевантную традиционной культуре модель поведения при адаптации в новых условиях – изменяться под новые реалии. В отзывах они номинируют эту модель, используя идиоматические выражения: «со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Поговорка «где родился, там и пригодился», устойчивое употребление слова «понаехавшие» свидетельствуют об отсутствии у реципиентов опыта взаимодействия со сферой миграции и фоном чужеродности. Авторы немецкоязычных отзывов демонстрируют два вектора оценки: нейтральную и негативную. Они обращают внимание на правдивость повествования, однако отрицательно оценивают неблагоприятные описания автором жизненного образа в принимающей стране.

Процесс реализации функции трансфера ментального опыта изображен в модели коммуникативных уровней ксенонарратива на Рисунке 5:

Рис. 5. Функция трансфера ментального опыта в модели коммуникативных уровней ксенонарратива

Объяснение сокращений и знаков:

КА - конкретный автор	ФЧ - фиктивный читатель (нарратор)
: - создает	АЧ - абстрактный читатель
АА - абстрактный автор	ПА - предполагаемый адресат произведения
ФН - фиктивный нарратор	ИР - идеальный реципиент
→ - направлено к	КЧ - конкретный читатель
	≈ - не различается

Описанные выше средства дискурсивной обработки лингвокультурной чужеродности реализуют функцию трансфера ментального опыта. Источником этого процесса также являются авторские повествовательные инстанции – абстрактный автор и фиктивный нарратор. Все языковые и дискурсивные элементы текста – сюжет, композиционное устройство, персонажи, оценочные средства выразительности – направлены на реализацию этой функции. Маркеры адресованности, эксплицитно и имплицитно присутствующие в тексте формируют образ абстрактного читателя. Результат передачи вербально выраженного опыта репрезентирован средствами стратегии субъективации авторского высказывания. Эта стратегия является авторской, а не читательской, однако на схеме в качестве реализатора стратегии изображен конкретный читатель. Это означает, что вербализация и экспликация этой стратегии может быть обнаружена только в текстах-отзывах конкретных читателей, поскольку стратегия направлена на приближение к тождественному пониманию смыслов произведения. Анализ корпуса читательских отзывов продемонстрировал читательскую вовлеченность в процесс литературной коммуникации. Интерпретация сюжетных блоков во многом соответствует авторской. Однако оценочные конструкции свидетельствуют о расхождении читательского восприятия, коррелирующим со страной происхождения читателей. Стратегия субъективации авторского высказывания является свидетельством успешности/неуспешности реализации функции трансфера ментального опыта.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Литературный ксенонарратив, отражающий опыт межкультурного взаимодействия, рассматривается в данной диссертации в целом как способ дискурсивной обработки культурно-языковой чужеродности. Под дискурсивной обработкой понимается процесс вербальной рефлексии инокультурного опыта в литературном ксенонарративе на основе разноуровневых языковых средств и осмысления культурно-конвенциональных норм другой лингвокультуры. Этот процесс позволяет автору литературного ксенонарратива, как конкретному, так и абстрактному, осмыслить и вербализовать опыт адаптации в чужеродной среде.

Вербально дискурсивная обработка реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, выделение блока тем, связанного с ситуациями межкультурной коммуникации. На композиционном уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. Культурно-конвенциональный уровень дискурсивной обработки характеризуется описанием разницы коммуникативно-поведенческих моделей и культурных традиций в культуре-доноре и культуре-реципиенте.

Процесс дискурсивной обработки в литературных ксенонарративах направлен на выполнение основной интенции автора – преодоление негативного опыта культурной чужеродности и минимизацию стресса. Основная интенция выступает и метафункцией ксенонарратива – минимизация стресса адаптации у адресата и адресанта. Ксенонарратив также актуализирует функцию передачи опыта, специфичную для нарративных текстов.

Стратегия идентификации чужеродности, реализующая функцию минимизации стресса адаптации, позволяет рассказчику определить границы между «своим» и «чужим». Повествователь, описывающий ситуацию столкновения с чужой лингвокультурой, демонстрирует несколько траекторий

оценки категорий «свой» / «чужой». На начальном этапе процесса адаптации типична ситуация положительной коннотации «своего» и абсолютной негативизации «чужого». При переходе к следующим этапам адаптации, в процессе ассимиляции или интеграции наблюдается смягчение отрицательных сем в оценке «чужого». Другой своеобразной траекторией является отказ от сопоставления, отказ от национальной идентичности. Границы новой идентичности определяются посредством описания ментальных, пространственных и временных «границ» в дискурсе повествования. Героини преодолевают языковой барьер, осваивают новые коммуникативно-поведенческие паттерны, связанные с пониманием пространства и времени в новой культуре. Стратегия языковой аккультурации также направлена на минимизацию стресса при адаптации. Языковая аккультурация нарратора реализуется за счет формирования вторичной языковой личности – овладения языком принимающей культуры, его лексико-грамматическими правилами, освоения коммуникативных тактик и стратегий нового языка и принятие новой культурно-концептуальной базы.

Вторая функция ксенонарратива – вербальный трансфер ментального опыта. Все средства дискурсивной обработки культурной чужеродности связаны с реализацией этой функции: оценочная лексика, синтаксические конструкции, композиционное устройство, выбор тематических блоков, связанных с коммуникативными ситуациями столкновения с чужой культурой. Коммуникативные пресуппозиции автора формируют образ идеального читателя, не испытавшего опыт культурной чужеродности, не обладающего знаниями о культуре нарратора. Проанализированные маркеры адресованности репрезентируют этот образ идеального читателя. Результатом успешной реализации функции вербального трансфера ментального опыта является приближение смыслов, извлеченных из текста читателем, со смыслами автора. Свидетельством такого сближения смыслов является стратегия

субъективизации авторского высказывания. Автор, создавая текст, формирует систему тематических блоков, эмотивных высказываний и оценок, тем самым стремится к сближению своего представления о мире художественного текста с читательскими представлениями. В литературном ксенонарративе стратегия субъективизации позиции автора максимально реализуется в группе реципиентов, обладающих высоким уровнем эмпатии к мигрантам, а также, зачастую, имеющих личный опыт преодоления культурной чужеродности. Читатели, никогда не сталкивающиеся с опытом межкультурного взаимодействия, с миграцией или иммиграцией, демонстрируют низкую степень толерантности. Отчасти это может быть объяснено наличием резко негативных оценок принимающей культуры в самом тексте ксенонарративов.

Таким образом, комплексный анализ языковых и дискурсивных способов дискурсивной обработки в ксенонарративе выявил две функции текста – метафункцию минимизации стресса адаптации и функцию трансфера ментального опыта. Означенные функции в тексте реализуются за счет авторских стратегий идентификации чужеродности, языковой аккультурации и субъективизации авторского высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарратив как дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации рассматривается в данном исследовании в контексте повествования об опыте преодоления культурной чужеродности. При таком подходе коммуникативный акт рассказывания номинируется в работе термином ксенонарратив. Ксенонарратив определяется как литературное повествование, тематически погружённое в контекст межкультурного взаимодействия, прагматически отражающее способ дискурсивной обработки культурной чужеродности и интенционально направленное на вербальный трансфер ментального опыта от автора-адресанта к читателю адресату.

Корень «ксено-» в понятии литературный ксенонарратив репрезентирует включенность в повествование чужеродных элементов не только на языковом, но и на дискурсивно-функциональном уровнях. Литературный ксенонарратив обладает следующими признаками: перволичный тип повествования, хронологическое перечисление событий, эмоциональное отношение нарратора, автобиографичность, трансляция опыта культурной адаптации и преодоления чужеродности. Материал исследования данной работы – литературные ксенонарративы “Die undankbare Fremde” И. Брежна и “Girl in translation” Дж. Квок - истории взросления двух героинь, переживших опыт иммиграции и культурно-языковой адаптации в чужой стране.

Коммуникативная ситуация в литературном ксенонарративе специфицирует модель коммуникативных уровней. При анализе ксенонарративов внимание обращено к личности конкретного автора в связи с обязательным условием автобиографичности повествования. Учитывались культурные пресуппозиции автора, связанные с представлением о явлениях, концептах, категориях, приемлемых формах поведения, в том числе и речевого, характерных для чужой лингвокультуры. Инстанция конкретного читателя получила языковое выражение в корпусе читательских отзывов. В фокусе

исследования находились средства репрезентации уровней абстрактного автора и фиктивного нарратора, а также фиктивного и абстрактного читателей. В работе повествовательные инстанции фиктивного и абстрактного читателя рассматривались как синонимичные, поскольку отсутствует экспликация фиктивного читателя, а маркеры адресованности могут быть одинаково отнесены к обоим инстанциям. Повествовательный уровень вторичных нарраторов, истории второстепенных героев учитывались лишь опосредованно, через высказывания нарратора.

Изучение текстовых особенностей литературного ксенонарратива позволило выявить его центральную интенцию – минимизацию стресса адаптации в коммуникативном контексте чужеродности, которая в концепции нашей работы выделяется и как метафункция ксенонарратива. В качестве второй основной функции ксенонарратива по аналогии с типичной для нарративных текстов регулятивной функцией нами выявлена специфицированная в литературном ксенонарративе функция вербального трансфера ментального опыта.

Данные функции реализуются в процессе вербальной рефлексии инокультурного опыта в литературном ксенонарративе на основе разноуровневых языковых средств и осмысления культурно-конвенциональных норм другой лингвокультуры. Такой процесс получил название дискурсивной обработки культурной чужеродности. В ходе настоящего исследования были выявлены лексические, синтаксические, композиционные средства дискурсивной обработки культурной чужеродности в литературном ксенонарративе: семантические оппозиции в категории «свой-чужой», метафоры и образные сравнения, организация хронологии текста, размещение вставных историй, противопоставление культурных пресуппозиций эмигранта и носителей местной лингвокультуры.

Метафункцию минимизации стресса адаптации реализуют стратегия идентификации чужеродности и стратегия языковой аккультурации.

Стратегия идентификации чужеродности включает несколько траекторий оценки категорий «свой» / «чужой»: «свое» может коннотироваться как положительно, так и негативно, «чужое» на начальном этапе адаптации враждебно, но ассимиляция смягчает отрицательные семы оценки. Другой своеобразной траекторией является отказ от сопоставления «своего» и «чужого», отказ от национальной идентичности. Повествователь ксенонарратива репрезентирует представленные стратегии имплицитно на композиционном уровне, эксплицитно – на фонетическом, лексическом, стилистическом уровнях.

Векторы стратегии идентификации чужеродности представлены в тексте в виде «границ». Любая ситуация столкновения с чужим приводит к четкому осознанию препятствия, «границы» – настоящей пространственной или же ментальной, дискурсивной. Под дискурсивной «границей» понимаются ментальные представления и речеповеденческие паттерны, определяющие пределы «своего» и «чужого». К «границам» относятся языковой, пространственный и временной барьеры. Преодоление таких барьеров, освоение нового языка, норм чужой лингвокультуры приводит к расширению пространства «своего» и минимизации стресса при адаптации.

Стратегия языковой аккультурации анализируется в фокусе становления вторичной языковой личности. Личность, осваивающая новую языковую систему, отталкивается от основных лексико-грамматических канонов нового языка, затем через понимание других культурных концептов и прагматических правил приходит к усвоению коммуникативных тактик и стратегий нового языка. Приобретенный опыт в коммуникативном контексте чужеродности и сама наррация позволяют повествователям обоих ксенонарративов формировать собственную вторичную языковую личность, а также осмыслив этот процесс,

транслировать этот опыт читателю, тем самым снижая негативный коннотативный фон в процессе адаптации к другой лингвокультуре.

Реализаторами стратегий в функции минимизации стресса адаптации выступают абстрактный автор и фиктивный нарратор, адресатом – фиктивный и абстрактный читатели. Стратегии обнаруживают имплицитную направленность и на инстанцию конкретного автора.

Вторая функция ксенонарратива, выявленная в исследовании, – вербальный трансфер ментального опыта. Она заключается в том, что текст нарратива способствует вербальной передаче лично «нагруженной» информации/знаний о мире во времени и пространстве от реального автора/повествователя реципиенту текста, что создает основу для адекватной интерпретации нарративного высказывания.

Языковые средства трансфера ментального опыта от повествователя к читательской аудитории эксплицитно и имплицитно представлены в виде маркеров адресованности: риторические вопросы, эмотивные метафоры, отбор и объяснение культуроспецифической информации, композиционное оформление текста. Маркеры адресованности согласовываются с коммуникативными пресуппозициями автора и свидетельствуют о том, что реципиент не обладает конкретными знаниями о процессе адаптации, культурных особенностях и трудностях межкультурного взаимодействия. Повествователь транслирует собственный опыт через описание чужеродной культуры, рассказы о различных судьбах беженцев, иллюстрирует динамичный процесс адаптации через хронологическую структуру нарратива – показывает изменения своей личности на языковом, социальном и эмоциональном уровнях.

Результат успешности/неуспешности передачи вербализованного знания проявляется в стратегии субъективизации авторского высказывания. Она направлена на максимально полное восприятие системы авторских смыслов и образов, а также на эмоциональную вовлеченность и эмпатию читателя. Анализ

дополнительно привлеченных корпусов отзывов читателей на романы “Die undankbare Fremde” и “Girl in translation” на русском, английском и немецком языках убедительно аргументировал наличие и успешную реализацию автором стратегии субъективизации читательского восприятия. Интерпретация сюжетных блоков во многом соответствует авторской, центральными темами ксенонарратива читатели называют опыт иммиграции, адаптацию, преодоление трудностей. Исключительно в англоязычных отзывах на текст “Girl in translation” выявлена тема «американской мечты». Читатели также устанавливают когерентные связи между описанным фикциональным и собственным опытом. Доверие к авторскому повествованию формирует параллельные ксенонарративному тексту эмотивные поля: негативная оценка трудностей адаптации, позитивная оценка личности героини. Оценочные конструкции свидетельствуют о расхождении в читательских восприятиях, коррелирующих со страной происхождения читателей. Многие американцы являются иммигрантами в первом или втором поколениях, культурное разнообразие в их стране позволяет им сформировать полноценную картину опыта преодоления культурной чужеродности у их новых соотечественников через рецепцию средств дискурсивной обработки в ксенонарративе. Русскоязычные читатели в меньшей степени актуализировали тематический блок, связанный с преодолением культурной чужеродности, они сосредоточили внимание на истории взросления и целеустремленном характере героини. В отзывах на текст “Die undankbare Fremde” обнаружены две траектории читательской оценки: в нейтральной – автор ксенонарратива демонстрирует достоинства и недостатки обеих культур; в отрицательной – автор ксенонарратива формирует исключительно негативный образ принимающей страны.

Стратегия субъективизации авторского высказывания является авторской, а не читательской, однако в модели коммуникативных уровней в качестве

реализатора стратегии изображен конкретный читатель. Это означает, что вербализация и экспликация этой стратегии может быть обнаружена только в текстах-отзывах конкретных читателей, поскольку стратегия направлена на приближение к тождественному пониманию смыслов произведения.

Таким образом, анализ дискурсивной обработки культурной чужеродности на материале литературных ксенонарративов продемонстрировал спецификацию нарративной функции в качестве вербального трансфера опыта и наличие метафункции ксенонарратива – минимизации стресса адаптации в контексте другой лингвокультуры. Выявленные функции реализуются посредством авторских стратегий: идентификации чужеродности, языковой аккультурации и субъективизации авторского высказывания.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении литературного ксенонарратива на примере других романов, в том числе и с другой гендерной отнесенностью повествователя с целью выявления в них особенностей актуализации выделенных в настоящей работе стратегий и функций. Особый интерес представляет изучение устных ксенонарративов: иная форма вербализации опыта культурной чужеродности может обнаружить новые дискурсивные особенности ксенонарратива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб.: Наука, 1994. – 151 с.
2. Алещанова, И. В. Нарратив как культурная модель / И.В. Алещанова // Вестник НГУ. – 2006. – № 1–4. – С. 38–43.
3. Алифанова, О. Г. Когнитивный и дискурсивный потенциал нарратива: на примере нарратива Священного Писания: дис. ... канд. филол. наук / Алифанова Ольга Георгиевна. – Иркутск, 2010. – 167 с.
4. Андреева, В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст / В.А. Андреева. – СПб.: Норма, 2006. – 182 с.
5. Андреева, В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В.А. Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Т.9. – №6. – 2007. – С. 61–71.
6. Андреева, В.А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Андреева Валерия Анатольевна. – СПб, 2009. – 37 с.
7. Андреева, К.А. Маргинальные формы организации структуры и семантики современного нарратива / К.А. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 118–123.
8. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – С. 1064–1112.
9. Артемова, Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: дис. ... канд. филол. Наук / Артемова Татьяна Викторовна. – Кемерово, 2008. – 232 с.
10. Арутюнова, Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. – Серия лит. и языка. – 1973. – Т.32. – №1. – С. 84–89.

11. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
12. Арутюнова, Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 40–52.
13. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы 19–20 вв. – М., 1987. – С. 387–422.
14. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
15. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
16. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М., 1975. – 504 с.
17. Бахтин, М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – С. 188–236.
18. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М., 1986. – 543 с.
19. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
20. Белая, Г.В., Симонов, К.И. Гносео-онтологическая интерпретация дихотомии «нарратив/текст» / Г.В. Белая, К.И. Симонов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 4 (5). – С. 1250–1258.
21. Белецкий, С.Б., Куликова, Л.В. Патернализм в институциональной коммуникации: монография / С.Б. Белецкий, Л.В. Куликова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 182 с.

22. Белоусова, А.Е. Повествовательные инстанции в нарративных текстах / А.Е. Белоусова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 605. – С. 14–22.
23. Бергельсон, М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: дис. ... д-ра филол. наук / М.Б. Бергельсон. – М., 2005. – 404 с.
24. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб: Изд-во СПб ун-та, 1993. – 67 с.
25. Болотнова, Н.С. Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистики текста (к 25-летию научного направления) / Н.С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (193). – С. 32–40.
26. Братченко, С. Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. Уроки Джеймса Бюджентала / С.Л. Братченко. – М.: Смысл, 2001. – 91 с.
27. Бремон, К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа / К. Бремон // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Перевод, составление и вступительная статья Г.К. Косикова. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С. 102–111.
28. Брокмейер, Й., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
29. Бударагина, Е.И. Средства создания адресованности в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Бударагина Елена Ивановна. – М., 2006. – 21 с.
30. Будыкина, В.Г. Инверсия в нарративе литературной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Будыкина Вера Геннадьевна. – Челябинск, 2004. – 19 с.
31. Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. Оценка при вторичной коммуникации / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур / Отв. ред. Н. Н. Розанова. – М.: Наука, 1996. – С. 236–242.

32. Вайс, Д. Депутаты любят цитаты: ссылки на ксенотексты в Госдуме / Д. Вайс // Русский язык сегодня. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – Вып. 5: Проблемы речевого общения. – С. 64–75.
33. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М., 1993. – 232 с.
34. Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
35. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом / Б. Вальденфельс // Логос. – М., 1995. – № 6. – С. 77–94.
36. Веселова, И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы [Электронный ресурс] / И.С. Веселова // Русский фольклор в современных записях. Режим доступа: http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php
37. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
38. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
39. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М., 1982. – Т. 2. Педагогика. – 504 с.
40. Гаврилина, А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности / А.А. Гаврилина. – Ставрополь, 2004.
41. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С. 325–372.
42. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
43. Гальскова, Н. Д., Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.

44. Геймбух, Е.Ю. Образ адресата в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. 2009. № 2(3). С.27–34.
45. Геращенко, А. М. Роль вставных текстов в организации и развитии нарратива (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / Геращенко Александр Михайлович. – Москва, 2010. – 177 с.
46. Глушкова, Ю.Н. Категория проспекции и её нарушение в нарративе новеллы: дисс... канд. филол. наук / Глушкова Юлия Николаевна. – Челябинск, 2002. – 170 с.
47. Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. –С. 174–198.
48. Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – М.–Л: Гоислитиздат, 1959. – 529 с.
49. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева / В. фон Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
50. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 259– 336.
51. Дейк, Т.А. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста [Электронный ресурс] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – 28 с. – Режим доступа: www.philologos.narod.ru/ling/djik.htm.
52. Дейк, Т.А ван. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.
53. Демьянков, В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В. З. Демьянков // ИАНСЛЯ. Том 42. – № 4. –1983. – С. 320–329.

54. Демьянков, В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики / В.З. Демьянков // Вопросы филологии, 1999. – № 2. – С. 5–13.

55. Демьянков, В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. редакторы: Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.

56. Детинко, Ю.И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Ю.И. Детинко. – Красноярск, 2013. – 198 с.

57. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.

58. Диспозиция «свой-чужой» в культуре: монография / под. ред. А.С. Кравца (ответственный редактор), В.Т. Титова, Е.Н. Ищенко, Л.И. Гришаевой. – Воронеж: издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – 257 с.

59. Долинин, К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие / К.А. Долинин. – Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2010. – 304 с.

60. Евстигнеева, Н.В., Оберемко, О.А. Модели анализа нарратива / Н.В. Евстигнеева, О.А. Оберемко // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 95–107.

61. Егоршина, Н. В. Нарративный дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: дис. ... д-ра филол. наук / Егоршина Нина Владимировна. – Тверь, 2002. – 308 с.

62. Ермакова, О. П., Земская, Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 30–64.

63. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. – В 2-х томах. Том 1-2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
64. Жданова, А. В. Структура повествования в условиях ненадежного нарратора (роман В. В. Набокова «Лолита»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жданова Анна Владимировна. – Самара, 2007. – 19 с.
65. Захарова, Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения / Е.П. Захарова // Вопросы стилистики: межвуз. сб. научн. тр. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1998. – С. 87–94.
66. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – Под общ. ред. д.ф.н. Г.А.Золотовой. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
67. Зюзина, И. А. Суворова, П. Е. Авторские стратегии в прагматике художественного дискурса на материале трилогии «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена / И.А. Зюзина, П.Е. Суворова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – №1. – 2016. – С. 43–50.
68. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
69. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М., 1990. – 152 с.
70. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Э В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
71. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
72. Квок, Дж. Девушка в переводе / Дж. Квок. – Фантом Пресс, 2011. – 352 с.
73. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А.Е. Кибрик. – М., 1992. – 336 с.
74. Кибрик, А.А., Плунгян, В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные

направления современной американской лингвистики / под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. – М., 1997. – С. 307–322.

75. Кириллов, А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Кириллов Андрей Геннадьевич. – Самара, 2007. – 23 с.

76. Киселева, Л. А. Язык как средство воздействия: (на материале эмоционально-оценочной лексики современного рус. яз.): лекции спецкурса / Л.А. Киселева. – Ленинград, 1971. – 59 с.

77. Ковтунова, И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И.И. Ковтунова // ВЯ. – 1986. – №1. – С. 3–13.

78. Ковшов, Е.М. Социальная рефлексия: структура, формы и функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ковшов Евгений Михайлович. – Саратов, 1999. – 24 с.

79. Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. / Н.А. Кожевникова. – М.: ИРЯ РАН, 1994. – 335 с.

80. Колосов, С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Колосов Сергей Александрович. – Тверь, 2004. – 18 с.

81. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.

82. Комаров, А. С. Авторская стратегия в процессе художественного общения с читателем / А.С. Комаров // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. – 2014. – №3. – С. 252–260.

83. Комарова, З.И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики / З.И. Комарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 73. – С. 66–71.

84. Корнышкова, Е. Г. Лингвистические стратегии усиления восприятия текста англоязычной авторской сказки / Е.Г. Корнышкова // Перспективы науки. – 2012. – №11. – С. 76–81.
85. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН: СЛЯ. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
86. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука в конце XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
87. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
88. Кудашова, Н.Н. Коммуникативная теория текста и текстовый антропоцентризм / Н.Н. Кудашова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – №3 (20). – С. 62–64.
89. Кукес, А.А. Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Кукес Анна Александровна. – Москва, 2003. – 23 с.
90. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография / Л.В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
91. Куликова, Л.В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учебное пособие / Л.В. Куликова. – Красноярск: СФУ, 2011. – 268 с.
92. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
93. Левицкий, А. Функциональный подход в современной лингвистике / А. Левицкий // *Studia Linguistica*. – Київський університет. – 2010. – № 4. – С. 31–38.
94. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

95. Леонтьев, А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
96. Леонтьева, Е.А. Точка зрения в нарративе (на материале сопоставительного анализа современных русских коротких рассказов и их переводов на немецкий язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Леонтьева Елена Александровна. – Тюмень, 2005. – 25 с.
97. Лотман, Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю.М. Лотман // Ученые записки. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1982. – Вып. 576. – С. 110–121.
98. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи / Ю.М. Лотман. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 129–132
99. Лотман, Ю.М. Текст как смыслопорождающее устройство / Ю.М. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 11–163.
100. Магнес, Н.О. Структура устного бытового повествования и специфика его гендерной реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Магнес Наталья Олеговна. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 22 с.
101. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 252 с.
102. Максимова, Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Н.В. Максимова. – М., 2005. – 316 с.
103. Манжелевская, Е. В. Прагмалингвистическая стратегия стимулирования автором читательской заинтересованности и ее речевые сигналы (на материале русскоязычных и англоязычных художественных текстов) / Е.В. Манжелевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2016. – № 12(66): в 4-х ч. – Ч. 2. – С. 133–138.
104. Марков, Б.В. Нарратив [Электронный ресурс] / Б.В. Марков // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+», РООИ

«Реабилитация», 2009. – 1248 с. Режим доступа:
http://epistemology_of_science.academic.ru/464.

105. Маслова, В. А. Современные лингвистические направления: Методические рекомендации / В. А. Маслова. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2003. – 37 с.

106. Мельничук, О. А., Андросова, Ф. С., Еливанова, А. М. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии / О.А. Мельничук, Ф.С. Андросова, А.М. Еливанова. – Якутск: ИД СВФУ, 2013. – 194 с.

107. Московская, Н.Л. Формирование профессиональной компетенции лингвиста-преподавателя в интегрально-коммуникативном образовательном пространстве / Н.Л. Московская. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – 375 с.

108. Николаева, Т.М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики / Т.М. Николаева // Серия языка и литературы. – Т. 36. – №4. – 1977.

109. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.

110. Олешков, М.Ю. Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов / М.Ю. Олешков // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – Серия «Язык и дискурс». – Вып. 2. – С. 49–59.

111. Онипенко, Н.К. Образ говорящего в грамматике и в тексте / Н.К. Онипенко // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26–28 февраля 2001 г.); отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: Союз, 2001. – С. 89–99.

112. Падучева, Е.В. Пресуппозиция / Е.В. Падучева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

113. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 479 с.

114. Падучева, Е. В. К определению лингвистических параметров несобственной прямой речи / Е.В. Падучева // Лотмановский сборник. Ч. 1. / Ред. Е. В. Пермяков. – М.: Гарант, 1995. – С. 642–654.

115. Падучева, Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать / Е.В. Падучева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 3. – С. 13–19.

116. Петров, Н.В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Петров Никита Викторович. – М., 2007. – 26 с.

117. Плуногян, В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие / В.А. Плуногян // Wiener Slawistischer Almanach. Munchen: Sagner, 2008. – Sonderband 72. – S. 285–311.

118. Попова, Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: дис. ... д-ра филол. наук / Попова Елена Александровна. – Липецк, 2002. – 353 с.

119. Попова, Е.А. Литературная коммуникация как объект изучения лингвистики нарратива / Е.А. Попова // ФИЛОЛОГОС. – №1–2 (4). – 2008. – С. 218–228.

120. Попова, Я.В. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональных дискурсивных практиках / Я.В. Попова // Казанская наука: Филологические науки. – Казань: Казанский Издательский Дом. – 2014. – №1. – С. 137–141.

121. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.

122. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Издательство “Лабиринт”, 2001. – 192 с.

123. Рикёр, П. Время и рассказ / П. Рикёр. – Том 2. / Пер. Т. В. Славко. – М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. – 224 с.
124. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
125. Садохин, А.П. Культурология: теория и история культуры: учебное пособие / А.П. Садохин. – М.: Эксмо, 2007. – 624 с.
126. Саморукова, И.В. Дискурс художественное высказывание – литературное произведение: Текст. Типология и структура эстетической деятельности / И.В. Саморукова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 204 с.
127. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – 656 с.
128. Сидоров, Е.В. Общая теория речевой коммуникации. Учеб. Пособие / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во РГСУ, 2010. – 244 с.
129. Современное зарубежное литературоведение: Страны Зап. Европы и США : Концепции, школы, термины: Энцикл. справ. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; науч. ред. и сост.: И.П.Ильин, Е.А.Цурганова. – М.: Интрада, 1996. – 656 с.
130. Степанов, Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) / Г.В. Степанов // Контекст–1983: Литературно–теоретические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 20–37.
131. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.
132. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

133. Сусов, И.П. Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика / И.П. Сусов // Функционально-типологические проблемы грамматики. – Часть 2. – Вологда, 1986. – С. 132–133.
134. Татару, Л.В. Нарратив и культурный контекст / Л.В. Татару. – М., 2011. – 287 с.
135. Тодоров, Ц. Как читать? / Ц. Тодоров // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1998. – №6. – С. 114–128.
136. Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
137. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Б.В. Томашевский / Вступ. статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334с.
138. Триандис, Г. К. Культура и социальное поведение / Г.К. Триандис. – М.: Форум, 2007. – 384 с.
139. Троцук, И.В. Нарратива как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И.В. Троцук // Вестник РУДН, серия Социология. – 2004. – №6–7. – С. 56–74.
140. Трубина, Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к специальному курсу / Е.Г. Трубина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 104 с.
141. Тумина, Л. Е. Русская риторика XVII–XX веков: Учение о повествовании / Л.Е. Тумина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 132 с.
142. Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
143. Тюпа, В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике / В.И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 274 с.
144. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Зарубежная лингвистика 1: Новое в лингвистике: Избранное / пер. с англ. Ю.К. Лекомцева, общ. ред.

В.А.Звегинцева и Н.С. Чемоданова. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. – С. 92–106.

145. Успенский, Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011. – 344 с.

146. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский // Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 9–218.

147. Уфимцева, Н.В. Русские свои или чужие: взгляд европейцев // Н.В. Уфимцева / Бытие в языке: сб. научн. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 234–238.

148. Федорова, В.П. Формирование нарративной компетенции как способа моделирования вторичного языкового сознания (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. филол. наук / Федорова Виктория Петровна. – Москва, 2004. – 194 с.

149. Филистова, Н. Ю. Структурная организация детективного нарратива (на материале английских и русских рассказов) / Н.Ю. Филистова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3986–3990.

150. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М., Рус. яз., 2002. – 216 с.

151. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: «Ника-Центр», 1996. – 208 с.

152. Холодная, М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования: 2-ое изд, перераб. и доп / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002 – 272 с.

153. Чаплыгина, И.Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук / Чаплыгина Ирина Дмитриевна. – М., 2002. – 518 с.

154. Чейф, У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – С. 277–316.

155. Чернякова, М.В. Реализация манипулятивного потенциала концептуальной метафоры в российском и американском политическом нарративе, посвященном войне в Ираке 2003—2004 гг.: дис. ... канд. филол. наук / Чернякова Мария Вячеславовна. – Екатеринбург, 2007. – 250с.

156. Чувильская, Е.А. Структура и семантика литературного гипернарратива: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук / Чувильская Елена Александровна. – Тюмень, 2009.– 208 с.

157. Шеина, И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Шеина Ирина Михайловна. – М., 2009. – 50 с.

158. Шейгал, Е.И. Многоликий нарратив / Е.И. Шейгал // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2007. – Вып. (2) 22. – С. 86–93.

159. Шилихина, К. М. Иронический нарратив: особенности структуры текста / К.М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация". – 2013. – № 1. – С. 59–63.

160. Шипилов, А.В. «Свои», «чужие» и другие / А.В. Шипилов. – М.: Прогресс–Традиция, 2008. – 568 с.

161. Шкловский, В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1983. – 383 с.

162. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

163. Шуников, В.Л. "Я"-повествование в современной отечественной прозе: принципы организации и коммуникативные стратегии: дис. ... канд. филол. наук / Шуников Владимир Леонтьевич. – Москва, 2006. – 195 с.

164. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. / А. Шюц – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

165. Эйхенбаум, Б.М. О прозе. О поэзии.: сб. статей / Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Художественная литература, 1986. – 453 с.

166. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. – Симпозиум, 2002. – 288 с.
167. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм «за» и «против» / Под ред. Е. Я Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
168. Якобсон, Р. О. Язык и бессознательное (Работы разных лет) / Р.О. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – 234 с.
169. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
170. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Якубинский Л. П. // Избр. работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17–58.
171. Adam, J.-M. The narrative sequence: history of a concept and a research area / J.-M. Adam // Colloque International 'Redefinition de la sequence dans la narratologie postclassique. – University of Fribourg, 2011.
172. Bartminski, J., Zinken. J. Aspects of cognitive ethnolinguistics / J. Bartminski, J. Zinken. – London: Equinox Publishing Ltd, 2009. – 272 p.
173. Bausinger, H. Das Bild der Fremde in der alltagskultur / H. Bausinger // Universitas 43. – 1988. – H.2. – № 9. – S. 946.
174. Bootzin, R.R. Psychology today: An inrtoduction / R.R. Bootzin, G.H. Bower, J. Crocker, E. Hall. Seventh edition. – New York: McGraw–Hill, Inc., 1991. – 728 p.
175. Brezna, I. Die undankabare Fremde / I. Brezna. – Verlag Galiani Berlin, 2012. – 140 S.
176. Casson, R. W. Language, culture, and cognition: Anthropological Perspectives / R. Casson. – New York: Macmillan, 1981.
177. Chilton, P. Analysing political discourse: Theory and practice / P. Chilton. – London: Routledge, 2004. – 226 p.
178. Chilton, P. Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse / P. Chilton // Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse

/ ed. by P. Chilton, C. Schäffner. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2002. – P. 1–41.

179. D'Andrade, R. G. The culture part of cognition / R. G. D'Andrade // *Cognitive Science*/ – 1981. – Vol. 5 – P.179–195.

180. Franzosi, R. Narrative Analysis–Or Why (And How) Sociologists Should be Interested in Narrative / R. Franzosi // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 517–554.

181. Friedemann, K. Die Rolle des Erzählers in der Epik Text / K. Friedemann. – Darmstadt, 1965.

182. Galasin'ska, A. Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other / A. Galasin'ska, D. Galasin'ski // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2003. – P. 849–863.

183. Grice, H. P. Meaning / H.P. Grice // *Readings in the Philosophy of Language*. – Englewood Cliffs, 1971. – P. 436–444.

184. Gudykunst, W.B. Bridging differences: effective intergroup communication. Third edition / W.B. Gudykunst. – London: Sage publications Ltd, 1998. – 351 p.

185. Hall, E.T. The hidden dimension / E.T. Hall. – London: Anchor Books Doubleday, 1990. – 217 p.

186. Hutchins, E. Culture and inference. A Trobriand case study / E. Hutchins. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. – 143 p.

187. Kwok, J. Girl in translation / J. Kwok. – Riverhead Books, 2011. – 320 p.

188. Labov, W., Waletzky, J. Narrative analysis: oral version of personal experience / W. Labov, J. Waletzky // Helm (ed.) *Essays on the verbal and visual arts*. – Seattle. – 1973. – P. 12–44.

189. Labov, W., Waletzky, J. Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis / W. Labov, J. Waletzky // *Special Volume of a Journal of Narrative and Life History*, 1997. – Vol.7.

190. Leech, G.N. Semantics / G.N. Leech. – Harmonds-worth, 1974. – 386 p.

191. Maaz, H.-J. Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR / H.-J. Maaz. – Berlin: Argon, 1990. – 243 S.
192. Miller, H. Reading narrative / H. Miller. – Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1998. – P. 47.
193. Oberg, K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments / K. Oberg // Practical Anthropology. – Verlag für Wissenschaft und Bildung. – 2006. – Vol. 7. – P. 177–182.
194. Ochs, E., Capps, L. Living Narrative / E. Ochs, L. Capps. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
195. Prince, G.A. Dictionary of Narratology / G.A. Prince. – Great Britain: Scholar Press, 1988. – 126 p.
196. Riggins, S.H. The research of othering / S.H. Riggins // The language and politics of exclusion: others in discourse / ed. by S.H. Riggins. – London: Sage Publications Ltd, 1997. – P. 1–30.
197. Siroka, D. A linguistic picture of the world and expression of emotions through the prism of expressive lexis / D.A. Siroka // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – №. 2. – P. 297–308.
198. Smith, B. H. Narrative Versions, Narrative Theories, in On Narrative, ed by W. J. T. Mitchell / B. H. Smith. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – P. 209–232.
199. Sperber, D., Wilson D. Relevance: Communication a. cognition / D. Sperber. – Oxford, 1986. – P. 132– 150.
200. Thagard, P. Mind: introduction to cognitive science / P. Thagard. – 2nd ed. – Cambridge (Mass.): MIT, 1996.
201. Wertsch, J. V. Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspective / J. V. Wertsch. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ КОРПУС ОТЗЫВОВ НА РОМАН «GIRL IN
TRANSLATION» ДЖ. КВОК

1. Имя пользователя: Brina.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 89

Оценка книги (из 5): 4,5

I read *Girl in Translation* by Jean Kwok at a time when I read little fiction. I found the book at one of my favorite places- the check out counter at the library- and grabbed it because of its vivid colored cover.

In this debut novel, Kwok tells the story of Kimberly Chang and her mother, immigrants from Hong Kong to Brooklyn. Forced to live in a condemned apartment and work in horrid conditions because their sponsor, Kimberley's aunt, feels as though they are burden on society, Kimberly grows up in poverty. Forced to forge her mother's signature and speak with every adult necessary to get by in society because her mother can not learn English, Kimberly is also forced to grow up fast.

She has one saving grace that leads her to attend a private school: she is near genius level in math. Math being the universal language therefore English is not necessary to achieve high marks. Despite a teacher discovering Kimberly's talent and pulling strings to get into this prestigious school, Kimberly still has to work alongside her mother at a clothing factory in Chinatown after school because they have no money for childcare and because her work is needed to help meet daily piecemeal quotas.

While at the factory, Kimberly meets Matt. He is from a poor family in Chinatown and has no ambition to ever leave; however, he is one of few other adolescents at the factory and they develop a close friendship that endures through their high school years. As Kimberly navigates her private school and all the typical milestones that come with it, her aunt grows more and more resentful of her and tries with all her power to prevent the Changs from achieving the American Dream just out of spite.

Without giving much else away, the second half of the novel focuses on how Kimberly slaves in the factory while hiding her double life from even her closest of school friends. I enjoyed this book a great deal because it speaks of an immigrant experience I am otherwise unfamiliar with. These are legal immigrants yet they fall through nearly as many of the same cracks as the illegals we constantly hear about. Because this is fiction, Kimberly uses her math to obtain a happy ending; however, not all real life immigrants are nearly as fortunate, especially if they do not have a strong work ethic. I recommend this to all looking for a change of pace contemporary fiction book, and am looking forward to Kwok's second novel *Mambo in Chinatown*.

2. Имя пользователя: Lauryn.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 40

Оценка книги (из 5): 1

Somehow, I managed to finish this book, though I complained about it the entire time (I know, my own fault, I should have shut up or stopped reading it). I could not understand the rave reviews about it and couldn't fathom that people had read the same book that I was reading until I realized a consistent flaw in how we review both books and film: too often, people are praising the story itself rather than the telling of the story. Which is what I believe happened with this book. I suffered through the whole thing because the author had a compelling story to tell. I was so irritated throughout the read, though, because it was told so poorly. There was virtually no character development. The characters were flat, one-dimensional, either all good or all bad. The settings were ripe for really juicy details but we were not given them. The fact that the author covers over two decades in under 300 pages shows how much things are glossed over. It felt like the worst kind of adolescent literature (the best kind being those that actually tell stories with vivid, descriptive, in-depth language regardless of the fact that they are written for children). Yes, the immigrant experience is a fascinating topic, yes, her story made most of our American childhoods look pretty cushy, but reading it felt like the literary equivalent of really bad junk food.

3. Имя пользователя: Tara Chevestt.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 23

Оценка книги (из 5): 5

Remember the popular song in the 90s, It's a Hard Knock Life? That song kept popping into my head as I read this novel. For Kimberly, a Chinese immigrant residing in the slums of Brooklyn, it's a hard knock life indeed. Her mother and her come from Hong Kong when Kimberly is approximately eleven years of age and fully dependent on Aunt Paula, a jealous relative, they find themselves living intimately with roaches and rats in a garbage-bag-in-place-of-windows, illegal apartment with no heat or air. While struggling to learn English in public school, Kimberly also helps her mom work in Aunt Paula's sweatshop.

Kimberly soon realizes that the only way to turn her sob story into a success story is thru education. This novel is all about her school years from the age of eleven to the time of graduation when a very adult Kimberly tries to get her mother and herself out of the roach infested apartment and far away from Aunt Paula's control and wrath. It's a journey full of hard knocks, but this gal doesn't let life knock her down. Reading about Kimberly growing up, finding herself, and growing a backbone was like watching a flower evolve from a bud to a fully opened delight.

Can this girl that barely speaks any English and curls up with blankets from a dumpster while stomping on the floor to scare off roaches achieve the American dream? Can a young immigrant dressed in rags and castoffs find love? Scholarships are great, but they don't guarantee happiness...

I really enjoyed this. I enjoyed seeing American public school from the eyes of an immigrant. I even found bits of humor here and there. (The Sahara pipeline.. the bra lady

at Macy's..LOL) I found myself cheering for the heroine constantly. To top it off, it had a surprise ending. This is one that is staying on my bookshelf for sure.

4. *Имя пользователя: Diane.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 19

Оценка книги (из 5): 3

I've read this book twice now, once on my own and several years later for book group. Both times I had the same experience. I just love the first half of so when she is younger and they are struggling to learn English and American ways. As she assimilates I find my attention moving to anger at the heartless aunt who has them in virtual bondage, living in a condemned building without heat, working 12 or more hours a day. Kim is a hard working student struggling to balance her school and economic demands, living two lives: private prep school phenomenon and Chinese factory girl. This is where I have a little trouble with her character. She is in honors classes at a private academy, skips two grades in math and science, works in the library, has a period off during which she necks with boys, takes the subway to China town and works until at the factory until 9, 10 or later? Are there really this many hours in a day? There are some other choices and consequences later in the book that cause me to question reality. But I'll let you decide if you agree with her or not. Over all I recommend this book. It is mostly interesting and entertaining, just don't look too closely at the details.

5. *Имя пользователя: Elaine.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 17

Оценка книги (из 5): 3

I should probably bring this book down to a 3 for how terrible the end is. And clearly the characterizations of everyone except our narrator are fairly unsubtle. But I was completely engrossed in the details of this story of growing up dreadfully poor in Brooklyn a generation ago, a Tree Grows in Brooklyn for the late 20th Century. Kwok's tale really grabs you, and if you have a hard time crediting some of the details, the deeper unease is with the undeniable fact that the world she portrays - piecework for far less than minimum wage, children laboring in factories, squatting in unheated condemned buildings - is not a sepia-toned memory of my great-grandparents' (or A Tree Grows in BK's) New York, but a contemporary reality.

But, having a great story to tell does not excuse cheap ripped-from-Harlequin double-twist endings. Without spoilers, there's nothing about the last 10% of the book that I found credible, or true to the story that Kwok has told up to that point. I've convinced myself - down to a 3!

6. *Имя пользователя: Sharon.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 14

Оценка книги (из 5): 4

This was a super sweet story about a subject I can't get enough of: a mother and daughter starting their life in America after immigrating from China. It is told from the daughter's perspective, Kim, and covers the sacrifices her mother made to bring her to New York, the abysmal (and illegal) living situations they endured, and their ultimate triumph.

This is a quick read, but I took my time listening to the audiobook performance during my lunch break walks. I particularly enjoyed the voice of "young Kim," with her Chinese accent, mixed up American words, and her polite and formal phrases and greetings. The bond Kim has with her mother, even at a young age, really resonated with me: how responsible she was forced to become, and how brave.

The novel spans Kim's life from grade school to her adult years, and the first half was particularly touching. The second half has a bit of a love story in it, and while it was necessary to forward the plot, (and to spur a major decision from Kim), I truly feel the real love story was between Kim and her mother.

Their first New York "apartment" is a cockroach-infested, run-down slum with no heat. It is too cold to do anything in the winter, and they can't afford any clothes or blankets. One day on their way to work (sewing skirts at a Chinese factory/sweatshop), they spot a truck unloading tons of colorful stuffed animal fabric by a dumpster. They cannot stop and risk being late for work, and the whole time at work, Kim's mother worries that someone will take the rolls of fabric. When they leave the factory late that night and rush back to the dumpster and discover it is still there, it is the jackpot of all jackpots: Carpet, pillows, bedding, tablecloths, underwear, sweaters are all fashioned from the lime green fabric.

Kim's struggles and ultimate triumph at school are also happy tearjerkers. (There was one particular moment that made me so proud of Lil Kim that I burst into tears at the exact moment I saw my CFO drive by in the parking lot. Whoops.)

The story isn't Faulkner. It's told simply and it covers a slew of "fish out of water" situations I have read about before. But the story hits close to home: my mom was born in Okinawa and came to New York when she was 16 with my grandmother and her little brother in tow. Reading these type of accounts always makes me feel closer to them, and warms my heart.

7. Имя пользователя: Janey.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 12

Оценка книги (из 5): 2

I was loving and enjoying this book, but the last fourth of the book Jean Kwok changed Kimberly's personality. She also changed Matt into a jerk by making him randomly unsupportive of Kim's aspirations. After Kim decided against having an abortion, she withheld her child from having a good father. She wouldn't have had to give up Yale--or even a career--for a marriage and family with Matt. It was unrelatable! The only reason Kim didn't try to get back together with Matt, after she decided against an

abortion, was because he went back to Vivian afterwards? Really?? I think it's more important that you tell him that HE'S GOING TO BE A FATHER! She held off a year at Yale anyway, while she and her mother did the jewelry business. Then they moved near Yale while Kim worked and went to school and her mother helped care for the baby. I don't see how Matt could not have fit into that picture. I'm positive he would have sacrificed his random desire to stay in China Town and would have chosen instead to be with his love and child. Seriously, I was so annoyed at the last 1/8th of this book.

8. *Имя пользователя: Trish.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 11

Оценка книги (из 5): 2

I'm not sure why this book has garnered such buzz and great reviews. The writing is straightforward and easy to read, but far from being literature. This book seems to belie the fact the author has an MFA in fiction, or perhaps this is all it takes to get an MFA in fiction from Columbia these days-I don't know. Perhaps the book should have been categorized as YA since it seems to have been written for an eighth grade reading level. I was especially annoyed by the use of italics to start each new thought within a chapter. Someone needs to teach this author and/or the editor how to use italics.

This is a coming of age story about an 11-year old Chinese girl who comes from Hong Kong with her mother to live in NY in an abandoned tenement with no heat, and work in a clothing factory sweatshop. Kimberly, the young girl, is exceptionally bright so is able to get into a private school on a scholarship and is able to fulfill the American dream of working hard and becoming a success.

There is no depth to her story or characters. The story is told in a linear "just the facts" manner: "And then this happened, And then this happened, And then this happened, And then 12 years Later..." And she does not make the reader see or feel any real weariness or despair despite the weariness and despair that Kimberly must feel going to school all day and then going straight to the factory to work, sometimes until 2a in the morning, and then coming home to an apartment with no heat in the dead of winter. There are no descriptions of bags under her eyes, or even of her falling asleep at her desk or on the subway. The fact that her mother doesn't pass her naturalization test which in turn means Kimberly will not automatically become a naturalized citizen is only briefly mentioned. There is nothing said about how great their disappointment must be.

On a positive note, Kwok does use her own experience working in a clothing factory to add authenticity to these parts of the story showing that the sweatshop conditions have not changed much from the days of the Triangle Shirtwaist Factory; only the immigrants are just a different ethnic group now. But this and the great cover of the book are not enough to save this book from being anything but mediocre and forgettable.

9. *Имя пользователя: Brianna.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 4

Оценка книги (из 5): 10

I was very impressed with this book. It teaches important life lessons, such as the amount of money you have or earn doesn't define who you are as a person. This is shown throughout the book as Kim and her mom make nearly pennies a day but continue to be very positive people and it doesn't stop Kim from her school studies. It was a very easy story to follow and readers never knew what was going to happen next. There are few reviews about this book on goodreads, but all of them are positive and the readers enjoyed the book. I would recommend this book for mostly teenagers. The ending of the book was very surprising and shocking.

One of the books strengths was that the author used creative spelling to show how Kim misunderstood some English words. Also, this book had good character development. This book also shows how kids grow up together in school from grade school to high school, indicating the audience that is targeted to teenage kids and young adults. My favorite scene in the book is when a kid in Kim's class has a cheat sheet in her sleeve and drops it on the floor. Kim picked it up not knowing what it was, and the teacher saw Kim and took the sheet out of her hand. The teacher quickly realized what it was and sent to her down to the principal's office where she would be questioned. A boy in her class named Curt saw what happened, and knew she was innocent. He then goes down to the office and sees her in the room and explains to the principals what has happened. The principal takes that into consideration and says how you do on this test will determine our decision. Overall, I really enjoyed this book and I would recommend it to other readers.

10. Имя пользователя: К.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 8

Оценка книги (из 5): 1

Weird and disappointing to have the exact same reaction to two consecutive novels (both on Amazon's list of best books of 2010, incidentally) -- the story had potential, but was told way too superficially. Only this book was actually less enjoyable for me than Secret Daughter, the last book I read.

I felt like I'd read this story many times before. Eleven-year-old Kimberly emigrates from Hong Kong to the U.S. with her impoverished widowed mother in seek of a better life; the two struggle with adversity in the form of unsympathetic teachers and classmates, exploitative relatives, extreme poverty, etc., etc. There was nothing new here -- not the literary voice, not the story, not the characters. Nothing.

Worse, many things didn't ring true to me although I hesitate to say this, having learned that the author herself emigrated from Hong Kong as a girl. Could the teacher really be that insensitive to the plight of a non-English speaking student? Were the Americanized relatives so avaricious and uncaring? And if so, how could Kimberly's mother be so utterly clueless about her older sister? Speaking of cluelessness, the author seemed to enjoy creating incidents where Kimberly's language foibles and general naivete led to misunderstandings which were supposed to be funny, I guess, but got old, especially

since I would have expected Kimberly to catch on to a thing or two by Christmas. Especially if she was so very bright.

I got through a little more than 25% of this before skimming reviews to see if others felt the way I did, and read more than one review reporting that the book started off good and went downhill. Since I didn't even think the book started off good, I decided not to stick around for the downward spiral.

11. Имя пользователя: Nancy.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 7

Оценка книги (из 5): 5

Girl in Translation is a walk in the shoes of Kimberly, a child immigrant caught in an exploitative labor trap upon arriving in America from Hong Kong. Because she is a uniquely gifted child, there is a chance of Kim escaping her crushing reality.

Her story compassionately explores why and how she and others make momentous choices, and leads us to the brink of a pivotal moment in Kim's life.

I liked the humanity of the characters. Most of Kim's confusion - at being immersed in a strange culture - was navigated with stoic detachment. Without self-pity, she reports many personal events as a bewildered observer, not a participant. But, some playground rituals are truly bizarre, even from within the culture...

I thought this comic paragraph was classic:

"The other boys and girls had just emerged from hating each other into a state of awkward interest, teasing and rude remarks. They were busy with cooties: catching them, getting rid of them and inoculating themselves against them. The transmission of cooties was an excuse for the boys to hit one another as hard as they could and to touch the girls. I had no idea what cooties were and often ended up as the recipient of all the cooties in the class. I'd been taught not to touch another person without permission, so it was hard for me to get rid of the cooties in my possession. Cooties were the one thing that transcended racial lines."

12. Имя пользователя: Susan (aka Just My Op).

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 7

Оценка книги (из 5): 5

I can't do justice to this book, you need to read it for yourself. A novel told in the first person, it is a simple story. Eleven-year old Kim Chang and her mother come to Brooklyn from Hong Kong while they can. They work hard, live in desperate poverty, and are hurt by the family already in Brooklyn who should be helping them. Kim tries to be a good student despite the language barrier and students and teachers who treat her badly and contemptuously. After school, she helps her mother in her illegal and obscenely low-paying sweatshop job from which she can't escape. Her mother never quite gets the hang of American language or culture, and Kim is her interpreter. She is a child who must

behave as an adult much too soon, and doesn't always succeed at it. This is the story of her childhood in America.

It is a story of love, pride, friendship, stereotypes, culture clashes, betrayal, and determination. The characters become real, and some of them I want to hug, some of them I want to slap, especially Mr. Bogart and Aunt Paula. It is written without sentimentality but with great heart. The story will stay with me for a long time, long after I've read and forgotten many other novels.

13. *Имя пользователя: Erica T.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 7

Оценка книги (из 5): 4

I enjoyed this story of Kimberly and her mother, immigrants from China, who faced extremely bad living conditions and sweatshop labor while attempting to make a life for themselves in America. Kimberly is a good student and decides that education will be the best way to help them escape poverty. I appreciated her tenacity and dedication to her mother and improving their life. I have to say I was kind of disappointed in the end as it isn't necessarily a "Happily Ever After Ending" but really enjoyed the eye-opening, coming-of-age story overall.

14. *Имя пользователя: Lisa Montanaro.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 6

Оценка книги (из 5): 5

Loved this book! It is a coming-of-age story told from the perspective of a young girl that moves to New York from Hong Kong with her mother. It casts a light on the immigrant experience in general, and this mother-daughter pair in particular. With rich descriptions, in-depth character development, and a very interesting storyline, I found it sad, endearing, delightful, and interesting. I also found it both universal and very specific at the same time. I identified with some of the protagonist's struggles like being a first-generation college student, growing up with a strong mother who worked very hard to give her a better life, not always feeling like she fit in with the upper class set, and making difficult choices. A very satisfying read!

15. *Имя пользователя: Teresa Lukey.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 6

Оценка книги (из 5): 5

This is a favorite for me. I listened to the audiobook and, if you can, I highly suggest that be the way you "read" this book. The narrator does a fantastic job with the Chinese accent.

Having grown up in a lower income area in the 80's I had the opportunity to be around many Cambodian, Vietnamese, Korean and Chinese families newly immigrated

to the US. I remember the way these people were treated, with uncertainty and sometimes just downright rudeness. Unfortunately, its much the same way the eastern European people who now inhabit these same areas are treated at present. In this story you really get a feel for what a struggle it is to make ends meet in a new country, where you do not understand the language, culture, laws or expectations.

Having lost her father under Mao's reign, Kimberly and her mother move to New York with the help of her aunt. Unfortunately, her aunt puts them up in a condemned building infested with vermin and cockroaches and gives Kim's mother a job at a clothing factory that pays by the piece, then she takes most of the money to repay the debt owed for getting her to the US. Kimberly has to go to the factory after school each day to help her mother complete her work, so that she can make it home after working 12-14 hour days.

Through the heart-ships, Kimberly is still able to do exceptionally well at school and gains access to a private school through a scholarship. Although most kids think of her as a freak because she is so smart and keeps to herself, she continues to excel. Kimberly wants to have friends, go to parties and have a boyfriend, but is not allowed due to her mothers fear that people will see where they live or require something in return, which they cannot afford.

I cannot think of anything I would want different with this story, it is perfect!

16. *Имя пользователя: Maria.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 6

Оценка книги (из 5): 4

Exactly the kind of book I enjoy: immigrant family, conflicts between cultures, love story. I enjoyed it very much.

17. *Имя пользователя: Ату.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 3

Not going to lie, most of this book felt like torture. Heavy angst, despair, sadness. I felt angry and frustrated. Though set from an immigrant's perspective, the generational poverty threatening to crush Kimberly reminded me only too much of the generational poverty crushing the teens I worked with in the Appalachian mountains. And in Milwaukee. And in so many other places around the world. I see this in real life. Why would I want to see it played out in literature?

But that end.

That end redeemed it for me.

The ending came like a little bubble of hope that burst into a full-fledged happiness.

Yes, that ending made me happy. It took all the angst the story built up inside of me and released it. It left me wanting to cry and laugh at the same time. Relief. Because

even if it just in this one story, for this one heroine, the right thing happened. And if it can happen here, it can happen in real life too.

18. *Имя пользователя: Нето.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 5

“What were my chances? I was just a poor girl whose main practical skill was bagging skirts faster than normal.”

I’ve wanted to read this one since the first time I saw it, but it always kept getting pushed down. I finally made time for it and it’s one thing I’ll never regret. It’s the kind of book you can’t put down because you can completely immerse yourself in both the main characters life and thoughts. Before I begin I do want to apologize for the excessive amount of quotes, it was hard to just pick a few.

The story follows little Kim who moves from Hong Kong to New York, she didn’t speak any English and neither did her mother. Everything was different and her mother went from being a music teacher to sweating in a factory both day and night. Their house was full of cockroaches and didn’t have any heat. She started school in a public school where instead of helping her they only made fun of her and demanded her to be smarter.

“That was ma and me: Two squeamish Buddhists in the apartment from hell.”

“Even now my predominant memory of that phase of my life is of the cold. Cold like the way your skin feels after you’ve been slapped.”

19. *Имя пользователя: Kyle.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 3

I was all set to give this book 4 stars. I loved the characters, especially Kim, and I thought Jean Kwok did an excellent job portraying how hard it is to be immigrants, as well as portraying the Chinese culture. And then I read the ending. I hated it.

First of all, Kim is supposed to be this really smart kid. She seems to know enough about birth control to suggest using a condom. But she didn't know that you can't use two condoms together? On the same subject, Matt carries condoms around which probably means he's used them before. And he didn't realize that using 2 would be a bad idea? It just seemed improbable to me but okay fine, I'll accept that. Maybe Kwok just wanted to emphasize the point that while Kim is really book smart, she is not street smart at all. And that Matt is just dumb. I don't know.

But then Kim goes and gets pregnant and then talks to...Curt? That just seemed weird. Why wouldn't she talk to Annette about it first? I didn't really believe her whole relationship with Curt anyway so that just made it even more confusing.

Fine, fine, I'll make allowances for these things. But what I could not get past was the very end - where Kim doesn't tell Matt that she actually had their kid. I hate stories like that - just tell him! And Matt kept silencing her - which is something else I also hate.

If someone came to me and was like, "I have something to tell you." I wouldn't be like, "Oh, it's okay, I know already. Shh shh, don't say anything." Really?!

Yes, I did get pissed at the ending. Honestly, I'm very happy for Kim's mom who finally gets the life that she deserves but Kim's life just worked out too perfectly - of course with the exception of Matt. If the book had gone a different direction right before Kim and Matt had sex, I would have liked it a lot more.

I'd rate the first 3/4 of the book 4 stars. I loved it and was engaged the entire way through. It made me want to read more books about Chinese culture (I'm half Chinese) and that's saying something. However, the last 1/4 just ruined it for me. I'd still recommend this book but...not as much as I would have before I read the end.

Even though Kimberly had this awful life, it never felt like she was complaining, more like she was simply telling us about it and how she wished it could have been different.

One of my favorite things about how this book was written was how some of the metaphors and sayings were translated literally

"With a wolf's heart and a dog's lungs." Untrustworthy and vicious. My heart was still likeaping about like a frog in my chest."

"If youre straight as n arrow, you'll have to beg for a living." Ma said she was quoting a cantonese expression about the dangers of being too honest."

They were a so much fun to read!

From here on there might be a few spoilers, nothing to big but just important things that happen.

Sadly things weren't all getting better for Kimberly, if she was able to accomplish anything her Aunt Paula (also her boss) would make it harder for them to make money and she would get jealous and continually harass them.

Then there's her love life. Not going to lie the happy moments were perfect and I absolutely love how Jean Kwok writes romantic scenes.

Kimberly fell in love with a boy and after she missed her chance to be with him she made herself into an emotional stone. She got a new perspective on both boys and love.

"Boys weren't my enemy, they were co-conspirators in a mission to flee. My secret was acceptance."

"How many ways can you get tortured by love"

I was not a huge fan about how she would be "kissing boys". I understand that it was to make us realize she had given up on love but there was a constant mention of "that's one of the boys I kissed" and it would have been better If they would have names or if we got a number.

Our main guy is Matt and he is a sweetie pie! He even though he made awful decisions, I was still rooting for him and Kimberly the whole time.

That's about all I can mention without spoiling anything big!

20. *Имя пользователя: Дан.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 4

Note: This review is of an advance uncorrected proof. There may be changes to the final publication.

First, I'd like to state that I was very heartbroken when, about 100 pages into this novel, I read the book jacket closely and realized that this was not a memoir. It was very disappointing. This realization, however, did not keep me from enjoying this thoroughly engrossing work of fiction.

I can't say what it was about the writing, but I was sucked into Kim's struggles pretty much from page one. I found myself anxiously awaiting what new horrible fate would befall her and her mother, and each new setback only made her triumphs all the sweeter.

I found myself identifying with Kimberly, too, especially when she's trying to get into college and questioning whether she has the ability to compete with all the rich kids who've been taking lessons since they were children and participate in extracurricular activities and so forth. I know that feeling very well. In fact, like Kim, I ended up getting a full scholarship to a university (though it sure wasn't Yale).

But enough about me. I think this is a great read. And, as the 'recommended' field is small, I want to make a clear recommendation in the body of this review. Any American who has ever wondered why people enter the country illegally, who has ever criticized an immigrant for not learning English, who has ever scorned poor people, or who was popular and went to a rich public school should read this book. It may be fiction, but the experiences of the people who inspired this novel are real, and it can be quite eye-opening.

21. Имя пользователя: Gina.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 5

This was a fantastic book and quick read. It was so sad yet hopeful at the same time. It is the story of Kim and her mother who are new immigrants to the United States. Her mother works for her sister in an illegal garment factory and is paid very very little. However Kim is determined to get her mother and herself out of the desperate poverty they live in. Kim is out of this world brilliant which opens up many doors for her, but each door holds a difficult decision for Kim that will often change her life forever, for good or for bad. I highly recommend it!!

22. Имя пользователя: Gaijinтата.

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 4

I'll probably add more details later but for now, I'll say I loved the story. The details of time and place were believable, and the narrator's voice was smart, funny at times, and definitely held my interest.

4 instead of 5 stars because the ending was ...well, blah. Much too convenient, even forced, and it was the first time I found the narrator unreliable. For various reasons, which I will not spoil here, I lost a lot of respect for the character.

Still a very good read.

I probably would have loved it when I was 16 and less cynical about the world!

23. *Имя пользователя: Sterlingcindysu.*

Место проживания: USA.

Оценка книги (из 5): 2.5 rounded up. I'm really in the minority here!

It's a fine story...a fine YA story. Al the characters were painted with a wide brush. Kimberly was SO good and smart. The mother was SO complacent. The aunt was SO evil. Matt was SO handsome and thoughtful. The only reason why I kept reading the last 100 pages was to see if something out of character would happen to the characters. There is a small twist that is skimmed over (and that would have been the most interesting to me.)

One thing I'll give Kwok credit for is that the immigrants were treated poorly by both Americans and other Chinese.

Maybe I'm being harsher here because I just read My Brilliant Friend before this, which is another coming-of-age story.

24. *Имя пользователя: Тамту.*

Место проживания: Japan.

Количество отметок «понравилось»: 122

Оценка книги (из 5): 5

I've never read a book that described more accurately what it is like to be an Asian American immigrant.

It's like Ms. Kwok took pieces of my own experience (growing up in a cockroach-infested apartment with parents scraping by by working multiple menial jobs), and lines lifted from my friends' stories (calling an eraser a rubber, telling parents report cards came out only at the end of the year) and merged them with a thrilling and thoroughly absorbing story.

The novel takes the Chinese immigrant experience and lifts it from stereotypes; it's true that Kim is naive and academically oriented, but the author probes so deeply into her psyche and creates situations with such seriousness and honesty that she frees us from such simple labels.

In terms of language, I thought Ms. Kwok did a great job of transposing Cantonese conversations into English (partly by keeping idioms) and of making the English Kim hears sound more foreign to the readers, in a creative way. She infuses the narration with Chinese mentality, not unnaturally, and cinches descriptions of harsh realities with delicately observed prose which, far from seeming out of place, helps tint the situations in fresh hues.

More than anything, the human connection in this novel is real (like Matt, the mother, and colorful characters along the way - Mr. Al, Mr. Jamali, the African American

man who comes to fix their heater); the delight of these characters in the face of patheticness, misery, and weakness moved me.

I found the ending extremely dissatisfying though - it really didn't add anything new to the story and possibly uprooted all the good things that the novel had built up to that point. But I guess my philosophy ultimately differs from Kim's, and good Asian American literature is so rare that I'm giving this book five stars anyway.

25. *Имя пользователя: Jennifer.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 61

Оценка книги (из 5): 5

I'm very hesitant to review this book, mostly because I'm not quite sure how to put to words what it is that reading this has made me feel.

It is at once both very familiar, and yet completely foreign. The Cantonese, the way that the author translates the slang and the phrases, the cultural traditions, the deeply embedded lifestyle that is Chinese pride and saving face...when I read about that, it was like something sparked in my blood. This part, I understand, and I have lived.

But then there's the fact that this story is told from the perspective of an immigrant to America, and I am very much an ABC, American-born-Chinese - or, as Aunt Paula would say, a "bamboo shoot". So there's this whole other dimension of the story that is just as significant as the Cantonese that I simply can't comprehend. It's as if I'm a relative, but once-removed.

Overall, I don't think I've been as deeply moved by any other book I've read this year than I have by this one. I'm left with a feeling of hollow sadness that I can't quite put my finger on, and yet, I don't mind. For me, this story is worth the weight of consciousness that has been left behind.

26. *Имя пользователя: Thomas.*

Место проживания: USA.

Количество отметок «понравилось»: 15

Оценка книги (из 5): 5

When Kimberly Chang and her mother emigrate from Hong Kong to America, they are forced to reside in a cheap Brooklyn apartment with no heating and a copious amount of mice and roaches. To survive their horrible living conditions and financial struggles Kimberly works with her mother at a sweatshop in the afternoon while attending school in the daytime. Despite her initial inability to speak English, Kimberly works her way up to the top of the class in order to secure a better life. But when she meets Matt, a compassionate boy who also works at the sweatshop, she'll choose between everything she's worked so ambitiously to achieve and her first love.

I'm not a stranger when it comes to immigrant experiences - my mother and father were both immigrants, and the stories they share with me motivate me to work harder. But seriously, cockroaches? I remember one dreadful description of when Kimberly could feel the mice racing across her body as she slept... gross. Yet, even though she's not

allowed to have friends over and spends all of her time studying and working, Kimberly doesn't whine and give up. She does everything in her power to succeed, and she does. That's one reason why I fell in love with her voice.

That's not to say she's an over-achieving robot. Kimberly, as well as the other characters in this book, are relatable - Kimberly herself succumbs to peer pressure and other adolescent issues. I was rooting for her and felt personal satisfaction whenever she aced a test or rose above her cultural confusion.

My only complaint is that some of the romance that didn't involve Matt seemed unnecessary to the plot. I understand that it was included to show how Kimberly is just like any other girl, but I doubt she would've had time to hang out with guys after school when her mother needed her at the sweat shop.

Overall, a 4.5. Jean Kwok has crafted a fantastic debut novel that portrays the struggle of a Chinese girl growing up in the US.

27. *Имя пользователя:* Janie.

Место проживания: Taiwan.

Количество отметок «понравилось»: 11

Оценка книги (из 5): 4

Girl in Translation is the story of Kimberly Chang, an eleven-year old girl who arrives in Brooklyn from Hong Kong with her widowed mother. Their immigration has been arranged and paid for by Aunt Paula, her mother's older sister. They are hopeful -- and why not? America is the country where dreams come true.

Every novel needs a villain and here it's Aunt Paula who takes on the role. Having paid for bringing her sister and niece to America, she now feels they owe her total obedience for the rest of their lives. Aunt Paula doesn't say this in so many words, but Kimberly's Ma understands the reality of their situation and makes Kimberly understand that except for Aunt Paula's help they are completely without resources. But even Ma can't guess how little her own sister is willing to do for them.

Aunt Paula gives them housing, but it's an illegal apartment in a derelict neighborhood of tenements. The apartment has no heat and is infested with vermin. When winter comes, ice forms inside the windows. As for work, first Aunt Paula protests that Ma is too frail to babysit her two sons; then she puts Ma to work in the clothing sweatshop that she manages. Like all the sweatshop workers' children, Kimberly comes to the factory after school to help Ma with the piecework so that they can make their quota. Each month, Uncle Bob scrupulously deducts part of Ma's earnings for rent and their immigration repayment costs. Mother and daughter live on what's left, barely enough to cover food.

Unused to American ways and unable to achieve the stellar grades she earned in Hong Kong, Kimberly plays hooky to escape from her difficulties at school. Then one day she realizes how little her mother earns, that Ma will never have the time or energy after a grueling day's work to learn English and get a better job, and that if they depend on Aunt Paula, Kimberly will end up working at the sweatshop when she finishes school. From then on, it's all about grades; not only because of her deeply-engrained belief that

education is the ticket to a better life, but because Kimberly has no other avenue. It's up to her to get them out of the factory.

When Kimberly earns a full scholarship to an exclusive prep school, Aunt Paula's surprising reaction is one of anger, quickly smoothed over; from this, Kimberly and Ma realize they are not allowed to outshine Aunt Paula's family. From then on, they lie about Kimberly's grades, hiding the fact that she is smarter than her cousin Nelson so that Aunt Paula can save face. In the scenes with Aunt Paula, we see tyranny and strong emotions concealed behind the elaborate courtesies of Chinese etiquette, occasional cracks in the veneer revealing just enough to communicate the true meaning of practiced, polite assurances.

I really liked the way Kwok drops in literal translations of Chinese expressions into Kimberly and her Ma's speech; for example, to be of "small heart" means to be very careful. I also liked the way she constructs English idioms and phrases as they sound to a bewildered Kimberly, so that we understand why they don't make sense. Kwok manages to put the reader so firmly in Kimberly's mind that we also journey through the story straddling both cultures.

Kimberly may be naïve, but so are her well-meaning American friends. A classmate argues with Kimberly, saying that she can't be working in a factory because her father says it's against the law to put children to work.

There have been many books about the Chinese immigrant experience and *Girl in Translation* is only the second such book that has made me feel as though I had fallen right into the narrator's life – or that the author had been spying on mine. The other was Amy Tan's *The Joy Luck Club*. The writing captured me from the start. You feel as though you're reading a diary, an account of true events and not a work of fiction. There is immediacy to Kimberly's unvarnished observations.

The novel takes you behind the stereotypes of Asian immigrants. Education is a priority not just because it's the route to a better life; sometimes a report card is the only benchmark parents can hold up as validation of their choice to leave behind the safe and the familiar. This is an immigrant experience that explores the conflicting dynamics of family, poking holes at the notion of a cohesive community that takes care of its own. It exposes the world of sweatshops and the exploitation of new arrivals by those who are more established. Jean Kwok opens to us the heart and mind of a young girl doggedly steering her way out of that world, and it's an unforgettable ride.

What I Learned About Writing from Reading This Book

This is a novel drawn from personal experience and there is an authenticity to *Girl in Translation* you rarely encounter. So I can tell you in one word what I learned about writing from this book: courage.

Hemingway said "There is nothing to writing. All you do is sit down at a typewriter and bleed."

But how many of us are willing to cut so close to the bone and expose ourselves in this way? Not only to relive a terrible time but also to examine those memories closely, discover their meaning, and render them into words that can move others?

In no way was my journey to Canadian citizenship as fraught as Kimberly's. I managed to avoid the worst experiences of being a stranger in a strange land because I already spoke English (my father worked overseas all through my childhood). We were not wealthy and my parents cultivated a habit of thrift, but there was never any doubt that they would send us to university.

But Kimberly's story so easily could have been mine. There, but for the grace of English and financial security, could have been my family. There were countless scenes in the book I found extremely difficult to read. It was like reliving the first difficult years of adjusting to life in Canada, but worse: that feeling of being apart, helplessly different and unwanted, amplified by culture shock, language barriers, racism and poverty. As I read, *Girl in Translation* peeled away the protective layers I had acquired over the years. I felt the truth of those experiences and cringed. I could hardly bear to read some of the passages, and can't imagine what kind of bloodletting it took for Kwok to actually write those scenes.

Authenticity doesn't depend upon writing about your own life experiences. It takes truth, which is sometimes pitiless and relentless. And it takes courage to delve into truth, no matter what the topic. Even for this book review, I can't summon up the courage to write about the emotions it dredged up to the surface.

One day I will sit at the typewriter and bleed, truly bleed. Until then, this book will stay on my bookshelf as a reminder of what you can achieve when you allow your authentic voice to speak.

29. Имя пользователя: Xueting.

Место проживания: Singapore.

Количество отметок «понравилось»: 8

Оценка книги (из 5): 2

This book really opened my eyes to the hardships of many immigrant experiences and having to work at horrible sweatshop factories. We hear about harsh treatment so often on the news and documentaries that sometimes I feel I may be desensitized from the stories, seeing an image of horror I cannot really understand. But Jean Kwok portrays the experience through daily episodes that blend the harshness (that can be hard to believe) with the mundane, and this way really emphasizes the reality part of the cruel reality.

I found myself skimming through most of the book though, despite the interesting world Jean Kwok built, because of the prose style and because I felt like the plot was progressing too predictably and slowly in that too. I don't dislike stories namely for a slow pace, I think, but combined with the predictable plot, it was hard to engross myself fully in the book. There was way too much descriptive internal narration - it got repetitive sometimes when Kimberly kept obsessing over a problem and yeah she's got loads of problems but I'd think that that idea could have been put forth in a more interesting way... :/ Dialogue was very scarce even though Jean Kwok's dialogue was pretty good, so she really could have inserted more, ha ha. The plot predictably becomes like a Cinderella story for me. Of course I'm inspired by a girl's hard work and I admire Kimberly's humble

intelligence and will to make a better life for herself and her mother, and she deserves a happy ending... I don't know, maybe I'm tired of such plots, maybe I'm frustrated that Cinderella stories almost always happen in one way like how Kimberly does it...

30. *Имя пользователя: Phryppe.*

Место проживания: Australia.

Количество отметок «понравилось»: 52

Оценка книги (из 5): 5

This was such a delightful read that I put off all the other things I was supposed to be doing today and read it in one sitting:) It is Saturday after all and I think I deserved a treat!

It is a wonderful tale of a Chinese mother and daughter who migrate to America and find it not to be the land of plenty they had dreamed of. I thought the author handled it perfectly in particular the way she presents the daughter's struggle with the English language. However smart she is, however hard she tries there, will always be words and phrases she does not know and just one of these can make a whole sentence unintelligible.

I so wanted her to succeed that I was practically cheering her on through every test and every challenge. The epilogue was sad because of the choices she had to make but also very rewarding in her eventual achievements.

It is fiction but it could have been real. I loved it!

31. *Имя пользователя: Anne.*

Место проживания: Ukraine.

Количество отметок «понравилось»: 42

Оценка книги (из 5): 4

I've been in a really weird place with books lately. Over the past weeks I've read a lot of books and so far no one has been affective enough to motivate me to go raving. I'm on what you can refer to as the eternal hunt. But what can I say?

I read *Girl in Translation* after reading Nina's little convincing review - which you can read here if you like(Thank you Nina!). Now while *Girl in Translation* didn't really ensorcell me, it did do something. The story of Kimberly - Ah Kim - Chang is a very honest one, the story of a Chinese girl who immigrates to America with her mother in hopes of a better lucrative life. They carry along with them hopes and dreams and very honeyed expectations - which were soon crushed like mine were over the past few weeks with every last page of every book I turned. But moving on.

For years, I calculated whether or not something was expensive by how many skirts it cost. In those days, the subway was 100 skirts just to get to the factory and back, a package of gum cost 7 skirts, a hot dog was 50 skirts, a new toy could range from 300 to 2,000 skirts. I even measured friendship in skirts.

▶ Kimberly's story is related in reminiscences, using the first person narrative. The story starts with Kimberly's arrival in America, and follows her through high school and her life as a factory worker until about the last 7% of the book when the narration switches to the present. I think there's a subtle wonderfulness to this story. It's such a relatable story

that involves day to day recounts of activities, Kimberly and her mother's struggles and strives, financially and culturally. There's such a great importance placed on the benefits of education, as Kimberly tells us in the beginning, her talent isn't singing, it isn't dancing or speed-texting(believe it or not this is actually a real talent in the light of the technological age). Kimberly's talent was school and learning. And some might say

BUT why not? Education can also be a talent - that's what I learnt from this book. It was Kimberly's ticket to a better life, her one golden ticket out of the rat and roach infested decrepit apartment she was forced to live in, out of the oddities and privations that came with her foreignness. I found it effective how the author delivered some conversations and sentences from characters not as a fluent English speaker would hear them but as Kimberly heard them. With her very lacking and basic knowledge of English she understood words like "ghetto" as "get dough", "extend" as "ex-T" or "window sill" as "winnie seal".

I loved Kimberly as a protagonist, she was simply a model character - and that isn't to say she did no wrong. For me, It was so easy to find parts of myself in her. It was disheartening to see that while every book does need a villain, the villain in this book happened to be family. Through Kimberly's experience we see how awful and undignified it is to be at the mercy of someone, anyone. And maybe life had rubbed her in the wrong way but it bestowed upon her gifts like determination and perseverance and a drive to succeed, and most of all a great appreciation for the little things that should count for a lot. But in the end, following all that was the main rub rob(is more appropriate). Sacrifice, and the hard ground truth that life doesn't always go the way we planned and we might have to give A LOT to get back and reach a state of fulfillment - or a sense of it at least. You might not end up the way you want

You may need to change your dreams. My little heart, listen.

But sometimes our fate is different from the one we imagined for ourselves.

You might not end up with who you want. And that love will become a passing but lingering thing.

In those days, I wanted to believe our love was something tangible and permanent, like a good luck charm I could always wear around my neck. Now I know that it was more like the wisp of smoke trailing off a stick of incense: most of what I could hold on to was the memory of the burning, the aftermath of its scent.

I know this book touched something in me. It was so real and after I read it I knew it had to mean something to the author(something meaning something more, assuming all books mean something to the people who wrote them), I listened to Jean Kwok talk about Girl in Translation and earned a new found respect for her work. Kwok shares her wishes and in the aftermath of Girl in Translation she hopes this of people:

"Well the next time I see a foreigner who looks funny and has weird bags and can't even speak English, that they might think, Oh this could be a person who in her own language and culture is a very articulate, wise, funny person, just like Kimberly Chang's mother"

I love this Kwok's final lines all the more because I love Kimberly Chang's mother, and her relationship with her daughter was exemplary - which was also one of the nicest

parts of this book. In all honesty, after listening to that speech I wish I could say my eyes won't be quicker to judge than my brain to not judge, but I think the fact that I'm bothered and aware of it is a start.

32. *Имя пользователя: Iryna *Book and Sword**.

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 23

Оценка книги (из 5): 3,5

“There's a Chinese saying that the fates are winds that blow through our lives from every angle, urging us along the paths of time. Those who are strong-willed may fight the storm and possibly choose their own road, while the weak must go where they are blown. I say I have not been so much pushed by winds as pulled forward by the force of my decisions.”

If you are an immigrant who came to United States - read this book.

If you are a person who thinks of migrating to United States - read this book.

If you are a person who lived in United States your whole life - read this book.

This book will help you see the things you knew of, but ignored for so long, it will knock off the pink glasses you view the world through right off your head, and then hit you with them for good measure too.

My family moved to United States about 10 years ago, and while my experience was thankfully nothing like hers, some things sang true anyway. It's that line between the illusion and reality that many people try to blur out, but it stands out big time for those who experienced it firsthand.

I'm going to be honest though- I feel betrayed by this book. I loved it so much, adored it even all the way through, but then the ending happened and literally ruined everything for me. I was so sure that this was a 5 star read - and in some sense it still is - there's just too much important and amazing stuff in it to ignore, but personally I didn't like how some things were handled in the end.

“We would be allowed to work and not cause any trouble for her, but she didn't want us to be any more successful than she was”

I usually don't have good luck with coming of age novels - I like them to some extent, but then there's always something that ruins the whole experience for me. But let's start with the good stuff first.

I loved that Kwok wasn't holding her punches when it came to ruining the image of "the American dream". For some reason, it's an image that is embedded into the minds of all of those who migrate to United States. Better future, better jobs, better housing ect. When it comes to this story - it was nothing like that.

Due to some poor family relations Kim and her mother end up in a dead end job, which was also illegal and basically a slave exploitation, but since they don't know better - that's all they've got. Their place is unlivable, to the point to where I honestly think it would have been smarter for them to be homeless than stay in that "apartment", but stay they did. Despite coming to America and wanting to experience it, they were stuck for years and years on end in Chinatown, without barely experiencing anything else. Mostly

due to not having any money, but also due to her mother's very traditional and limited views on the other cultures.

The Girl in Transition showed a very ugly, but very true side of mass production of clothing - and because of that I will never again set foot into a store that manufactures its products in sweat shops. Yes, sweat shops still exist and not only in China, India or Bangladesh, in the United States too. To name a few companies that still exploit people for 2\$ an hour - Forever21, H&M, Zara, Victoria's Secret, Aldo, Banana Republic and sadly, many many more (google it, and you will see).

I knew this before, but for some reason reading it on paper made it sound so much more real.

It's hard to believe that conditions in which Kim and her mother had to live still exist to this day, it definitely sounds like something from a movie, but they definitely do. Especially in big cities such as New York, Philadelphia, Chicago and such. You wouldn't believe the conditions people have to live in, because it's easier to pretend that it's just fiction, that real life just can't be that cruel.

Now, this is just my personal preference and my personal view but I really hated the way a was handled. First of all - her mother, who was portrayed as extremely religious and old fashioned throughout the whole book, her mother, who didn't want to buy her any new underwear because she thought it to be too western and americanized to care about underwear, had no problem whatsoever with her Ummm, I had the hardest time believing that.

They were buddhist for crying out loud!! It just wasn't in character at all and felt like a plot twist that was trying to be shocking, but was just badly executed.

Sure, many people are pro-choice, but it's the nonchalant way in which it was handled that angered me. It was treated as something that just needed to be rid of, as if the baby was just a disease or a case of sniffles that needed to be removed because somebody doesn't feel like they want to deal with it. There was no thought process, no emotional dilemmas, no talk about the aftermath of what abortion does to the body - nothing.

It felt as an afterthought, just something to spice up the plot.

Also, I really hated the way Kim handled Matt at the end as well. Unrealistic once again, it honestly felt like the ending was just a weird scramble of the most cliché endings possible - it just didn't go with the tone of the novel at all (I know I'm repeating myself, but only because it's true!)

Kim's mother wasn't a character I had any sympathy for. I know I should have, but she was just way too spineless for me. She never did anything to leave the horrible place, in a way she gave everything to the hands of her horrid sister and just went with it, meanwhile burdening her very young daughter with everything else.

Sure, she worked hard, but something just working harder is not the best choice. If you are at a horrible place, no matter how hard you work - it will still be a horrible place.

It was a very sad thing to see how she was not only stuck at a horrible place physically, but mentally she wasn't able to adapt or leave her views and prejudices behind. In the end it was Kim who got them out of there, and her mother just went with it.

Despite many decisions of Kim's that I disliked, my heart ached for her when she wished to be just a kid, and not the caretaker of her family, because her mother, on some level, refused to adapt, to try and change anything at all.

And where was Annette at the end of the novel? She was Kim's best friend and there was not a word about her in the end? Did she just disappeared from her life? Really irks me when people leave strings untied in their books.

Would I still recommend this book? Absolutely! I hated the direction the plot took, but I absolutely loved everything else. This book has a lot to offer and the writing was very enjoyable as well.

33. *Имя пользователя: Nina (Every Word A Doorway).*

Место проживания: Switzerland.

Количество отметок «понравилось»: 20

Оценка книги (из 5): 5

An insightful debut about immigration, hardship, and striving for education and success against all odds, enveloped by a tentative love story.

There's a Chinese saying that the fates are winds that blow through our lives from every angle, urging us along the paths of time. Those who are strong-willed may fight the storm and possibly choose their own road, while the weak must go where they are blown. I say I have not been so much pushed by winds as pulled forward by the force of my decisions.

Girl in Translation follows the storyline of Kimberly Chang, a Chinese girl who migrates to the United States with her mother. The narration beautifully illustrates the struggles of being pushed into a foreign world, where people look different, have other traditions, other norms, and speak an entirely different language. Based on her own childhood experiences as a migrant from Hong Kong, Jean Kwok tells the story of young and exceptionally intelligent Kimberly Chang who finds herself doing the splits between a life in Chinatown, wasting away as a sweatshop worker and living in a run-down apartment, and striving for a successful career at a fancy private school. Kimberly translates herself back and forth between a world where she can barely afford clothes and a world where, in spite of her intelligence, she's supposed to look the part as she reaches for higher education.

It is a tale of survival and beating the odds, but ultimately, it is also a fragile love story in an unforgiving environment.

The narration is raw, honest, and authentic, with the Chinese culture being cleverly woven into the storyline. It provides insight into a world hidden behind the facade of Chinatown, a place where we might order a Sezuan chicken to go and never imagine what may lie beneath the surface.

Girl in Translation provides a powerful message of hope, narrated by a strong and inquisitive character whose mind and soul sometimes seems divided in two.

34. *Имя пользователя: Karen.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 20

Оценка книги (из 5): 3

I liked this debut overall. I came off it feeling a message that family is there to help with the big life changing events, but when it comes to day to day survival, ya gotta have friends, as Bette Midler would say.

It is told from the perspective of Kimberly, fresh off the boat with her mother from Hong Kong, and placed by her aunt (evil woman) in a condemned NYC apartment with no heat but plenty of cockroaches and rats. Neither spoke much English, but Kimberly's spunk and ingenuity got them through time and time again. The level of their poverty and bad luck sort of broke my little heart. In the end, I felt a disconnect from the characters but thought it a nice enough story.

35. Имя пользователя: jersey9000.

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 1

I see I'm against the grain here, but I was not into this book AT ALL. I read it for my Kinshasa book club- if not for that I would have stopped halfway through. The story is the most average, unsurprising "coming of age" tale I have ever read. The fact that the girl grows up working in a sweat shop would have been shocking if I was as naive as the main character's best friend, Annette. And the love of her life made no sense. She kept calling him beautiful, talked about what a wonderful person he was, but he pretty much demands that she spend her life living in a crappy apartment in Chinatown, having babies starting at 18, dropping out of school, and basically give up every dream she'd ever had so that he can "take care of her and be a man." The big surprise hinted at on page one of the book was not a surprise at all when it is revealed, 10 pages towards the end, and it also didn't seem to effect her life's journey in any meaningful way, which made no sense. And I hated how Chinese language usage was written about here. Almost every page would have some random Chinese phrase that made not much (but some sense) in English. The meaning could be inferred from context, but the author, every time, insists on immediately, after every line, explaining exactly what that meant. Either allow the reader to figure it out and appreciate the uniqueness of the language, or translate it like you do the rest of the dialogue. I found it to be so condescending to the reader. An example (spoiler ahead!):

"You have the big stomach." She knew I was pregnant.

Yeah, no shit. Thanks.

36. Имя пользователя: Jen.

Место проживания: Canada

Количество отметок «понравилось»: 19

Оценка книги (из 5): 4

This was a really good read. A mom and daughter immigrate to America and endure hardships working in a sweatshop owned by a relative. It's about a girl who is smart as a

whip who is finding her way to save her and her mother by getting an education. It's a story of survival. Good character development and an interesting perspective. Unbelievable that such conditions did exist. I think her story is one of many stories of these immigrants who were taken advantage of and didn't have the knowledge or courage to fight back.

37. *Имя пользователя: hanna.*

Место проживания: Египт

Количество отметок «понравилось»: 11

Оценка книги (из 5): 4.5

I really liked this book, a lot. Hence how I was able to finish it in a single sitting. It was very interesting. The story revolves around an Chinese mother/daughter duo's immigration from Hong Kong to New York. The book focuses on the experiences of culture clash, isolation and all the other difficulties they go through to adapt to the strange new world they find themselves in. Perhaps I resonated with this so strongly because both of my parent's were immigrants, it was because of their experiences in life that I was constantly pushed to work harder then everyone around me. Kimberly Chang (the protagonist) is everything I wish I was and hope to secretly be: independent, mysterious, and insanely driven.

There was a lot of bits that had me laugh out loud, one particular part where a boy in school wouldn't stop bullying Kimberly because of her clothes. The rest of his friends would chime in and bully her as well and this bothered her so she came up with a brilliant idea to play him at his own game. She decided to approach him and apologize whilst looking innocently adorable, he confusedly says "For what?" and she goes "I just not like you in the way you like me" then kisses him on the cheek in front of all of his friends, mind you these are immature 12 year olds. Poor Greg was teased for weeks and he avoided Kimberly like the plague after that. HA! Overall, this is a book I would recommend to everyone. Short, amazingly insightful and relatable.

I thought "I never want to love someone like that, no even him, so much that there would be no room left for myself, so much that I wouldn't be able to survive if he left me."

38. *Имя пользователя: Not_Your_Typical_Lannister_(Leslie).*

Место проживания: Canada

Количество отметок «понравилось»: 11

Оценка книги (из 5): 3

I liked this book. I didn't love it, but I did enjoy it.

Should you read it? Yes, if you get it free or for a couple dollars.

39. *Имя пользователя: Tim The Enchanter.*

Место проживания: Canada

Количество отметок «понравилось»: 10

Оценка книги (из 5): 5

While looking at the upcoming release from Jean Kwok, I went back to my review and decided to update it. I have increased the rating from 4 to 5 stars as this is one of a few novels that has stayed with me a couple of years after reading.

I actually obtained this book for my wife as it was on a "top twenty books a woman should read" list. Having found it on such a list, I assumed that it would be some form of "chick-lit". Needing something to read and finding the synopsis to be interesting, I read it before my wife got her hands on it. I am glad that I did.

While I am no expert on what women should read, I am confident this is a book that all genders should read. I found this story, which is based (how loosely I am not sure) on the real life experiences of the author to be uplifting and engaging. Personally, I have a soft spot for well written coming of age stories. Here we have a girl being introduced to a new culture while living in impoverished conditions. Despite excelling academically in her home country, she has to essentially start over in a place and a new language. Most readers can identify with a character in a position where they do not fit in. This is a universal theme and one that resounded with me.

Without revealing the content of the book, the story focuses on the life of a bright young girl who moves from Hong Kong to the USA with her mother. In an attempt to build a new life they work in their aunts garment factory. The story follows this young girls transition into a new culture as she attempts to maintain her two worlds, her school and friends and the garment factory.

It has been too long for me to recall the content and provide my regular analysis. I do recall some minor and youthful sexual content and some minor adult language.

Overall, I found the story to be moving and enduring. When looking for a coming of age story, I continually come back to this story to compare. I give this my highest recommendation.

40. Имя пользователя: Кит.

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 10

Оценка книги (из 5): 2

I had a hard time giving this book a rating. I keep going between and 2 and 3. I loved the first 85% of it and then hated the rest. I found the trials and perseverance of Kimberly and her mother very profound and it makes you grateful for the blessings you have.

***SPOILER: I can't get over the dishonesty and immorality involved in the ending of the book.** To have someone's child and not even tell them about it is disgusting and disgraceful. It ruined the character and the entire book for me. That she would tell an old "boyfriend" and not even tell the father is terrible. Although it appears she is a loving and caring mother, what she did is unforgiveable, in my eyes. I was also very disappointed when Matt and Kimberly kissed after she dropped him off. For a married man to kiss an old love, or anyone for that matter, is inappropriate. I was disappointed in Matt for choosing to betray his wife this way. I know how I would feel if I found out my husband

had met with and kissed an old girlfriend...especially while I was pregnant with his child. Unforgivable, again. For this reason, I give the 2 stars. I really enjoyed the rest of the book.

41. *Имя пользователя: CatherineG_C2.*

Место проживания: Hong Kong

Количество отметок «понравилось»: 10

Оценка книги (из 5): 4

Kimberly's (main character) aunt had an agreed meant with her mother, that if she helped her into the new country, Kimberly's mother will help her aunt with factory work.

The "Girl in Translation" reminds me bit like Salva after moving to America, just like Salva, Kimberly moved to America. But it wasn't just the country that had similarities, it was the cultures. Both Kimberly and Salva experiences a time of disagree meant in there own country. Kimberly was experiencing a time of hunger and poverty. She never got any good clothes or a chance at an good education (like Salva). She moved to America to start a better life, but the language was hard for her. Over time of the book I could tell that she was improving. Salva must have felt that way too, he didn't know a single word either.

Kimberly's work was getting better and better, in China she had been one of the most smartest students in her school, which I respect. But when she moved to China she got the opposite reaction; no matter how much she studies, her peers always seems to have an joke up there sleeve. Kimberly dares to miss home, China, at that place she wasn't laughed; and just because she was different, she was called on a laughed at. At this part she reminds me of the rebels, even though the rebels are part of the country, they continue to break apart, by north and southern sides; they both were fighting to take over Sudan. Both sides fight even though they are on the same team. Kimberly is the rebels, she can only take so much. Her life splits in two, her future American life, and past Chinese life. Both souls are fighting over her body, but it only seems to break her even more. Because the amount of pressure and stress in her body can take so much. Her life just snaps.

42. *Имя пользователя: Fatima.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 16

Оценка книги (из 5): 4

“Sometimes our fate is different from the one we imagined for ourselves.”

Jean Kwok has managed to create an interesting and eye-opening read out of an experience that so many American immigrants have experienced within their lives. Kimberly and her mother's story is honest, shameless, and wholesome. As a child of immigrant parents, I found myself being able to relate to Kimberly on multiple levels despite being born in America. There's so much truth to Kimberly's story, and I loved reading her experiences and thoughts from her point of view. She didn't hold anything back in terms of her feelings, confusions, and concerns, and I loved that her voice seemed so fresh despite the fact that a lot of her concerns were so relatable.

There were parts in this story that made me laugh out loud, that made my heart clench, that made me appreciate my immigrant parents, and everything that they had to go through to get me to where I am today, so much more. This is a wonderfully heart-warming and eye-opening story that I think everyone should read. My only complaint is that some of the plot dragged on a bit in the middle, and I felt like some of the romance was a little unnecessary. I loved that there was so much focus on Kimberly's mother and all of the work she had to do, and I wish there had been more of a satisfying ending. I don't know what I was expecting in the end and I liked it enough, but I was just expecting a little something more.

What I loved most about this novel were the varying human connections and relationship that it explored so thoroughly. There was Kimberly and her mother, Kimberly and Matt, Kimberly and Aunt Paula, Aunt Paula and Kimberly's mother, Kimberly and Annette, etc. All of the relationships felt so real and I loved that there was something in each of them that everyone benefitted from. I also loved all of the secondary characters that came along the way and left their marks in Kimberly's life. I thought that was such an important and powerful aspect of the story - the fact that no matter who comes along in your life, whether you intend for them to be there or not, can impact you in one way or another.

“What a relationship looks like on the outside isn't the same as what it's like on the inside. You can be more in love with someone in your mind than with the person you see every day.”

All in all, this was a very human and a very insightful read! There were so many noteworthy quotes that I found empowering and important. This is a wonderful piece of American literature that deserves so much more recognition and attention than it has. Please give it a read if you ever have the chance to, you won't regret it!

“Nobody can change who you are, except for you.”

43. Имя пользователя: Laurie.

Место проживания: UK

Количество отметок «понравилось»: 9

Оценка книги (из 5): 2

I bought this because I enjoy immigrant fiction: it often gives interesting insights into American or British life, and I'm an immigrant myself. And for about two-thirds of this book, I was not disappointed. But then ... Ah Kim (Kimberly) turns into a teenager. She's been granted a full scholarship at an exclusive New York secondary school despite living in an appalling slum with her widowed mother who works all the hours God sends in a garment sweatshop in Chinatown run by her elder sister and brother-in-law, who carefully extract payment for the medicines the mother needed to overcome TB in Hong Kong before emigrating, for the airline tickets to the US, and for rent of the so-called 'apartment' in a fully-decayed area of Brooklyn. Kimberly can't even afford underwear: it would cost too much. But she's very bright and willing to work hard. Then she suddenly seems to have the time, despite helping her mother meet quotas at the sweat shop, to become a more 'typical' American teenager. What next? Well, a full scholarship to Yale.

OK, I'll grant that those who are very bright and work very very hard might just get so lucky. But by the end of the novel any critical look at an America that tolerates such poverty, provides so little protection to its people, and clearly doesn't care has gone by the board. Kimberly makes it as a pediatric cardiac surgeon, buys a house for her and her mother (and son now) in Westchester and rides around on a Ducati. She's achieved the American dream, and any reflection on her part about the fate of the boyfriend Matt she left behind at the sweat shop (he's made it up the social ladder to UPS driver) or the others in Chinatown sweatshops is completely missing, as is any critical look at her aunt and uncle, who exploit their countrymen ruthlessly (but perhaps may have reasons? let's hear them!). It's an "I'm all right, Jack" novel without the social (or psychological) criticism. All that opportunity to look at so many possible social and psychological factors, passed up by this author in favor of a cheap women's magazine ending! What a shame!

My copy of this book will be making its way very quickly to the charity shop. That way it might do a little good for somebody who needs a spot of help.

44. *Имя пользователя: Jaanaki.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 13

Оценка книги (из 5): 3

Mixed thoughts about this one 😬. A migrant story about a mother and daughter who come to America from HongKong and the story of how she becomes a successful doctor and at what cost. It started on a promising note and then meandered off course. It also took me a long time to complete it. I did not like the fact that the protagonist was self apologetic and chose to justify her actions and decisions. Well, We all fail, we all fall but the idea is to rise up with a smile 😊.

45. *Имя пользователя: Andi M.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 8

Оценка книги (из 5): 4

Such a woooooonderful audiobook. Loved Kim's story, loved the narration, loved it all.

46. *Имя пользователя: Van.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 7

Оценка книги (из 5): 1

In all honesty, this book was too short for me. the beginning, I liked, but in the end, i was really dissappointed. It made me go, "What?" because i mean, she was this good girl at the beginning, but suddenly became a boy crazy girl in the end. This really confused me. When she started getting interested in boys, the author failed to explain very much about it. Such as her first kiss or such. The author just said, "I got excigtied because I

was doing something my mother told me not to." but why? The author should've put more emotion in it, and told everyone about what Kim's first kiss was like.

The whole "Boy crazy" thing at the end confused me. Plus, shouldn't the author give more detail about her relationship with Matt? I was awfully confused by how she fell so quickly for Matt. How did she realize it? Why? Those questions were going on through my head, and putting Vivian in was absolutely random.

Ahh, and the sex scene.

In all honesty, I've read fanfiction that has better sex scenes. I'm very sure that the author didn't want to make the sex scene so...descriptive since kids could be watching this, but I couldn't understand Kim's feelings in it. I was just sitting there, going ._. because all I knew was that she has sex with him. End. I want to know her feelings, in perfect detail, it didn't have to be rated, but just...Show more of her emotions. It all happened too fast.

All in all, this book should've been longer. The ending made it seem as if the author was rushing to make the book end, and that the author didn't seem to know how to put emotions in the character.

This book isn't the worst I've read, but it isn't the best.

47. Имя пользователя: Debbie.

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 6

Оценка книги (из 5): 3

This book was ok. It was a modern day immigration story about a young girl and her mother who come to Brooklyn, New York from Hong Kong. It's about their struggles and how the protagonist Kimberly finds herself as a young woman in America. It's a good story. There was a lot of detail about her hard times in school. It was pretty entertaining. This is a coming of age story but it kind of tapers off around college and then flashes back. I think it would have been a little more interesting if this portion wasn't skipped over and then filled in later.

That was the story but for me this book came with a book experience. I purchase all of my books used. It's more economical for me. I'm more than an avid reader. I'm more like a collector building my own personal library. That being said, of course my copy of this book is as used. I normally flip through a book to examine its condition before purchase. And I must have done this but only the back half of the book. Because to my surprise upon starting this book I found it full of pencil scribbled commentary. In but the margins, in the spaces above and between text there was this random pencil and then further along hot pink inked scribble. It was annoying. As a collector, I don't keep my books in this type of inconsiderate condition. I use bookmarks. I rarely dog ear. And I never pen my commentary inside the book. But this previous owner did. What was so remarkable about this commentary was the commentary it's. When the protagonists living conditions were described at any length this person wrote many times and on several pages, "she's so poor." The same commentary again and again. When Kimberly's mother had a scene the scribbler would write, "her mother love her very very much." It was very

broken these comments and I wondered who is this person? And then I started to see some foreign language characters scribbled by some of the words. At one point when Kimberly in the story talks about struggling with English and having to look up every word of her homework in the dictionary, my mystery scribbler wrote, "me too I do this." And when Kimberly talked about going to a temple and the traditions of her religion, there was my mystery scribbler again with, "yes yes this is how we do this too." After a while I felt like I was reading two stories. The one written by author Jean Kwok and another by possibly another Asian woman who read and annotated the book prior to my purchase of this book. Toward the middle of the book suddenly it stopped. No more commentary. I began to wonder, where did she go? Did she ever finish the book before somehow it got traded or sold to the used bookstore chain that I bought it from. There is a note in the back with a lot of foreign characters and in English it says, "It's not nice to meet you." I wonder what that means and why it was written. That my book experience. What is more interesting, the book itself or the mystery scribbler?

Back to the book. I give it a 3 stars. It was interesting enough up to a little past middle but I wasn't crazy about the ending. Not sure if the author made an impression enough to read more from her. I'd have to judge the next book.

48. *Имя пользователя: Tahsin.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 5

After reading one of Jean Kwok's earlier novels, it intrigued me as to how unique her style of writing was. In "Girl In Translation" the protagonist: Kimberly Chang, is characterized as a somewhat naive, yet highly intelligent and considerate girl. Through Kimberley's point of view, the reader gets a glimpse of both the external conflicts and internal conflicts she faces; from having to keep secrets about working in a sweatshop to help her mother since the age of 11, and the feeling of alienation being a minority in a population. It is moving, that even as she starts out as an inexperienced little kid growing up in the outskirts of Brooklyn, she grows to be a young woman that has sole control of what she chooses to do with her life. The setting, from Brooklyn to Manhattan, is thoroughly described by the author through Kimberley's sentiments. When Kimberly says, "The fish store was piled high with sea bass and baskets of crabs; grocery shelves were stocked with canned papayas, lichee nuts and star fruit" (Kwok, 29) there is a lot of imagery in those few statements. Being a foreigner in America, the author uses dialogue to portray what Kim would hear and what she would understand. When Kimberly visits a friend's house for the first time she hears, "This keeps all the feet away", instead of "This keeps all the fleas away", (Kwok, 70). Jean Kwok uses phonetic spellings to illustrate Kimberly's growth, her nonfluency in English changes into fluency. At last, Kimberley finds a place to leave her mark in the world, a place she is finally familiar with.

48. *Имя пользователя: Tasha.*

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 4

This was an audio read for me and I enjoyed both the narrator and the story. I have to say that there was a part to the ending that I found utterly either ridiculous or so out of line with the MC that I at first was quite thrown by what I heard. Not a real spoiler to the end of the story but a spoiler of sorts nonetheless. I don't believe it will affect the story unless, like me, you find it completely jarring to the developed nature of the MC throughout the story. [The MC rides a Ducati at the end of the story! Throughout the whole narrative she is portrayed as a quiet, cautious, yet strong, girl but never one I would have imagined riding a Ducati. At first it was mentioned that she was in her riding gear so I thought, cool she is riding a motorcycle, but then she mentions it's a Ducati it completely threw me off my imagined character. I have nothing against Ducatis at all but in my mind, she really wasn't a Ducati riding girl! Just a silly thought but I felt it was randomly, and not successfully, thrown into the story.

49. Имя пользователя: Meegan McCorkle.

Место проживания: -

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 4

I'm embarrassed by how shocked I felt to realize just how hard conditions are for some new immigrants: the cruelty of sweatshops and a slum-landlord- owned apartment without heat, in a roach and rat infested, abandoned building. The author herself worked in a sweatshop as a child, so those descriptions are grounded in reality. Your heart breaks for young Kimberly, but as a result, you cheer her successes even harder. Her double life as a scholarship student in an exclusive private school by day and sweatshop worker by night was jaw-dropping. I was amazed that she hid her true life from her best school friend for years.

Some of the reviewers criticized what they deemed a silly love story that took away from true exposition of the life of a new immigrant. But I think Kimberly's love for Matt added a sweetness and heartbreak to the story. The two took care of each other growing up in the sweatshop. But there was ultimately a heavy price to pay for Kimberly's escape.

Definitely recommend this one!

50. Имя пользователя: Sylwia.

Место проживания: Poland

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 4

I wanted to give this book 3 stars, but the ending, which took me by surprise, made me rate it 1 star more.

It's a sad, thought-provoking story that really moved me. First person narration worked well in this case, and I enjoyed hearing things from Kim's perspective. It's not a very thick book, yet the author managed to make me feel connected with her characters.

My only complaint would be the black and white portrayal of characters. The evil aunt was evil from the moment we met her, but we never got a chance to learn of her motives. Kimberly, on the other hand, is an image of perfection. Every day she struggles with new problems, but she never stops to just sit down and cry. She's always ready for whatever life throws at her. I'd enjoy to learn a little bit more of what's going on inside the characters' minds.

Still, I did enjoy reading this book, and I'd recommend it to anyone. The language is easy and you start to root for the protagonist from the very first page.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОРПУС ОТЗЫВОВ НА РОМАН «GIRL IN
TRANSLATION» ДЖ. КВОК

1. Имя пользователя: TibetanFox.

Количество отметок «понравилось»: 165

Оценка книги (из 5): 4

Тяжело быть азиатом, практически IMPOSSIBURU. Особенно азиатом, который в неполной семье эмигрировал в США, надеясь на лучшую жизнь. Автор не понаслышке знает, о чём пишет, тут даже не придерёшься, что история банальная. Да, история довольно банальная, но с другой стороны, а у кого из нас, простых смертных, такие офигенно закрученные и сложнозапутанные истории жизни (кроме меня, конечно)? Джин Квок хорошо знает, о чём пишет. Да, сама она не была гением математики, как её героиня, её способности были в другом, зато "путь наверх" прошли один и тот же. Даже если она где-то нагнетала или приукрашивала, я это ей прощу. Не знаю, впрочем, простила ли бы я такое автору, если бы он родился в богатенькой семейке. С другой стороны, тогда вряд ли получилось так убедительно и по-азиатски беспристрастно и терпеливо описать ад простых будней. Тяжело представить себя таким иммигрантом: без языка, без денег, без какой-либо помощи. Первые шаги главной героини были мне наиболее интересны. Как учиться в школе, если ты почти не понимаешь язык? Как переживать пренебрежительное отношение одноклассников? Как усмирить гордыню, ведь в родной школе ты привыкла быть первой, а тут вынуждена терпеть насмешки и получать плохие отметки? Как влиться в социум не только без знания языка, но и с нищенской одеждой и прочим скарбом? А ведь ещё надо вкалывать на чисто диккенсовской фабрике за гроши, жить в доме под снос без стёкол и отопления, находить время на домашнее задание... Когда же жить? Главная героиня не столько хочет преуспеть, сколько именно жить. Такое детство нормальной жизнью не назовёшь, сплошное выживание и испытания. Примечательно отношение героини к собственному таланту: до последнего она утверждает, что она не гений науки, а гений трудолюбия. Может быть, так оно и есть - без трудолюбия никакой гений в подобной обстановке не выживет. Получается, что несмотря на "гениальность" персонажа, она самая обыкновенная. И проблемы у неё тоже самые обыкновенные. Как быть с мальчиками, как не стыдиться матери, куда пойти учиться, как не быть в школе последним лохом. Только всё это помножено на уровень сложности "Азиат". От этого только ярче становится и, мне кажется, кто-то даже может этому не поверить. Если большая часть книги читается как хороший качественный янг-эдалт с довольно стереотипными проблемами, то конец довольно нетривиальный. Взять хотя бы то, что героине даётся выбор между А и Б, где и то, и другое никакого катарсиса не даёт. То есть, нет даже возможности сахарной славной развязки, где всё хорошо, американская мечта исполнена и кругом благодать. Как и в жизни, при любом выборе придётся чем-то жертвовать,

а вот измерить величину той или иной жертвы не сможет даже самый талантливый математик. Книга приятная, лёгкая (несмотря на то, что неповерхностная). Тот редкий мостик от качественной беллетристики к вечной и новой классике, которого так не хватает в современной литературе в качестве целого сегмента, так что отдельные случайные произведения приходится вылавливать с сачком и биноклем.

2. *Имя пользователя: foxkid.*

Количество отметок «понравилось»: 149

Оценка книги (из 5): 3

Мне бы хотелось, чтобы эта книга стала сюжетом о том, как в тяжелых обстоятельствах мать говорит: "Дочка, нам будет сложно, но я сделаю все, костями лягу, чтобы мы выбрались из этого дерьма!" - но она такой не стала. Или о том, как взрослые люди понимают, что за цель они ставят и что за этой целью должно идти что-то еще, но нет. Это история о людях, которые уезжают, лишь бы уехать, потому что им плохо в своей стране. Но при этом они не перенимают привычки новой страны, а воссоздают свою в миниатюре. И делают там все то же, только в более гротескной форме. Мать Ким уезжает и увозит дочь, а на новом месте что она делает? Смиренно принимает то, что есть. Квартира с тараканами и без отопления? Ок, что поделать? Незнание языка? О, Боже, я никогда его не выучу! Сказать сестре, чтобы не корчила из себя суку и не селила в бомжатнике, который вообще ни копейки не стоит? Как можно, нет, я буду ей аренду платить! И тырить утеплитель по помойкам! И так далее, тому подобное. А самое страшное в этой истории - дочка. Вот на нее мама и перекладывает функции спасительницы. Это дочке надо выучить язык, отучиться, поступить в институт, получить престижную работу, чтобы вытащить маму из дерьма. Мама сама не может. Она лучше будет волочить свой тяжкий крест, воспитывать дочку в Америке по гонконгским понятиям и так далее. Она даже не пытается выйти за пределы своей культуры, вообще все, что о ней рассказано, сводится к "Бог терпел и нам велел!" Позвать левого ремонтника? Да! Отдать ему денег? Да все отдала бы, если бы не дочка! Это история очень похожа на Гарри Поттера. Тетка Ким с мужем и ребенком - натуральное семейство Дурслей, которые селят оборванцев не в каморку под чуланом, а в сносящийся дом на выселках. А магические способности Ким - ее мозги и целеустремленность. И нет никакого Воландеморта. Вот и весь колленкор. Девочка с одиннадцати лет волочет на себе семью, где-то ошибается, где-то не понимает, что можно выживать иначе, где-то упускает возможность получить что-то раньше, потому что гордость. Но выживает. И получается такая американская мечта, реализованная скромной гонконгской девочкой Ким, по-американски Кимберли. А мама? Что мама... она так ничему и не научилась, маленький ребенок на плечах у дочки, вот и все

3. *Имя пользователя: Kasumi-sama.*

Количество отметок «понравилось»: 109

Оценка книги (из 5): 4,5

Хэллоу, Америка! С другого берега Ты раем кажешься и выглядишь О'кей!
© OST "На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди"

Это не масштабное произведение, в нем нет эпичности или некой грандиозности. Зато в нем есть жизнь. Та самая простая жизнь, которую мы видим здесь и там, она окружает нас повсюду, просто мы не всегда осознаем, какая она на самом деле. Мы невольно или сознательно не замечаем, что не все в мире радужно, что возле нас есть люди, которые едва сводят концы с концами, которые вынуждены работать за гроши, чтобы прокормить себя и свою семью. Но есть и те, кто наживаются на чужом несчастье, зачастую пряча жестокость под маской напускного сочувствия. Как можно заметить, это не зависит от территориального местоположения – будь то Америка или Россия, Европа или Китай, где угодно встречаются и те, и другие, и даже третьи, о которых не стоит здесь упоминать. Можно сколько угодно говорить о различиях или о сходстве всех людей, вне зависимости от расы или материального положения, просто надо помнить, что не нужно уподобляться тем, кто готов пойти по трупам, и тогда в любой стране можно будет найти тех, кто протянет вовремя руку помощи и станет настоящим другом. Кимберли Чанг – очень упорная девочка, которая знает, чего она хочет, и добьется желаемого. Но не нахрапом, а своим умом и усидчивостью. Эмигрировав с матерью из Гонконга в такую, казалось бы, волшебную Америку, маленькая Ким совсем скоро поняла, что все далеко не так волшебно и прекрасно, а тетка, что была для них кем-то вроде божества, спасительницей, вырвавшей их, «маму и детеныша», из лап насквозь коммунистической страны, вовсе не такая хорошая, какой казалась она двум запуганным китаянкам, которые думали, что все их беды и несчастья остались позади. К счастью, Ким это поняла раньше, чем тетка успела причинить им настоящий вред. Если у человека есть цель, настоящая, стоящая, не просто желание сходить на премьеру долгожданного блокбастера или получить новую компьютерную приставку, а та цель, ради которой можно свернуть горы. У Ким такая цель была, она страстно хотела вытащить их с Ма из той нищеты, в которой они оказались «благодаря» родной тетке. Да, для этого девочке пришлось многим пожертвовать, в том числе и любовью. Но мне почему-то думается, что для Кимберли эта потеря не так тяжела, как если бы она не получила престижного образования, которого хотела, или работу, о которой мечтала. Вот тогда бы ее жизнь была разрушена, а так, ну что ж, в целом все хорошо, и не только у нее, поэтому жизнь продолжается. И пусть не в той Америке, которая поблескивала на солнце своими золотыми горами и звала через темные воды океана, обещая исполнить все мечты, а в Америке другой – пропитанной кровью и потом, но, почему-то, не менее желанной.

4. *Имя пользователя: svetaVRN.*

Количество отметок «понравилось»: 225

Оценка книги (из 5): 5

"Решенье нелегко принять, Порою сковывает страх, Но чтоб судьбой повелевать,- Запомни, все в твоих руках!" Тинави

У меня не хватает слов, чтобы описать свои чувства, не смогла написать рецензию на эту книгу сразу, сомневаюсь, что смогу хорошо сделать это и сейчас. Кимберли Чанг – достойный пример для подражания. Девочка, живущая в ужасающих трущобах, где нет отопления, зато полно мышей и тараканов, работающая вместе с матерью на фабрике, где зарабатывает гроши, носящая одежду, которую, они сами сшили. Но у нее светлая головка и есть цель в жизни, ради которой они и приехали из Китая в Америку, ради которой мать Ким пожертвовала собой и готова день и ночь гнуть спину на работе. Ким должна получить образование и получить шанс на достойную жизнь - ради себя, ради матери, ради мечты. Да, подобные истории не редкость, но все вместе: не знание языка, больная овдовевшая мама, не понимающие ее учителя, одноклассники, перед которыми постоянно приходится делать вид, что ты такая же как они, родственники, которые эксплуатируют, вместо того, чтобы помочь, крайняя нищета, несчастливая любовь, да, все вместе – это замечательная книга, которую просто обязательно нужно прочесть. Прочесть, чтобы лучше понимать других людей и их беды. Понимать без перевода. Что мне больше всего понравилось, так это стойкость этой девочки - она не жалуясь принимает удары судьбы и идет вперед, не сбиваясь с намеченного пути. Человек, который умеет довольствоваться малым, веря, что лучшее еще впереди – сильный человек, заслуживающий уважения. ...Проснувшись, я обнаружила большой апельсин и красный китайский конверт, в котором лежали два доллара, на счастье. И тут же поняла, что никакого Санта-Клауса не существует, есть только моя Ма, - но этого было вполне достаточно. А вот финал, застал меня врасплох. Да, я безнадежный романтик, верю, что мечты сбываются и любовь спасет мир! Поэтому мне больно, что люди, буквально свернувшие горы, сумевшие исполнить поставленные перед собой задачи, не смогут все же до конца быть счастливы... Просто иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили... И еще я не верю, что мужчина, который нашел «свою девушку», СВОЮ «от носика до хвостика», может быть счастлив с другой. Да, возможно, она чудесная и идеально ему подходит, но Боже мой, стоит все же попробовать построить жизнь с любимым человеком! Какой бы он ни был, он же прежде всего ЛЮБИМЫЙ... Но на самом-то деле выбора у меня не было — я просто такая, какая есть... "... Я уплываю и время несет меня С края на край. С берега к берегу, С отмели к отмели, Друг мой прощай! Знаю когда-нибудь, С дальнего берега давнего прошлого Ветер вечерний ночной Принесет тебе вздох от меня..." Рабиндранат Тагор. P.S.

5. *Имя пользователя: dashastrogaya.*

Количество отметок «понравилось»: 121

Оценка книги (из 5): 5

Есть мечта? Беги к ней. Не получается бежать? Иди к ней. Не получается идти? Ползи к ней. Не можешь ползти? Ляг и лежи в направлении мечты!

Ещё не прочитав и половины, я знала, какую оценку поставлю книге. Я не знала, что будет дальше, не знала, каков будет финал истории. Но ни на миг я не

усомнилась в оценке "5". Такой жизнеутверждающей и мотивирующей книги я не читала очень и очень давно. Каждая страница, да что там страница, каждое предложение пропитано мечтой и целеустремленностью. Прочитав последнюю главу, хочется быстрее бежать и осуществлять свои мечты, не взирая ни на какие препятствия. История Кимберли и её матери, которые перебрались из Гонконга в Америку. И встретил их там далеко не дружественный прием. Тетя Пола, сестра матери Ким, по "доброте душевной", устраивает их на швейную фабрику, которой управляет её муж. "Помогает" им с жильем - маленькой холодной квартиркой, с разбитыми окнами, кишачей насекомыми и крысами. Первую половину дня Кимберли учится, вторую - помогает матери на фабрике. Надо отметить, что учеба дается тяжело. Девочку поджидают много трудностей в этой "новой" жизни. И далеко не идеальное знание языка, и явный барьер в общении с учителями и одноклассниками, но она - большая молодец, и не сдаётся, упорно добиваясь цели - вытащить себя и маму из этой квартиры, и подальше от фабрики. Несомненно, у нее есть чему поучиться. Такая стойкость духа, внутренняя сила и целеустремленность встречаются не часто. Да, безусловно, она очень талантлива. Но разве без ее трудолюбия и упорства, заметил бы кто-нибудь тихую и неприметную эмигрантку? Конечно, на фоне этой учебы-работы-учебы не обошлось и без любви, той самой - первой и настоящей. И тут возникают проблемы, куда же без них. Кимберли влюбляется в мальчишку с фабрики, такого же, как она, эмигранта из Китая. И это даже взаимно. Хотя они и не сразу сближаются. Мэтт... Чудесный Мэтт, который живет с матерью и младшим братом, и пытается содержать себя и свою семью, работая на двух работах, и бросив школу. Он и не хочет ничего менять. Ему нравится жить в Чайна-тауне. И он бы жил здесь всю жизнь - с Кимберли, их детьми, работая на фабрике и принося в дом небольшой доход, которого кое-как будет хватать на их "рай в шалаше". Но этого ли хочет Ким? С ее амбициями и умом, разве это ее уровень? Мэтт понимает это, но что он может сделать - он тот, кто он есть. Кимберли, я не могу взобраться на твою высоту. Могут ли люди быть счастливы вместе, имея столь разные мечты и стремления? Или все-таки "бамбуку нужен бамбук, а металлу нужен металл"? Хочется отметить, что в жизни есть не только любовь, и не для всех любовь - самое главное в жизни. У каждой медали есть обратная сторона. Выбор приходится делать всегда. И она его сделала. А верный или нет - пусть решит каждый сам для себя, когда прочтет эту потрясающую книгу. Но на самом-то деле выбора у меня не было - я просто такая, какая есть.

6. Имя пользователя: Legrana.

Количество отметок «понравилось»: 135

Оценка книги (из 5): 5

Что мы знаем о жизни беженцев или эмигрантов, не от хорошей жизни бегущих из своих стран, или вернее, хотим ли знать о них? Первое желание, которое возникает во время чтения (явное проявление малодушия) - вздыхнуть с облегчением оттого, что все эти ужасы и мытарства происходят не с тобой и твоими

близкими, потом появляется желание хоть чем-то помочь несчастным... Но как и чем? Книга интересная. Чем-то перекликается с прочитанной ранее Однажды на берегу океана Крис Клив . Там тоже молодая девушка пытается в короткие сроки выучить язык чужой страны, для того, чтобы стать в ней своей. Но это совсем другая история... А в этой книге прежде всего вызывает восхищение необыкновенная выносливость и целеустремлённость главной героини, совсем ещё девчонки, приехавшей с мамой в Америку из Гонконга, и не смотря на все тяготы, сумевшей пробиться в этой жизни. Правда, и девочка неординарная - талантище необыкновенный, труженица, но ведь не все и далеко не сразу это разглядят! После таких книг, знаете, неудобно становится на что-то жаловаться или стонать по пустякам. Что наши заботы по сравнению с тем, что выпадает на долю многих и многих людей?

7. *Имя пользователя:* yfnfkbz140594.

Количество отметок «понравилось»: 64

Оценка книги (из 5): 4,5

Тяжёлые будни китайских эмигрантов в стране равных возможностей..

Если честно, я сейчас нахожусь в очень разрозненных чувствах. С одной стороны, книга понравилась: тяжёлая судьба, приятные герои, истинная борьба за место под солнцем. Но с другой стороны - финал. Он абсолютно не соответствует сложившемуся мнению о героях. Умная, соображающая девушка в конце теряет все мозги и совершает одну ошибку за другой, а юноша, до этого более-менее адекватный, становится эгоистом, не желающим менять свою жизнь и мечтающим утянуть за собой на дно всех остальных. Ну, начнем по порядку. Кимберли с матерью эмигрировали из Китая, где коммунизм не даёт никому жизни. Коммунизм - это всегда зло, поэтому все рвутся в Америку - страну возможностей. И если Кимберли пытается выучить язык, адаптироваться среди американцев, понять их культуру, то ее матери наплевать на всё. Она не старается выучить даже нескольких фраз и беспрекословно работает на фабрике старшей сестры, той ещё гадины... Живут они в квартире без окон, приготовленной к сносу. Есть им почти нечего, одеться не во что. Тараканы и мыши стали их друзьями, а плитка - единственным источником тепла. А тётка ещё и деньги дерет - за лечение матери, за билеты из Китая.. Ну как тут жить? Несмотря на все трудности, абсолютное незнание языка и работу на фабрике (да-да, 11-летний ребенок тоже трудится), Кимберли добивается отличных академических успехов, что позволяет поступить ей в привилегированную школу. Именно с этого и начинается путь к успеху маленькой китайки. И всё-таки, всё-таки финал не укладывается у меня в голове. Я понимаю, что, скорее всего, автор хотела показать, что удача Кимберли не безгранична. Или хотела добавить любовную драму, стремительных отношений... Возможно, это приемлемый финал, но после неторопливого описания 7 лет жизни девочки, концовка показалась слишком скомканной. В целом, книга достойна прочтения.

8. *Имя пользователя: Elena_020407.*

Количество отметок «понравилось»: 46

Оценка книги (из 5): 2,5

Жаль подмога не пришла, подкрепление не прислали... (с)

Меня развели. Как девочку. Мне обещали вторую Скарлет О'Хару (правда, китайского происхождения), которой удастся положить Америку к своим ногам. Меня манили второй Дэгни Таггарт, которая ломает систему. Где-то на горизонте маячил призрак незабвенного Френка Каупервуда... И под такой прекрасной оберткой, от которой невозможно было отказаться, мне подсунули young adult! Да, это не фантастика типа "Голодных игры" и прочей галиматьи откровенно более низкокачественной, которая заполонила полки всех без исключения книжных магазинов. И, слава богу, здесь нет межвидового секса с оборотнями и вампирами. Но, блин, книга, которой трубили на всех углах хвалебные оды серьезные и уважаемые мной читатели LiveLib оказалась пошленькой и простенькой историей для подростков. Да, чуть более качественной, чем многие книги из этой ниши. Но все равно это далекой не тот шедевр, который могли вообразить себе наивные читатели в розовых очках (вроде меня), который начитались хвалебных рецензий. В двух словах о сюжете. Перед нами история Кимберли и ее Ма, которым удалось выбраться из Гонконга в Нью-Йорк. Да, они живут в трущобах вместе с тараканами и крысами, батрачат за копейки на фабрике, выплачивают космические и очень мутного происхождения долги тете Поле, сестре Ма, которая помогла им перебраться на американскую землю обетованную.. И несмотря на все это Кимберли удастся воплотить в жизнь заветную американскую мечту и выбиться из грязи в князи. Конечно, эта книга поднимает несколько довольно важных тем, таких как нежелание определенной части эмигрантов интегрироваться с обществом, частью которого они хотели бы стать, страшная ситуация, когда дети и родители вынуждены поменяться ролями, из-за того, что последним не хватает решимости и сил, чтобы управлять своей жизнью, о выборе, о руках, которые нельзя опускать, даже если ноет от усталости каждая клеточка тела... Но история настолько пропитана инфантильностью, что мне она буквально вставала поперек горла. Может быть в 15-17 лет такого рода книги и вызывают восторг, но в мой тридцатник - ничего кроме недоумения. Куча логических нестыковок, куча "случайных" стечений обстоятельств, которые оказываются решающими, откровенно предсказуемый своей слащавостью и попытками выжать скупую читательскую слезу финал... Короче, всю книгу хотелось цитировать Станиславского. Не верю! (с). Если вам действительно интересна история китайских эмигрантов в Америке, от души советую Лизу Си . У нее есть прекрасные книги на эту тему. Период она, правда, захватывает более ранний (первая половина XX века), но пишет не в пример Джин Квок ярко и реалистично. Ну а мои впечатления от книги наиболее ярко выражает песня прекрасного БГ, вынесенная в заголовок рецензии. Особенно та ее строчка, которую я не буду цитировать в этой рецензии с оглядкой на всевидящее око цензуры.

9. *Имя пользователя: Rosio.*

Количество отметок «понравилось»: 85

Оценка книги (из 5): 4,3

Эта книга могла бы стать историей об очередной Золушке, но это не то. Эта история могла бы стать историей об очередной героине, выбившейся "из грязи в князи", но это тоже не то, хоть и в целом об этом. Эта книга сложнее, здесь больше пластов, здесь поднимаются темы, которые другие писатели часто обходят стороной. История Кимберли отличается какой-то особенной жизненностью, описывая многие нелюбимые стороны нашей реальности. В поисках лучшей жизни Кимберли и её мама уезжают из "коммунистического рая" в "рай демократический". Только вот рая не оказалось. Обещания помочь обернулись весьма специфической заботой - практически рабским трудом на фабрике за гроши и каморкой, которую сложно назвать жильем. Две китайки попадают в сложную ситуацию. Мать смиряется, но не Ким. Это книга об упорстве, о сильном характере и воле. Это книга о том, как пережить унижения и пройти сквозь стену непонимания. По сути, это история об американской мечте, только героине пришлось преодолевать всё самой. Случаи не сыпались, шансы не раздавались, добрые феи-спасительницы не появлялись. Только злые мачехи, безхребетная мама и любовь. И вот на любви хочется остановиться отдельно, так как в целом история-то уже не раз встречалась. По-своему написана, но все же это уже было. А вот такая концовка удивила и выделила книгу из общего ряда историй об американской мечте. Могут ли быть вместе люди, стремления которых настолько разнятся? Кимберли с её умом и целеустремленностью и Мэтт с его готовностью довольствоваться малым, строя свое простое житейское счастье? На самом деле это замечательно, что не все стремятся хватать звезды с небес, а вполне могут быть счастливы, живя очень скромно. Вот эта линия и эта тема стала для меня изюминкой книги. И я рада, что Джин Квок закончила её так, как надо. Жизненно. Несмотря на достаточно избитую основную тему, эта книга достойна быть прочитанной. Здесь прекрасная героиня и её сложный путь выживания. Здесь интересный сюжет и реалистичная концовка. Несмотря на то, что это несколько не моё, прочитала с интересом.

10. *Имя пользователя: zhet4uzhinka.*

Количество отметок «понравилось»: 89

Оценка книги (из 5): 4

Юная девушка и ее мама зимуют в стылой квартире, полной тараканов и мышей. Зима. Стекол в окнах нет, проемы закрыты пластиковыми пакетами, которые надуваются от ветра. Единственный источник тепла – это старенькая плита, работающая без отдыха. Ну и сами обитатели квартиры, закутанные в найденный на помойке промышленный утеплитель. Девушка, правда, мало времени проводит дома: с утра она отправляется в школу и пытается учиться, преодолевая языковой барьер. Днем она приходит на фабрику помогать своей матери. Вечером и до глубокой ночи делает домашние задания и усердно учится,

учится, учится, чтобы в будущем получить возможность вытащить себя и мать из нищеты. Мало кто останется равнодушным, глядя на такое. И я, читая книгу, тоже прониклась. Но очень уж многого мне не хватило в этой истории. Я бы хотела узнать, от какого ужаса бежала мать Кимберли, что даже такая жизнь была лучше, чем жизнь в Гонконге. Не в двух словах, а так же прочувствованно, как была описана жизнь в Нью-Йорке. Я бы хотела лучше понять, почему тетя Кимберли оказалась злющей ведьмой из сказок братьев Гримм. Да, в конце этому дается некое объяснение, но хотелось бы побольше узнать, что сделали с человеком, что он настолько осатанел. И наконец, я бы хотела, чтобы эта история оставалась живой от первой и до последней строчки. Первое время сцены, описанные в книге, так и встают перед глазами. Но чем дальше, тем отстраненнее от читателя становится Ким, тем суше повествование. Жизнь Ким не становится лучше, но темп времени нарастает, а эмоциональность, вовлеченность читателя в сюжет сдуваются, как старый воздушный шарик. Книга постепенно превращается в какой-то доклад на тему «как я провел еще несколько лет жизни». В самом конце, конечно, читателя основательно встряхнет, на то она и концовка. Но мне этого было мало. История интересная, и я благодарна ей за то, что она показала жизнь иммигрантов изнутри. Но история слишком сухо подана, такое ощущение, что автору хотелось сказать и про все сразу, и непременно очень коротко. И характер Кимберли остается не до конца понятным. PS Что касается концовки. В выбор, который сделала Кимберли, я поверила, и думаю, что он был все-таки правильный, хотя и очень тяжелый. Ее решение сохранить, но не признаваться, я тоже поняла. Но, блин, теперь-то уже, когда все решения давно приняты, а тем более, надежда еще теплится, зачем продолжать прятать фотографию? Люди, по-моему, имеют право знать о таких вещах. Оба.

11. *Имя пользователя: Enfance.*

Количество отметок «понравилось»: 45

Оценка книги (из 5): 4

Много тем затронуто. Переезд в поисках лучшей жизни, жизнь в чужой стране, сложности в общении с окружающими, первая любовь, поиск друзей, отношения между ребёнком и родителем, зависть близких...и многое-многое другое. Бывают книги которые цепляют именно своим началом, но эта затягивала в себя всё больше и больше с середины и до самого завершения. Ведь мы наблюдаем жизнь Кимберли (А-Ким) от переезда и до совершеннолетия. Чем старше она становилась, тем интереснее было мне. Единственное, что меня раздражало - это мама. Она не пыталась улучшить условия жизни, а терпела, привыкала, не хотела (или боялась) что-либо менять. И это ужасно. Прочитав информацию об авторе, становится ясно, что она знает о чём пишет. И это очень повлияло на книгу. Ибо я верила каждому слову. В целом, книгу можно и стоит читать.

12. *Имя пользователя: takatalvi.*

Количество отметок «понравилось»: 74

Оценка книги (из 5): 4

Здравствуй, очередная невнятная рецензия на очередную невнятную книгу. Давай мы с тобой все-таки попробуем по справедливости оценить то, что прочитали, сделать выводы и попытаться разобраться, хвалить-рекомендовать эту книгу или все-таки нет. Ну, поехали. Сюжет романа простой, обыденный, но неизменно актуальный и больно режущий по сердцу, а обрисовывается он двумя словами: проблема иммиграции. Маленькая А-Ким переезжает в Америку вместе с мамой, переболевшей туберкулезом, они находятся на полулегальном положении, А-Ким едва знает английский, ее мама не знает его от слова совсем, обе вынуждены жить в ужасных условиях и батрачить на тетушку, силами которой удался их переезд. А-Ким мечтает вытащить маму и себя из этого кошмара, она учится, старается, а после школы допоздна помогает матери на фабрике... Тяжелая работа, возвращение в холодный дом, полный паразитов, а утром – школа, насмешки, борьба за спокойную жизнь. Начну с похвалы. Книга читается очень легко и достаточно увлекательно, этакое чтение на ура, вроде как и проникнуться, и героям посочувствовать, и поболеть за них, а с другой стороны, напрягаться не нужно, можно и в транспорте почитать, и в очереди и вообще где угодно. Несмотря на краткость этого положительного замечания, искренне говорю – оно очень весомое, позволило мне умять книгу с интересом и даже удовольствием. А теперь пойдем по менее понравившимся моментам. Расстановка персонажей банальна так, что хочется плакать. Начинается все хорошо, но потом читателя ждет погружение в детскую сказку, причем стереотипную. Я не знаю, с чем связан стереотип об том, что азиаты мега-гениальны в математических науках, но факт остается фактом, в американских мультиках и фильмах постоянно на это натыкаешься, и когда А-Ким оказалась гением именно математики, трудно было сдержать усмешку. Ну, ладно, положим, тем более что биографии главной героини и писательницы вроде как перекликаются. Но, возвращаясь к персонажам – А-Ким, значит, гений чуть ли не мирового масштаба (любопытно, кстати: «я выполняю домашнюю работу только по дороге в школу, все говорят, что я светило, но это неправда, я просто очень старательно все делаю» - ???), ее мать – ангел, тетушка зла, вредна и бесталанна так, как это может быть только в сказке о Золушке, а ее сын безнадежно туп и так же злобен. Причины всей этой прелести не раскрыты, а стереотипы американцев подчеркнуты так же ярко, как и китайцев. Впечатление создается такое, будто и автор не китаянка, и в Америке она никогда не жила. И заранее известно, чем все закончится, мы же все знаем, как кончаются сказки о забытых маленьких талантливых девочках и злобных завистливых тетушках. Ближе к концу роман все больше заставлял печалиться – проблемы иммиграции плавно перешли в череду успехов и любовные похождения. Оно понятно, девочка растет, но концовка сведена по-подростковому неловко, хотя повествование исходит уже из уст взрослой женщины. Затрудняюсь объяснить без спойлеров, что я думаю на этот счет. Скажу одно: плохо, товарищи, плохо, игра на некачественном и тысячу раз пережеванном мыле. Вот и думай, что делать с этим романом. С одной стороны, вроде как и интересно, с другой – недостатков весьма заметное количество. Но,

пожалуй, порекомендовать эту книгу все-таки можно, сделав, к тому же, скидку на дебют: для легкого чтения и любителям любовных романов с щепоткой экзотики.

13. Имя пользователя: AffrontiRegiven.

Количество отметок «понравилось»: 63

Оценка книги (из 5): 5

Книга не смотря на свою милую, привлекательную обложку и красивое название очень тяжелая и печальная. Это история об эмигрантах, которые покидают свою страну и едут в Америку за лучшей жизнью. Но какая она лучшая жизнь? Квартира, где всюду ползают тараканы и скребутся мыши, где всю зиму ты должен сидеть и укрываться сотнями одеял, чтобы не замерзнуть? Или это работа на фабрике с матерью после элитной школы, где тебя никто не понимает? Не думаю, что Кимберли Чанг имела в виду все это, когда желала лучшей жизни, но как бы там не было, она вынуждена жить именно в таких трущобах и вести такую повседневную жизнь. Кимберли Чанг – очень трудолюбивая девочка, которая в независимости от условий хочет достичь поставленных целей. Она не знает языка, живет в другой стране, и ухаживает за своей больной мамой и при этом всем она остаётся все такой же упорной и стойкой девочкой, которую жизнь еще не раз наградит новыми проблемами. Она человек, который довольствуется самым малым и верит, что самое лучшее все еще впереди. По-моему этот маленький человечек уже достоин уважения. В книге героиня борется со многими проблемами, и она заслуживает красивый финал, но почему-то автор решила отказаться от этой идеи и закончила книгу на печальной ноте. Я привыкла к счастливым концовкам, и такое завершения было немного неожиданным поворотом. Ведь человек, который находит свою судьбу, не должен просто так отказываться от неё и уходить к другой девушке. Это, по меньшей мере, просто не справедливо. Книгой я осталась довольна и получила от неё максимум. Эта та книга, которая действительно заставляет о чем-то задуматься, она жизненная, ситуация с эмиграциями реальна, это не вымысел и то, как это показывает нам автор на самом деле очень страшно. Пускай эта книга навсегда останется историей и никогда не станет реальностью.

14. Имя пользователя: nevajnokto.

Количество отметок «понравилось»: 82

Оценка книги (из 5): 5

Ты и только ты способен все изменить. Может, и не сразу к лучшему, но не попробовав, не поймешь как могло бы быть... Не знаю, удастся ли мне выразить в словах, насколько сильно полюбилась мне эта книга. Она прошлась по струнам души, вернее, мягко прикоснулась, но оставила глубокий след. Эта книга не претенциозна, в ней нет высокопарных нравоучений и пустого пафоса, что обычно присутствует в книгах о жизни, о трудностях, о гонениях и несправедливости. Эта книга до предела искренняя, не надуманная, правильная. Это история Ким, маленькой китайки, которую Судьба безжалостно взяла за шкурку и бросила на съедение зубастой, плотоядной Америке. Огромный, шумный, злой город,

разинувший пасть и истекающий слюной... И малышка Ким с матерью, совершенно беспомощные и растерянные. Они приехали из Гонконга, в поисках лучшей жизни, с надеждой и уверенностью на благосклонность родственников, которые неплохо устроились в Америке, имеют фабрики, красивый дом и благополучную жизнь. Но как бы не так! Мать и дочь - это бедные родственники, и от них нужно поскорее избавляться, но как можно поделкатнее и с обещаниями золотых гор, это же так несложно... Вот так, с разбитыми мечтами, разочарованные и никому не нужные, мать и детеныш стали выживать. Бороться за свое завтра в страшных условиях трущобной жизни, под одной крышей с крысами и тараканами, с мешками для мусора вместо окон, завернутые в рулон грубой ткани из свалки, чтобы не умереть от холода, по, почти, 20 часов в сутки прогибая спины на фабрике у станков, задыхаясь от пыли и обливаясь потом, они ВЫЖИВАЛИ. Однажды Ким поняла всю безвыходность и беспросветность ситуации, встряхнулась, сбросила оцепенение и пообещала матери: "Я вытащу нас отсюда, Ма!" И она сделала это! Сдержала-таки обещание! Маленький гений, феноменальный ребенок, одаренный и прирожденный светлый ум - она училась, впитывала знания с яростной одержимостью, читала везде, где только могла: за станком на фабрике и в метро, прямо на улице, в библиотеках - везде, где только находила возможность. Она утверждалась в собственных глазах, она доказывала огромной Америке саму себя, и она СМОГЛА! Ким - это огромная сила воли, это неутомимость и сильнейшее желание создать себя. Это не маниакальный бросок вслепую, нет. Это целенаправленная и отточенная стрела, устремленная прямо в десятку, и ни на секунду не меняющая курс. Ким - это удивительная стойкость, непосредственность и оправданная амбициозность. Ким - это триумф. Не могу не подчеркнуть любовную составляющую романа. Мэтт, мальчик из фабрики, такой же как Ким. Он всегда смотрел на Ким, как на далекую прекрасную звезду, недостижимую, недоступную. Даже в самых смелых иллюзиях Мэтт не мог представить себя вместе с Ким. Невысказанные слова, нерешительность, страх быть непонятым и еще ряд подобного бреда удерживали их от настоящих поступков. Но любовь не скроешь, если она настоящая. Она пробьется сквозь бетон, обязательно заявит о себе. Ее не закопаешь. И я радовалась как собственному счастью, когда две гордые натуры, наконец-то, сбросили с себя непробиваемый панцирь и отпустили Чувство на волю. Жизнь не всегда потакает нашим желаниям. Нередко она бьет по самым чувствительным местам, и от этого подкашиваются ноги, ломается хребет. Но несмотря на это, мы все же согласны на Любовь, на то, чтобы она была, сильная, настоящая, до боли, до слез, просто чтобы была. А что будет завтра? Неважно. Другие пути, чужие объятия, дежурные улыбки, ужин после трудного рабочего дня, мирное посапывание родного существа в маленькой кровати. Другая жизнь - не та. Но память пронесет в себе именно ТО. Твое! До трепета любимое. До конца. До могилы.

15. Имя пользователя: -

Количество отметок «понравилось»: 78

Оценка книги (из 5): 3

В первую очередь, для меня эта книга о выборе. Ни о трудностях жизни эмигрантов, ни об усердии и целеустремленности маленькой китайской девочки, ни о любви, а именно о выборе. Только тогда, стоя на перепутье, и проявляется вся человеческая сущность. А все, что было до, не так важно. Я слышала, что эта книга своеобразный пинок, руководство к действию, некий суррогат книг типа «Как побороть лень, и начать учиться». Но ничего подобного я не испытала, и к сожалению, непреодолимого желания заканчивать свой дипломный проект, у меня не возникло. Кимберли, молодец конечно, но... Но я не совсем согласна, что все достигнутое, это результат ее усердия и труда. По-моему, совершенно упускается из виду тот факт, что ей безумно повезло. Далеко не у каждого китайского ребенка была возможность выбраться в Америку, это во-первых. Во-вторых, вряд ли у них с матерью появилось бы новое жилье, если бы не содействие ее лучшей подруги. И таких мелочей еще много. Да, безусловно, амбиции и способности к определенным предметам у Ким были, но тождественно ли это усердию и старанию в учебе? Ну, уж слишком ей все легко давалось, я имею виду учебу, потому что вопросы быта и работы, это уже другая история. Да, во мне сейчас говорит, маленькая озлобленная школьница, которая когда-то ночи на пролет зубрила уроки, что бы хоть как-то себя проявить, а кому-то было достаточно пяти минут перед уроком, чтобы более-менее внятно ответить на вопросы учителя. Обидно, однако... Ну вот, после минутки жалости к самой себе, буду дальше говорить о романе. Бесспорным его достоинством является легкость. Читается захлѐб, быстро, просто, довольно интересно. Для отдыха, приятного проведения вечера - самое то. Но эту книгу я забуду, как и многие другие, она не стала чем-то особенным, всего лишь книга из разряда «одна из...». Вот так читаешь, читаешь, и возникает какой-то внутренний дискомфорт, вот что-то не твое, не веришь этой истории и все, кажется, что роман хорошо читать лет в пятнадцать. А если в этом возрасте не прочитал, то дальше и не стоит, ничего не потеряешь. Во мне, конечно, инфантильности хоть отбавляй, но в случае с данным произведением не сработало. И отдельно о финале. Вот он показался мне правильным, «за что боролись, на то и напоролись». Думаю, такое развитие сюжета идеально и для Ким, и для Мэтта, ну не верю я, что из этих отношений что-то получилось бы. Любовь любовью, но для прочного и счастливого брака этого мало. Вот и получается, что главное в романе выбор. Притом выбор обоюдный, в глубине души оба героя понимали, что так будет лучше, вот и не стали с этим бороться. В конце концов, для каждого счастье в разном - для кого-то в семье, для кого-то в самореализации. Главное, с выбором не оплошать...

16. Имя пользователя: asya-death

Количество отметок «понравилось»: 41

Оценка книги (из 5): 5

Китайская пословица гласит: нашей жизнью управляют ветры судьбы, вынуждая следовать в определенном направлении. Люди с сильной волей могут противостоять буре и выбирать собственную дорогу, в то время как слабые вынуждены идти туда, куда их гонит ветер. Меня просто переполняют эмоции! Прекрасная история, которая достойна внимания! Ладно, постараюсь написать что-нибудь вразумительное и побороть эмоции. "Девушка в переводе" - это история семьи Чанг, Ма и Кимберли. "Девушка в переводе" - это история о успехе и о том, что мечты сбываются, если этого только захотеть. Кимберли Чанг - достойный пример для подражания. Её история вдохновляет. Эта книга - отличный мотиватор для учёбы. Кимберли - китайская девочка, которая была вынуждена переехать со своей Ма из Гонконга в Америку. Они ждали небоскрёбы, Статую Свободы, а получили трущобы и мизерный заработок за рабский труд на пыльной фабрике. Они ожидали другой жизни, но получили худшую версию их жизни на родине. И тётушка Пола оказалась ещё той особой, обещала помочь, а отправила их жить незаконно в трущобы, которые вот-вот снесут, заставила работать, как рабов, вредила им постоянно, и в лицо сказала, что она боится от них заразиться. Никому бы таких родственник не пожелала! Мне было бы стыдно, что в таких условиях живут и работают мои родные.. Проблема состояла ещё и в том, что они переехали в Америку с парой английских слов, так что английский они почти не воспринимали. Ма так и не выучила, а вот дочка оказалась умничкой, даже гением. Они в короткий срок в незнакомой школе освоила и английский язык(а попробуйте сами "переводить свою жизнь" с китайского на английский), и саму школьную программу. Кимберли не просто освоила новый язык, так ещё и нашла подругу, и поступила бесплатно в элитную школу для одаренных детей, а после и в Йель. Как она сказала о себе: У меня есть особый талант — не актерский, не музыкальный, не к танцам или еще к чему-то столь же изящному. Я всегда умела учиться. Могла выучить все что угодно — быстро и без особых усилий. Как будто школа была специальным механизмом, а я — идеально подходящей шестеренкой. Также Кимберли нашла на фабрике свою первую любовь - Мэтта, который живёт с матерью и маленьким больным братом, так что он - глава семьи и их защитник. Ох, милый Мэтт! Почему же ты так поступил с девушкой, которую ты любил от "носика до хвостика"? Это главное разочарование в книге! Впрочем, в конце Кимберли в любом случае пришлось чего-нибудь лишиться, так что она не изменила себе и своим мечтам. После последней главы я час ходила и не могла мысли в порядок привести, была очень расстроена. "Как так? Почему именно так всё закончилось?" - произносила я вновь и вновь. Просто иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили. Книга восхитительная, история вдохновляющая, Кимберли гениальная! Очень много эмоций после прочтения. Знаете в чём изюминка в этой книге? Автор этой книги сама была эмигранткой из Гонконга, которая переехала в Америку и трудилась на фабрике. Наверное, поэтому книга такая искренняя и получилась. Конечно, автор не гениальный математик, но её призвание в другом. Сейчас такое время года, что так не хочется

учиться, а эта книга хорошенько "пнула" меня. Стоит ли эта книга для прочтения? Конечно, стоит её прочитать!

17. *Имя пользователя: augustin_blade*

Количество отметок «понравилось»: 41

Оценка книги (из 5): 5

Тот самый показательный случай, когда книга-то прочитана, да вот как-то нечего особо о ней сказать. История непростая и, как я поняла, в большинстве своем автобиографичная. Окей. Своеобразная мотивация, если кому-то захочется в этом произведении искать именно вдохновляющие на подвиги мотивы, но мною роман воспринимался исключительно как произведение, описывающее нелегкий проделанный путь. Если очень сильно захотеть, можно вылезти даже из самого крутого ада, правда для этого придется стиснуть зубы и заткнуть ноющий внутренний голос где-то там на периферии сознания. Самое главное, что я вынесла из этой истории - напоминание о том, что хорошая жизнь и простые бытовые радости являются штуками важными с большой буквы важно. Что есть показательные, а есть настоящие друзья. Что кровные узлы порой значат очень много, а порой чушь и ничто. Единственное, что выбило из колеи, это финал и периодическое, с моей точки зрения, налегание на романтическую линию. В остальном книга была прочитана довольно быстро. Как итог - норм, галочка в списке, а то все вокруг, казалось, прочли эту книгу, а я сижу в уголке одна и жду трамвая. "Я повсюду иностранец и повсюду я вроде бы свой" в контексте эмиграции, тяжелого быта, жестких испытаний подростка на прочность и таланта пользоваться мозгами во имя учебы.

18. *Имя пользователя: Irika36*

Количество отметок «понравилось»: 45

Оценка книги (из 5): 3,5

Впервые мне почти нечего сказать о прочитанном. Наверное, самая реалистичная часть книги - это ее финал. Да, он не такой, как мы ожидаем от подобных книг, но в этом и есть его главный плюс. Что касается остального, то тут все сложно. Единственное, что автору удалось показать великолепно - это различие культур. Тонкости восточного менталитета - это то, ради чего я беру в руки книги авторов с китайскими корнями. Здесь мои ожидания полностью оправдались. Пожалуй, это все. Биография автора намекает на то, что в книге проскакивают автобиографические нотки, но на мой взгляд, здесь слишком сгустились краски. Слишком много надуманного драматизма, а отсюда и оглушающие вопли внутреннего Станиславского: "Не верю!" Почему-то меня не покидало ощущение, что биография сильно отретуширована. Подобный прием весьма распространен у начинающих авторов - за основу берется реальная история и кромсается так, чтобы читателю стало интересно, чтобы градус накала страстей не обманул ожиданий. К сожалению, здесь это все излишне гипертрофированно - если трущобы, то уж такие, чтоб мало не показалось, если работа, то адская. если учеба, то блестящая,

если первый секс, то непременно с беременностью, если слабая женщина, то уж совсем беспомощная. Я не поверила этой редакции событий. Зато я с удовольствием поверила в финал. Он как-то идеально вписался и в дурацкую упертость ГГ-ни, и в авторскую схему подачи событий - со скачками во времени, не заморачиваясь деталями - упс, а 12 годиков-то прошло уже! Мое мнение - невооруженным глазом видно не только писательский дебют автора, но и хороший потенциал. Наверное, главная книга у нее еще впереди.

19. Имя пользователя: Катька

Количество отметок «понравилось»: 31

Оценка книги (из 5): 5

Если бы не моя уверенность в счастливом финале этой истории, вряд ли бы и взялась за книгу. Почти «Золушка», немного «Москва слезам не верит», жизнеутверждающая сказка, хотя в большей степени, как оказалось, автобиография. Книга улетела просто за один вечер, я давно не испытывала ощущение красноглазого полуночника, который уговаривает себя «ща, ща, ещё три предложения, два абзаца, полстранички, и точно лягу!» Тот случай, когда через слово рыдала в подушку, а на вопрос мужа: «Что там?» растёрла по щекам последние сопли и на выдохе проплакала: «Птичку жалко Та ничоо-ооо-оо-о».

Стара как мир и горестна судьба переселенцев, мигрирующих в поисках лучшей жизни, если не для себя, так хотя бы для своих детей и внуков. Вот и одиннадцатилетняя А-Ким вместе с Ма перебираются из Гонконга в Америку. Когда люди бросают свою жизнь там, они, конечно же, уповают на достойную жизнь здесь, забывая, что «хорошо там, где нас нет». Но, похоже, у семьи Чанг оптимизм в крови, они верят, что худшее позади, а Новый Свет – это окно в новый мир. И это при скотском отношении к ним старшей сестры Ма тёти Полы. Мне вообще было сложно понять вселенское терпение со стороны мамы и дочки. Какой-то придуманный необъятный долг, который выплачивался долгие годы. Ужасные условия проживания, за которые Ма должна быть якобы благодарна сестре. А урезанная зарплата на фабрике – верх наглости и жлобства со стороны Боба и Полы. Я бы назвала эту книгу гимном целеустремленности и человечности, когда юная героиня в самых ужасающих обстоятельствах находит в себе силы на отличную учёбу и достойное поведение, несмотря на неприязнь к ней со стороны одноклассников, преподавателей. Но скажу, что девочка - настоящий гений или вундеркинд, далеко не каждый школьник быстро и легко впитывает школьную программу и дополнительный к ней материал. Безусловно, Кимберли напориста и трудолюбива, но не всегда тяжкий труд на фабрике до глубокого вечера располагает на адекватное выполнение домашних заданий или банальную зубрёжку. А вот отношением к учёбе Ма я была удивлена. Ну, уж за семь лет проживания в Америке можно было бы выучить разговорный английский на достаточном уровне. Понятно, что женщина не покладая рук вкалывала на сестру и, может быть, даже прослушивание аудио уроков было сложным на швейной фабрике. Но ведь в дальнейшем Ма собирала бусы в спокойной домашней

обстановке. Так отчего же нельзя было приложить какие-то усилия хотя бы для того, чтоб всю непосильную языковую ношу не тянула на себе А-Ким? Что касается романтической линии, на неё можно взглянуть двояко. С одной стороны Кимберли составила бы неплохую партию Курту. Они и сами признавали, что подходят друг другу, ребятам хорошо вместе. Но я всегда за любовь, и, конечно, за отношения с Мэттом. Правда, в финале поведение Ким настолько меня удивило, что я с недоумением сидела и думала: «Зачем ты выбрала этого парня, если потом всё равно поступила по-своему?» В общем, если сначала была уверенность концовки а-ля «и жили они долго и счастливо..», то по итогу развязка для меня оказалась неожиданной и немного расстроила. Да, я люблю хэппи-энды, правда, здесь он получился немного своеобразным. Книга, от которой у меня десятки вопросов без ответов. Потому как каждый выбирает для себя сам, что для него в приоритете, а чем можно поступиться. Каждый оказался счастлив по отдельности. А счастлив ли? Имела ли право Ким на такие поступки по отношению к Мэтту и своему сыну...? Прав ли был Мэтт, пытаюсь зарубить большое будущее Кимберли? Он хотел быть главой семьи, а её держать у плиты. Она – всю жизнь мечтала о науке.... В итоге два любящих сердца разошлись как в море корабли. И кому от этого стало легче? На выходе: мать-одиночка и примерный семьянин, мечтающий не о своей жене.

20. Имя пользователя: Hecate_

Количество отметок «понравилось»: 54

Оценка книги (из 5): 3,5

Но родители для того и существуют, чтобы жизнь детей была лучше Как бы я охарактеризовала "Девушку в переводе"? Это невнятная книга. Читаешь - вроде интересно, актуальные проблемы поднимаются.. Но не хватает чего-то для полного удовлетворения от произведения. Сейчас попробую разобраться в своих впечатлениях.

Что понравилось

Книга читается легко и с удовольствием, сюжет достаточно интересный, события развиваются быстро. Не то чтобы это прямо очень поверхностная книга - успеваешь и посочувствовать героям, и поволноваться за них, но при этом читаешь совершенно не напрягаясь. Для меня это плюс, так как иногда хочется почитать чего-нибудь легкого. Понравилось также начало любовной линии Ким и Мэтта, но вот ее завершение меня очень расстроило, об этом ниже.

Что не понравилось

Персонажи картонные. Кимберли - чуть ли не гений, и в школу ее принимают из-за ее таланта, несмотря на отсутствие денег, и всем мальчикам она нравится... Какая-то принцесса из девичьей сказки, причем очень стереотипная. И все персонажи книги как будто из сказки: добрая и несчастная мама, злая и завистливая тетка, ее не менее злой и глупый сын. Либо хорошие, либо плохие, ну так неинтересно совсем. Расстроило поведение матери Ким, которая совершенно не хотела приспособливаться к новым реалиям, предпочитая свалить решение всех проблем на дочь. Кимберли должна выучить язык, отучиться в школе и

университете, найти хорошую работу. При этом тащить на себе маму, которая сама ничего не может. Непонятно, чем так ужасна была их жизнь в Гонконге, что пришлось бежать в Нью-Йорк и сваливать такую ответственность на свою дочь. Автор об этом практически ничего не говорит, так что, наверное, стоило уделить этой теме больше внимания. К середине книги вовлеченность читателя в сюжет и атмосферу постепенно угасает. Не знаю, почему так получилось, но чем ближе к финалу, тем более отстраненной я себя чувствовала. Возможно, это из-за нарастающего темпа событий. Сложилось такое ощущение, что автор хотела сказать о многих вещах, но не слишком длинно, и получилось как-то сухо. Решение, которое Ким приняла в конце книги, я не поддерживаю. Во-первых, она не имела права так распорядиться судьбами двоих человек. Люди имеют право знать о таких вещах и самостоятельно решать, как поступить. Во-вторых, получилась какая-то мыльная опера. Вывод Есть в книге положительные черты, но перечитывать "Девушку в переводе" или рекомендовать кому-то я не буду, слишком неоднозначные впечатления она оставила. Немного напоминает книгу Дельфин де Виган - Но и я , в которой тоже поднимались социальные проблемы, но не были должным образом раскрыты.

21. Имя пользователя: Nurmu

Количество отметок «понравилось»: 7

Оценка книги (из 5): 3,5

Вдохновляющая и полная испытаний, но все-таки сказочная история Если пытаться разобраться, почему одни книги нравятся, а другие нет, то в общих чертах получается, что первые превосходят возложенные на них ожидания, а вторые их не оправдывают. С одной стороны, "Девушка в переводе" не оправдала моих ожиданий - это не реалистичная история о молодой девушке, как я думала. С другой стороны, в чем-то книга их даже превзошла - например, я не ждала, что концовка сможет удивить. Это оказался не ожидаемый хеппи-энд, как ни странно, а довольно мощный грустный финальный аккорд. свернуть В аннотации ничего не сказано о возрасте Кимберли (главной героини), и мне удобно было представлять, что это девушка старших классов - соответственно, со взрослыми проблемами и взрослым интересным сюжетом о "влипании" в американский социум. Однако большая часть книги посвящена раннему подростковому периоду (11-14 лет), можно даже сказать, детству. По настроению напомнило скорее "Длинноногого дядюшку" или "Маленькую принцессу" - то есть книги о тяжёлой жизни маленьких девочек, которые идут своим путём несмотря ни на что, и в итоге и плохим, и хорошим персонажам воздается по заслугам, разве что здесь девочка не сирота. Во всех этих книгах чувствуется какая-то сказочность, нет ощущения, что такая история могла бы произойти на самом деле. И поскольку я ждала именно реалистичности, меня одновременно радовали (отсутствием настоящих трагедий) и раздражали типичные сюжетные ходы, огорчала картонность героев и не меняющиеся отношения между ними. Стоило кому-нибудь "появиться в кадре", и я уже почти гарантированно могла сказать, к чему автор ввел этого персонажа и что будет дальше. По-

настоящему хороши в книге две составляющие - межкультурные различия и вдохновляющее усердие Кимберли. Настолько хороши, что при всех недостатках книги общее впечатление осталось приятным. Именно благодаря этим составляющим особенно интересной и удачной мне показалась первая треть, посвященная погружению героинь в новую для них жизнь; а также концовка, в которой Кимберли пожинает плоды своего усердного труда. Середина же провисает - и из-за блеклого наполнения, и из-за темпа повествования (хотя, конечно, как еще можно было бы упихнуть около 7 лет в 352 страницы). При чтении периодически вспоминались все эти "советы начинающим писателям" насчет того, что надо показывать, а не рассказывать. Здесь очень многое (характеры, события) просто обозначается автором, а не показывается деталями или через второстепенных персонажей. Как будто читаешь не книгу, а краткий пересказ. В общем, впечатление зависит от настроения. Не могу сказать, что книга плоха, просто не стоит ждать от нее того, чего в ней нет. За чтением "Девушки в переводе" вполне можно провести пару-тройку приятных вечеров, переживая из-за злоключений главной героини и радуясь её успехам. Если вам хочется чего-то жизнеутверждающего и эмоционального, с толикой романтики, без лишних интриг и наворотов сюжета, то рекомендую.

22. *Имя пользователя: i_am_dashka*

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 5

Книга, которая мне невообразимо понравилась, и теперь я её советую всем знакомым. Правдивая история, хотя и довольно грустная. А бывает ли в жизни по-другому? Книга рассказывает историю девочки Ким, которая бежит с матерью из Гонконга в Америку перед полным утверждением коммунизма в стране. Её тётя вроде пообещала помощь, но страшно представить, к чему эта помощь могла бы привести, если бы Ким была другой. Ким — очень трудолюбивая и целеустремлённая девушка. Она вынесла многое. Тяжёлую работу. Проблемы с пониманием языка. То, что мать скинула на неё всю ответственность за их жизни. Если бы не девочка, долго бы они ещё прозябали в бедности (если не вечность). Персонажи очень разнообразные и интересные личности. Я хотела читать о их жизни, сопереживать их проблемам. Из-за динамичности сюжета книга прочиталась очень быстро. А жаль. Ведь было очень приятно её читать.

23. *Имя пользователя: Nereida*

Количество отметок «понравилось»: 38

Оценка книги (из 5): 5

История взросления, становления личности. История о силе духа, о сложном выборе. Частично автобиографична, частично придумана. Одиннадцатилетняя Ким вдвоем с матерью переезжают из Гонконга в далекую чужую страну Америку. Практически не владея языком, вдали от родных и близких, они оказались в кошмарных условиях, без поддержки, умудряясь еле-еле сводить концы с концами

за мизерные гроши. Девочка оказалась гораздо сильнее матери. Ее сила, терпение и трудоспособность поражали, удивляли и восхищали. Оставаться верной своим принципам, не терять надежду и идти вперед через множество трудностей и преград, несмотря на насмешки, на социальный статус. Такое под силу только исключительным людям. Годы и годы титанического труда. Страх близкого общения с ребятами другого круга, боясь в истинном свете показать правду о своем существовании. И с юного возраста все так же оставаться единственной опорой для матери, доброй, наивной, бескорыстной женщины. Той, что знает, как тяжело им приходится, но не ропщет на судьбу, принимает несправедливость и трудности с достоинством и верит в свое дитя. На пути у женщины и девочки будут и хорошие, справедливые люди, желающие помочь, дать шанс таланту и способностям. Найдется место и для настоящей дружбы, для теплых отношений. Очень жаль, что в личная жизнь Ким оказалась столь же сложной, как и весь ее путь к лучшей жизни. Финал меня ошеломил. И ожидаемо, и безнадежно, и очень больно. Хорошая книга, не стоило ее откладывать в долгий ящик.

24. Имя пользователя: lenysjatko

Количество отметок «понравилось»: 60

Оценка книги (из 5): 5

... нашей жизнью управляют ветры судьбы, вынуждая следовать в определенном направлении. Люди существуют двух типов: первые живут, плывя по течению, не сопротивляются и принимают все удары судьбы безропотно, вторые же не боятся смотреть в самую середину урагана, они крепко стоят на ногах, сметают преграды, добиваются своего - именно такой и была Кимберли. Еще ребенком она с мамой оказалась в бруклинских трущобах, куда приехала искать лучшей жизни из Гонконга. Обе практически не говорили на английском и вынуждены были принимать то, что старшая сестра матери тетя Пола называла помощью. Убогая квартирка в нежилом доме, где вместо стекол в окнах были пакеты, а единственным источником тепла в зимнюю пору выступала старенькая плита с духовкой; множество крыс и тараканов, отсутствие мебели, грязь и отчаянье - вот так выглядели реалии, заложниками которых стали эти несчастные. Работа на швейной фабрике приносила мизерный доход, а долги за билеты, визу, оплата жилья делали финансовое положение матери и дочери совсем уж безнадежным. Школа тоже не радовала: безразличные одноклассники, хмурый учитель, недостаточный уровень языка в начале не давали Кимберли возможности показать себя. А она была очень одаренной девочкой. Но вскоре все изменилось: ее заметили. Перед героиней открылись совсем другие перспективы и надежда снова поселилась на пороге их ветхого дома. Приятные события в жизни сестры и племянницы заставили тетю Полу показать свое истинное лицо: зависть толкала ее делать бесконечные мелкие придирки и вместо того, чтобы стать поддержкой для своих родственником в тяжелое время, эта "благотворительница" истязала их как могла. Но были у Кимберли и светлые моменты: первая любовь, которая навсегда осталась в ее сердце, и Аннет - лучшая подруга. Читая книгу и следя за

изменениями в жизни героини, я поняла, что не зря говорят: большому кораблю, большое плаванье. Есть люди, которым уготована великая судьба, которые рождены, чтобы оставить след после себя. Я восхищаюсь Кимберли и ее силе воли. Девушка прошла через много трудностей, потеряла любимого мужчину, потому что знала - она не сможет дать ему то, чего он хочет. Ей уготовано больше, чем просто стать женой и матерью, сидящей дома и готовящей ужин. И не смотря ни на что, героиня и ее Ма всегда оставались хорошими порядочными людьми. В каждом их слове, в каждом поступке было благородство и чувство собственного достоинства. Как правило, в жизни таким не везет... Но в этой истории - хэппи-энд и он дарит мне надежду, что добро, трудолюбие, целеустремленность рано или поздно будут вознаграждены.

25. *Имя пользователя: Wolf94*

Количество отметок «понравилось»: 27

Оценка книги (из 5): 4

Я горжусь тобой. Просто иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили.

Обычно я стараюсь обходить подобные книги стороной. Я прекрасно знаю свои вкусы, и романы с любым намеком на тему "из грязи в князи", не вызывают доверия, хотя это слово и не совсем подходит. Скорее всего стандартный шаблон известен и от "Девушки в переводе" не ожидаешь оригинальности. В принципе так и есть, но почему же тогда поставила весьма высокую для меня оценку книге? Сейчас постараюсь объяснить. Для начала, просто обязана сказать, что в последнее время я перечитала свою любимый жанр, из-за чего потребовался отдых. Книга Джин Квок стала отдушиной для мрачного читателя. Простой язык, незамысловатый сюжет - выигранный вариант для любого писателя. Персонажи книги - шаблонные. Злая тетушка; мама, зарабатывающая гроши ради лучшей жизни дочери; А-Ким - гениальный ребенок, которая повзрослев, совершает такие же простые ошибки, как и большинство девушек в мире. Сюжет даже описывать не буду. От себя могу сказать, что читала с удовольствием, правда ближе к концу ситуация начала напрягать. Ну не люблю я всю эту шумиху вокруг любви и ложности выбора. То есть, А-Ким всю жизнь старалась, училась, у нее долг перед матерью, а тут она потеряла всякую рассудительность и стала, как и большинство девушек. Может я чего-то не понимаю, но я представляла себе ее жизнь иначе. Концовка романа тоже не вызвала восторга, собственно из-за этого и снизила оценку. Вот эта встреча была лишней и ненужной, лишь посыпала соль на рану. Достигнутый успех - да, это меня порадовало, но ведь она к этому всю жизнь шла, так что удивляться особо нечему. В целом - хорошая книга. Легкая, с доступным смыслом. Читаешь и душа отдыхает.

26. *Имя пользователя: bastanall*

Количество отметок «понравилось»: 28

Оценка книги (из 5): 4

Иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили.

Книга мне понравилась. Я понимаю героиню как девушка девушку, как отличница отличницу, как чужачка чужачку (пусть и по другим причинам). Но если Ким такая умная, да ещё из такой интеллигентной семьи, как уверяет автор, то почему роман столь поверхностен? Как будто, несмотря на свой ум, Ким все американские годы жила только чувствами — чувством долга, гордости, благодарности, ярости, любви, в конце концов. В них нет ничего плохого, и эмоционально книга действительно хороша, увлекательна и сильна. Однако мне жаль, что, породив столь интересного и сложного персонажа, Джин Квок обрекла его (то есть её) на прозябание в мире чувств и совершенно не раскрыла все те грани, которые делали Ким интересной и сложной. Перед нами просто история девочки, маленькой и настоящей, но гордой и восприимчивой. Переиначивая известную шутку, я бы сказала, что первые тридцать лет детства для девочки самые сложные. Чего же мне откровенно не хватило? Ким практически никогда не задумывается о покинутой родине, разве только сравнивая её с реалиями Америки, причём далеко не в пользу последней. Но если дома было так хорошо, то почему они бежали из Гонконга сломя голову? Автор затрагивает сложный момент — и совершенно не раскрывает его. Конечно, никто не спорит, что жизнь в Китае после «культурной революции» десятилетиями была, мягко говоря, не сахар и, на наш посторонний взгляд, до сих пор таковой остаётся; что в какой-то момент китайцы массово эмигрировали в Америку; что в Нью-Йорке и поныне существуют обширные китайские диаспоры и Чайнатаун никуда не делся; что китайским детям приходилось работать на фабриках, причём в адских условиях, что... Но Ким в романе рассказывает только о том, как тяжело ей пришлось в чужой стране, и в романе сильнее всего ощущается критика Соединённых Штатов, чем что бы то ни было иное (кроме, пожалуй, love story). Может, это тот самый случай, когда хорошее образование вовсе не предполагает разума или мудрости? Единственным обоснованием высокого интеллекта главной героини я пока вижу лишь желание автора подчеркнуть, что выжить в таких условиях мог только ребёнок, который умеет учиться, впитывает знания как губка и готов работать до потери пульса. Возможно, я чего-то не знаю о жизни в Америке; мой двоюродный брат уже давно не выходит на связь и некому посвятить меня в будоражащие воображение детали. В любом случае, мне пришлось смириться с авторским видением, и в итоге эта нестыковка стала единственным, что мне действительно не понравилось в книге. Да-да, единственным, потому что во всём остальном я получила от чтения удовольствие — не совсем то, которое ожидала, но от этого не менее натуральное. Есть у книги и другие недостатки, хотя, может быть, правильнее было бы назвать их особенностями, которые иным читателям придутся не по вкусу, а иными будут встречены как родные. Речь в первую очередь о способе подачи информации: после чтения у меня было полнейшее ощущение, что я посмотрела фильм. Не потому что всё в книге так образно и ярко, а потому что сюжет разворачивается отрывочно, от одной «зрелищной» (драматической, эмоциональной, красивой) сцены к другой — как в фильме, снятом по книге, опускаются все сложные для съёмок или избыточно

детальные сцены. Такая своеобразная подача позволяет взглянуть на мир глазами автора: не удивлюсь, если Джин Квок скажет об этом романе, что не писала его, а описывала увиденные в голове картины. Возможно, поэтому в книге нет ничего лишнего (и даже Китая, по которому я так страдала первые три абзаца), она небольшая по размеру, но вполне полноценная по охвату и лёгкая для чтения. История Ким занимательна и сама по себе. Автор очень правдоподобно погружается в мир ребёнка, подростка, молодой девушки, женщины, в конце концов. Чувствуется привнесение личного опыта и переживаний, хотя сложно судить, в какой мере. Да и не всем такой опыт близок. Но и так понятно, как тяжело ребёнку приходится в чужой незнакомой среде — и как счастлив он бывает от самых малых проявлений доброты окружающими, первых ростков дружбы и повседневных радостей жизни. Как тяжело девочке-подростку быть не такой как все, жить без нормального общения со сверстниками — и каким сокровищем становится один-единственный друг. Как тяжело юной девушке безответно любить хорошего человека, оставаться доброжелательной по отношению к сопернице, ведь она тоже хороший человек, — и каким сокровищем в эту пору становится тот, кто понимающе смотрит и протягивает руку помощи. И как тяжело женщине сделать выбор между своими мечтами и крохотным зародышем жизни в ней — но каким утешением для неё служат потом и сбывшиеся мечты, и сбережённая жизнь. Любовь в этом романе — определённо не главное, во всяком случае, не любовь романтическая. Как я уже говорила, у автора получился на редкость правдоподобный, сложный, интересный персонаж, психологически достоверный (кроме тех моментов, из-за которых я уже страдала выше), возможно, не уникальный — и всё-таки настолько своеобразный, что отдельным удовольствием становится попытка разобраться в его мыслях и мотивах. На первый взгляд может показаться, что история Ким проста (например, я как минимум ожидала описания работы над собой, тонких перемен, когда героиня становилась лучше от испытания к испытанию, постижения жизни одарённой школьницей — всего этого в большей степени нет, чем есть) — но поверьте, в этой книге есть над чем поразмыслить. Насколько сильно китайский образ мышления влиял на поступки Ким и как много в ней появилось западного? Каким человеком нужно быть, чтобы руководствоваться теми причинами, что изложила Ким в конце, объясняя свой выбор? Или автор таким образом хотела показать, куда могут завести человека с сильной волей собственные решения? Тогда если Ким хотела управлять своей жизнью и добиться поставленных целей, можно ли считать конец книги счастливым, несмотря на некоторые жертвы? И если да, то действительно ли такой конец — счастливый? Обо всём этом стоит думать после прочтения книги — чем я сейчас и занимаюсь. Но ответы на эти вопросы — во многом личные, они больше говорят обо мне, нежели о книге, — поэтому я оставляю их при себе. А книга — хорошая, стоит прочитать.

27. Имя пользователя: *platinavi*

Количество отметок «понравилось»: 30

Оценка книги (из 5): 4

Как самому себе создать проблемы? Начни увлекаться темой и вскоре все в ней будет выглядеть банальным. Я очень люблю про школу, про азиатских мигрантов, про сложности при обучении и взросление не простых подростков. Сложно сказать сколько фильмов, книг и сериалов я уже употребила в данной тематике. Поэтому при чтении этой книги меня не покидало ощущение: "А вот такой же случай был фильме который я две недели назад смотрела, а вот про это я позавчера читала". И я понимаю, что это реальная история Джин Квок, одновременно осознавая насколько ее история не уникальна и уже известна мне. И все же я получала удовольствие от книги, ибо само противопоставление культур Китая и Америки по настоящему поражают, как в рамках межличностных отношений так и отношения к самому себе. Из минусов книги хочется отметить плохую подачу времени, я не ощущала, что прошло там пять лет или два месяца, об этом обычно говорилось прямо несколько абзацев спустя и приходилось перематывать в голове события с девушкой уже другого возраста. И все время казалось, что чего-то интересно недорассказали. Так же через-чур явным злодеем выглядела тетя, даже если так и было, в книге это выглядит как из другого жанра. Не хватило мне китайской культуры и подробностей дружбы с одноклассницей, но то что дали тоже очень интересно.

28. Имя пользователя: SeryakHoldbacks

Количество отметок «понравилось»: 19

Оценка книги (из 5): 5

Невероятная книга. В ней затронуто так много проблем, для меня это явилось большой неожиданностью. Маленькой девочкой Ким переезжает с матерью из Гонконга в Нью-Йорк. Но вместо безоблачного будущего они оказываются в мясорубке жестокой реальности. Тяжелейшая работа на фабрике, практически отсутствие знаний языка, что повлекло за собой плохие оценки в школе, хотя в Китае главная героиня была лучшей ученицей. А самое жуткое это жилье, в нем нет отопления, окна выбиты, везде тараканы и крысы. Но время показывает, что из любой ситуации можно найти выход при должном усердии. И вот когда все хорошо, любимый человек рядом, и впереди маячит один из лучших колледжей страны. В этот момент случается событие, которое буквально переворачивает всю жизнь героини и чуть не ставит крест на всех ее трудах. Эта книга буквально пронизана ощущением безысходности из-за постоянной борьбы за выживание, предательства и лицемерия со стороны родственников и из-за понимания, что единственный человек с которым вы хотите быть мечтает совсем о других вещах и никогда не сможет разделить той жизни, к которой стремится героиня. Я не знаю были ли в этой ситуации правильные пути, которые позволили бы всех осчастливить, но я не смогла простить Ким, что она так и не открыла самую главную свою тайну Мэтту. Хотя конечно и Мэтт не лучше, ведь даже догадываясь о многом, он не стал добиваться хотя бы объяснения от нее, не попытался встретиться, а сразу пошел искать утешения у другой. Очень сложно судить кто

прав, кто виноват... Но наверное это и есть истинная любовь - отпустить любимого человека, чтобы он был счастлив, даже без тебя. Правильно ли я поступила? Может, следовало выбрать жизнь, которой хотел он? Но на самом-то деле выбора у меня не было — я просто такая, какая есть.

29. *Имя пользователя: skerty2015*

Количество отметок «понравилось»: 32

Оценка книги (из 5): 4,5

Для кого-то прочтение этой книги может стать волшебным направляющим пинком, намекающим, что пора действовать. Для кого – то поводом задуматься, а не много ли ты переживаешь и расстраиваешься, ведь все препятствия временные. А кто-то может понять, что зажрался. Для меня был второй вариант. В этой истории мать и дочь как - будто меняются ролями. Они переезжают в чужую страну, не зная языка. Из связей только оскотиневшаяся старшая сестра матери. Прочитав книгу, вы поймете, почему я ее так назвала (это еще ласково). Мать смиренно принимает все несчастья. Жизнь в бараке с тараканами и крысами, без отопления. Так она еще за это убожество аренду платит. Тяжелейшая работа на фабрике, где от скорости работы тебе понижают оплату. Ибо не жили богато, так зачем же начинать. Учить язык и осваиваться в новой стране? Ну, я не могу, у меня не получается. Вроде же и так неплохо живем. Вот так молчком матушка принимала все проблемы, еще и дочь поучала, чтобы так же молчала в тряпочку, а то это же неуважительно высказывать свое мнение. А вот Ким полная противоположность. Маленькая девочка, которой было всего 11 лет, поняла, что только она сможет сделать их жизнь хорошей. Ей приходилось усердно учиться, тяжело приходилось от того, что было сложно понимать все на плохо знакомом языке. Ходила в школу оборвашкой. Так еще и на фабрике матери помогала, потому что мама даже в этом не могла сама справиться. Не смотря ни на что, она смогла добиться очень многого. Таким людям нужно памятник ставить. На последних страницах я с трудом сдерживала слезы. Не ожидала я такого финала.

30. *Имя пользователя: slonixxx*

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 2

Книга не понравилась. Ничем. На протяжении всего чтения было ощущение какой-то искусственности, неестественности. Автор, как будто, набрал уйму деликатесных продуктов и разом бросил их в кастрюлю. Вот только вкусного супа из этого не вышло. То что по отдельности было бы вполне съедобно, в супе просто перебивало друг друга. В книге было бесконечное количество деликатесов, которые должны были заставить нас влюбиться во все повествуемое. Но уж слишком автор старалась создать бестселлер. Уж слишком напихала туда всего, что должно было продавать эту книгу как горячие пирожки. И только бессердечные и циничные люди вроде меня за грустной и душераздирающей историей талантливой, нищей, целеустремленной китайской девочки увидели лишь набор

штампов и давно разыгранных и проверенных шаблонов. Душераздирающее и слезовыдавливающее, но вторично, пусто и искусственно. Бездумный набор и бедной, очень умной, целеустремленной девочки, ее несчастной, трудолюбивой, молчаливой матери, по непонятной никому причине сбежавшей всеми правдами и неправдами из Китая, обрекая свою дочь на работу с детства на фабрике и даже не попытавшаяся хоть как-нибудь это положение исправить, трагичная история любви, вдохновляющая история стремления к успеху и достижения цели, ребенок, домик с огородом и так далее и тому подобное, пока от этого винегрета не зарябит в глазах. Тема Америки и американского образа жизни не раскрыта. Тема Китая, традиций и китайского образа жизни - не раскрыта. Тема взаимоотношений между матерью и дочерью не раскрыта. Тема ребенка, его отца, сокрытия отцовства и так далее - не раскрыта. В общем, удочки позаброшены, эмоция выжата, и хватит. В общем нет, мне не понравилось. Уж слишком прицельно автор старалась бить по эмоциям читателей - ощущения и атрофировались.

31. Имя пользователя: Fiolent

Количество отметок «понравилось»: 15

Оценка книги (из 5): 5

Книг об иммиграции, миграции и эмиграции написано превеликое множество: о переселении из бедной страны в более развитую, из маленького городка в большой мегаполис. И чаще всего в них страдания, тысячи бед, разбитые сердца и очень сомнительные happy end'ы. Я утрирую, конечно, но к произведениям об иммиграции отношусь и с интересом, и с опаской одновременно. Кимберли вместе с мамой приезжает из Гонконга в Америку, чтобы устроить свою жизнь. Их путь с самого начала не будет усеян лепестками роз, даже несмотря на тот факт, что в Америке их встретили родные, которые уже обзавелись достатком на чужой территории. Меня сразу затянула эта история. И во многом благодаря главной героине – Кимберли. Она поставила перед собой цель – выучиться и получить достойную работу. Ее ничего не остановит, а ее характер поможет ей мужественно выдержать все испытания: дом под снос, забитый тараканами и крысами, работа на швейной фабрике, бесконечные учебные программы и тщетные попытки налаживания отношений с чужой культурой. Кимберли не жалуется, не критикует никого и ничто, искренне благодарит за все возможности и уважительно относится к своему прошлому и настоящему. Она уверенно идет вперед, пытаясь сохранить в себе китайские традиции и воспитать американский характер. И действительно обладает поразительными умственными способностями. В литературе масса книг, где нам обещают суперумную героиню, чуть ли не второго гения после Эйнштейна. А на деле она вершит такие глупости, что аж стыдно за нее. Но Кимберли сумела продемонстрировать свои неординарные способности, всегда поступала логично, здраво обдумывала все поступки, сохраняя свое достоинство и уважение к окружающим. Хотя она совсем не ханжа и не серый запуганный мышонок. Ей некогда распускать нюни и бегать по вечеринкам, ведь она в ответе не только за себя, но и за свою маму. Уверена, многим читателям Ма

не понравилась из-за своей, с одной стороны, строгости, с другой стороны, неспособности защититься. Я тоже в начале книги ворчала по поводу ее раболепства перед главным антагонистом книги – своей старшей сестрой. Но потом я посмотрела на Ма под другим углом. Она ведь воспитана коммунизмом, системой, которая требует безропотного поклонения и лишает возможности развития самостоятельности. Да еще приплюсуйте категоричные азиатские манеры. Но Ма очень любит свою дочь и мечтает, чтобы та была счастлива. И неважно, будет ли она при этом богата и успешна. И эта мечта делает ее замечательной мамой. Да и Кимберли отвечала маме на ее неуверенность всегда только улыбкой и демонстрацией своей силы. Их отношения – чудесный пример отношений между матерью и дочкой. Книга радуется достойными и интересными персонажами: преданная веселушка Аннет, сумасшедший и творческий Курт и, конечно, своенравный, но потрясающий Мэтт. Хотя моим фаворитом стала Аннет, пример настоящей дружбы. Она всегда была рядом с Кимберли, поддерживала и помогала ей в самые тяжелые минуты. В ее дружбе не властвует собственное эго, требующего бесконечного внимания. Аннет прекрасно понимала, что в жизни подруги мало времени для дружбы, но много любви в сердце. В книге нам рассказывается история Кимберли с раннего детства до превращения во взрослую девушку. В самом начале девочка уделяла все внимание учебе, но с каждым годом нежные чувства в сердце становились все требовательнее. И в какой-то миг перед девушкой встал выбор, традиционный для всех женщин планеты: семья или карьера. Женские журналы активно учат нас, как одновременно быть заботливыми хранительницами очага и супер бизнесвумен. Но в реальности такие схемы не приживаются, что бы и кто бы мне не говорил. Эта история не похожа на волшебную сказку с прекрасным богатым принцем и старинным замком, жизнь Кимберли не была и не будет ванильно-розово-прекрасной, но этот факт делает книгу еще лучше и реалистичнее. В «Девушке в переводе» заложена простая мораль: «Трудись и будь собой, тогда все получится». И ты сможешь стать счастливой, хотя в твоей душе и будет горечь от прошлых неудач и бесконечные изводящие вопросы «А что было бы, если бы...». Но это жизнь, она не существует без таких терзаний...

32. *Имя пользователя: Amatik*

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 5

Хорошо там, где нас нет (с). Джин Квок написала действительно хороший, душевный, добрый реалистический роман о жизни эмигрантов и показала, каково может быть, если уезжаешь из своей страны в поисках лучшей доли. Хорошо быть ребенком, попавшим в другое государство: быстро учишь язык, быстро впитываешь культуру и нравы другого народа, быстро осваиваешься. То ли дело взрослый. Есть взрослые как дети: быстро все уладили и живут дальше. А есть такие, которые пытаются выжить. Нередко их отпрыски меняют свое детство на скорое взросление, чтобы выкарабкаться вместе со своими родителями, и забывают

о своих заветных мечтах. Как раз об этом и кое о чем еще эта книга. Прямо в сердце.
 П

33. *Имя пользователя: Nedostupnau*

Количество отметок «понравилось»: 17

Оценка книги (из 5): 5

Очень трогательный автобиографичный роман. Судьба эмигрантов, особенно из Азии, часто бывает, трудна и трагична. Но, не смотря на это, люди не перестают эмигрировать. Они переезжают в поисках лучшей жизни, а в итоге живут еще хуже, чем на родине. Как это бывает, на примерах, вы сможете прочитать в книге Квок "Девушка в переводе". Сюжет книги по-своему банален - эмиграция в Америку и проблемы с этим связанные. Мама и детеныш (как они сами себя называют) переезжают, как им кажется под крыло родственников (старшая сестра матери вышла замуж за американского китайца, который по их меркам считается успешным и богатым). Но, в итоге получают только жилье в трущобах - квартиру без отопления и стекол в окнах, но зато с множеством живности (крысы, тараканы и т.д.) и адскую работу на фабрике по производству одежды, которой управляет их новый американо-китайский родственник. Так как у них нет пока гражданства, мать как старшая в семье, считает, что даже за это она обязана в ногах валяться у своей сестры. Девочка, хоть и мала на момент переезда, но уже прекрасно понимает, что "дело тут пахнет керосином", правда в силу своего возраста пока нечего сделать не может. Так живут они безропотно много лет - работая на фабрике до седьмого пота, замерзая в своей якобы плохой, потому что дешевой квартире и выплачивая долги своим благодетелям, за возможность переезда. Девочка, которую зовут Кимберли (на американский манер) очень упорная и целеустремленная, она ставит перед собой цель хорошо учиться, получить бесплатное обучение в престижном колледже и стипендию, дабы в дальнейшем вытащить их с матерью из этого беспросветного круговорота нищеты, в котором они живут. Она прилагает много сил для осуществления своей мечты и в итоге у нее все получается, правда с возрастом и мечты меняются, а вот она не успевает это углядеть. Эта история очень зацепила меня. Этот надрыв, сопровождающий главную героиню на протяжении сюжета, заставляет ей сочувствовать и сопереживать. Концовку я бы не назвала счастливой, да и многие поступки Кимберли, которые автор нам рассказывает уже вскользь, смотря на них их будущего, спустя двенадцать лет, мне кажутся глупыми и непонятными. Но таков выбор автора и я его приняла. Книга небольшая, но емкая. Читается легко, несмотря на некоторый трагизм истории. Я бы её без стеснения советовала к прочтению.

33. *Имя пользователя: _echelon_30*

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 4,5

Я люблю книги, которые не оставляют тебя равнодушным. Это одна из них. Маленькая китайка со своей мамой эмигрировали с Гонконга в Америку, где их

ждали запредельные трудности и нищета. На плечи маленькой девочки свалилось столько проблем, что и не каждый взрослый с таким справится. Ты всем сердцем переживаешь за главную героиню, проникаешься к ней симпатией. Наблюдаешь за всей этой целеустремленностью и силой духа. Да, местами уж слишком сказочно, но здесь это простительно. Книга читается невероятно легко и заставляет задуматься. В те дни хотелось верить, что любовь — это нечто реальное и постоянное, как талисман удачи, который всегда носишь на шее. Сейчас я понимаю, что она больше похожа на струйку дыма от ароматической палочки: остается лишь воспоминание, едва заметный след аромата. Все же у меня остался неприятный осадок. Все дело в концовке. Ты понимаешь, что не везде есть happy end, что это жизнь, и нужно хоть немного быть реалистами. Но.. Возможно, я еще слишком молода и наивна, но я считаю, что нельзя ребенка лишать его отца из-за карьеры, каких-то личных сомнений и предрассудков. Главная героиня за своим успехом и карьерными достижениями упустила самое важное - любовь. Ту первую, чистую и настоящую. Пока такой конец мне не понять. Простите. Чтобы любить, деньги не нужны, и не нужно делать успешную карьеру, чтобы иметь детей и жить вместе.

34. Имя пользователя: El_nomeolvides

Количество отметок «понравилось»: 17

Оценка книги (из 5): 5

Какая прекрасна книга! Несмотря на ту тяжесть, ту тоску, которая красной нитью идет сквозь повествование, как же она мотивирует, ведь каждое предложение наполнено не только мечтами, но еще и действиями. Что такое быть эмигрантом? Что значит бежать из одной страны в другую, ожидая, что там то будет точно лучше! А что, если все совсем не так? Ведь там другой язык, другие люди, другие традиции, да много чего другого... И кто вообще сказал, что этой другой стране нужны "не свои"? Кимберли - девочка, ты меня сразила! Твое упорство, твое трудолюбие, твоя погоня за знаниями. Ты была готова не спать ночами, чтобы учиться, ты не знала какой-либо личной жизни (и это я не о мальчиках, а просто о личном пространстве) ради того, чтобы помогать матери, чтобы выжить, чтобы прокормить вас двоих в этой новой стране, которая разрушила ваши надежды при первом же случае. И как же тяжело было ее матери, ее любимой Ма, ведь Америка - это совсем не Китай, там совсем другие устои. Да и что говорить, ведь не зная языка невозможно влиться в ту культуру, которая настолько далека от родной. И даже после, после всего того, что вы смогли пережить, перетерпеть, даже после всего этого, когда ее видели на пороге дома с корзинкой овощей, принесенных в дар, потому что всегда надо отдавать долги, она так и осталась просто "эксцентричной", но никак не "хорошей соседкой". А знаете, кто раздражал меня всю книгу? Я думаю, что для тех, кто читал...это сразу понятно - это Тетя Пола. Я поражаюсь ее поступкам, ее отношению, ее гонору, ее ненависти. Может быть это была затаенная обида на то, что ей пришлось в какой-то мере пожертвовать собой, чтобы дорожка в Америку - в обитель счастья и

богатства - стала проторенной? Но неужели ее жизнь настолько потрепала, что сердце превратилось в камень? Как можно было смотреть на то, что твоя сестра погибает на работе твоего мужа? Как можно было поселить эту несчастную семью в дом, в котором царит антисанитария и зверский холод, как можно было приглашать их к себе и унижать, унижать, унижать... Эта история проникла в глубину моей души, потому что такие книги безусловно стоит читать, хотя бы для того, чтобы косвенно касаться этих проблем. Чтобы потом не стонать и не ныть, потому что очень лень идти на работу и работать по 8-12 часов, чтобы не дуться друг на друга, потому что опять не поедем на море, чтобы не требовать у родителей айфоны, потому что у всех они есть, чтобы быть благодарным тому, что есть - теплый дом, еда, книги, любимые люди. Чтобы понимать и радоваться тому, что можно просто сходить в магазин и купить себе новые штаны, а не шить из ткани, которую нашел на свалке, что придя домой не надо давить тараканов и освобождать мышеловки от трупикив грызунов, что не надо каждый раз подклеивать пленку на оконных рамах, потому что ее срывает ледяные порывы ветра. Это очень мудрая история, после нее замечаешь все те мелочи, которые делают твою жизнь комфортной, и уже за это хочется просто сказать спасибо! После нее хочется действовать! Мама и детеныш - я верила в Вас!..и Вы справились!

35. *Имя пользователя: Bukvoeshka*

Количество отметок «понравилось»: 11

Оценка книги (из 5): 5

Очень люблю книги о сильных женщинах и в ходе прочтения восхищаюсь и горжусь ими. И вот в руках " Девушка в переводе", которую настойчиво рекомендовала прочесть дочь и которая терпеливо ждала своей очереди больше года, а я все тянула с прочтением и тянула. Как выяснилось , зря... Прочиталась книга просто на ура. И сама тема была мне очень интересна (жизнь эмигрантов в Америке) и язык повествования оказался очень легким. История маленькой Кимберли просто потрясла. Удивительный ребенок с удивительным трудолюбием и волей. Оказаться в чужой стране, с абсолютно чуждой тебе культурой, практически не зная языка учиться в школе и при этом не получать помощи практически ни от кого. Даже мама ничем не могла помочь своей дочке. Мама - это вообще отдельная история в этой книге. Такое было ощущение, что у этой дамы не все в порядке с головой. Мало того что, не зная, что ее ждет в Америке, не зная языка она потащилась с маленьким ребенком в чужую для нее страну, попав в неприемлемые для них условия , аккуратно сложила ручки и поплыла по течению. Гроши платят за работу? Значит так надо. В квартире невозможно жить? Будем надеяться, что дома снесут и нас переселят в другое жилье. И так практически во всем. Не было даже попытки как-то изменить положение. Даже чертов язык не смогла выучить ради того, чтобы получить гражданство. Тогда для чего ты покидала свою страну и на кого надеялась? Некоторые моменты показались сказочно неправдоподобными - как без гражданства, на практически нелегальном положении девочка все же сумела

получить возможность обучаться в лучшей школе Нью - Йорка? Для меня это осталось загадкой. Но, тем не менее, книга очень хороша.

36. *Имя пользователя: Argon_dog*

Количество отметок «понравилось»: 16

Оценка книги (из 5): 4

«Девушка в переводе» – книга действительно интересная, но интересная в первую очередь своей биографической составляющей. Не художественной – она на самом деле не может похвастаться какими-либо достоинствами по части сюжета, языка или смысловой нагрузки – а именно биографическими. Достоверными до самой последней буквы. Этакая короткая экскурсия в жизнь иммигрантов в Америке, которые приехать-то приехали, да – вот беда! – жить по-новому так и не начали, попросту не смогли приспособиться к новой жизни. Вот и пришлось их детям вырасти рано и взваливать все на себе. Главной героиней в этом плане можно только восхититься...

37. *Имя пользователя:* -

Количество отметок «понравилось»: -

Оценка книги (из 5): -

Кимберли для меня во всех смыслах сильная личность, сильная девушка. Она не могла надеяться ни на кого, кроме себя. В незнакомом городе, без каких-либо средств к существованию, в нежилых условиях, без поддержки. Даже не смотря на все невзгоды, которые сопровождали долгое время ее и ее маму, она не сломалась под грузом ответственности за будущее; ведь она отвечала не только за себя, хотя на тот момент, когда приехала в Нью-Йорк, была всего-лишь подростком. За свое трудолюбие, за все, чего была лишена все это время, она была вознаграждена. И меня "отпустило" это гнетущее чувство, щемящее сердце. То, чувство, которое приходит, когда видишь людей на улице, бабушек, торгующих зеленью на остановках, пытающихся заработать лишнюю копейку на жизнь. В полной мере невозможно понять то, в каком мире жили мать и дочь. Не в бедности, в нищете, но с трудолюбием и гордостью восточного человека, душевное устройство которого отличается от нашего во многих аспектах. Это не может не восхищать, не воодушевлять, не мотивировать. Еще одной частью истории является Мэтт. Человек, который занимает не последнее место в сердце А Ким. И всегда будет там. Не всегда в жизни складывается все так, как мы хотим. Нельзя иметь все и сразу. И эту истину познаёт А Ким на своем примере. Даже представить невозможно, как она смогла разорвать свое сердце на части, покинув жизнь Мэтта, попутно "выбросив" ту часть сердца, которую занимал этот парень, в мусорное ведро. Я не могу судить, правильно ли поступила она, оставив ребенка. Это дело судьбы, ее повороты. Невозможно было предугадать, сложится ли хорошо все в жизни А Ким, если она оставит ребенка. Не потеряет ли то, над чем так упорно трудилась все эти годы? А ведь это могло произойти в один миг. Но все сложилось иначе. И, если подумать, могло ли все сложиться лучше? Я более чем уверена, что если бы Мэтт

и А Ким остались вместе, то он чувствовал бы себя угнетенным, так как считал, что он должен содержать семью, как настоящий мужчина. Мэтт и А Ким, не то чтобы разных уровней по благосостоянию, нет. На тот момент это было не так. Они на ментальном, моральном и душевном уровне не подходят друг другу. И любовь тут не причем. Таким людям, как А Ким необходимо развиваться, идти вперед и не останавливаться на достигнутом. Мэтт же будет счастлив, имея всего-лишь крышу над головой в виде квартиры, кишасей тараканами и миску горячего супа. Разные взгляды на жизнь, вот что это такое. И этого у человека не отнять. И каждый из них по-своему будет прав. И каждый из них будет счастлив именно в том мире, в котором хотел бы жить. "В те дни хотелось верить, что любовь — это нечто реальное и постоянное, как талисман удачи, который всегда носишь на шее. Сейчас я понимаю, что она больше похожа на струйку дыма от ароматической палочки: остается лишь воспоминание, едва заметный след аромата."

38. Имя пользователя: Doe Jane

Количество отметок «понравилось»: 13

Оценка книги (из 5): 5

Работа "ридером" в издательстве, хоть и недолгая, научила меня обращать внимание на подобные книги, которые я обычно не особо любила, так что когда мне предложили эту книгу в годовом Флэшмобе, я согласилась, что года три назад могла бы и не сделать. Это действительно вдохновляющая история: не восхищаться Ким невозможно. Единственное - как бы я ни пыталась предъявить претензии матери, у меня ничего не вышло: Анна Коростелева немного научила меня понимать восприятие и культуру Китая. Да и сама она все понимала, просто у нее "стержень" другой. Мне книга досталась в аудио, начитанном с положенным акцентом (у меня вообще в этом году сплошная школа акцентов: то валлийский, то "глубокоанглийский", то вот китайский), что только добавило книге реалистичности: получилось такое полудокументальное кино. На ту же чашу весов легла и любовная история Ким и Мэтта: несмотря ни на что, закончилось все очень правильно, и Ким была абсолютно права по поводу себя и него. Очень приятно знать, что, несмотря на обилие автобиографических элементов, у автора все сложилось по-другому. Мне также были интересно всякие культурно-бытовые особенности и различия: каково иностранцу с плохим знанием языка учиться в американской школе и в колледже, как вообще чувствует себя студент-иммигрант в подобной ситуации и как он воспринимает эту чуждую ему культуру. Как, с другой стороны, воспринимают мир китайцы, что означают их обряды и какой смысл они вкладывают в те или иные слова и поступки. Хорошая книга.

39. Имя пользователя: DzeraMindzajti

Количество отметок «понравилось»: 21

Оценка книги (из 5): 3

Только прочитав книгу до конца, я решила заглянуть в биографию автора. Оказалось, что книга во многом автобиографична. Это немного изменило как мое

восприятие книги, так и оценку. Итак, вот что мы имеем. История жизни китайской девочки-иммигрантки в Нью-Йорке. Книга читается легко и быстро. Мне особо понравились выделенные курсивом слова, которые в самом начале не совсем верно понимала Кимберли, а также то, как автор описывает остальные трудности в жизни девочки, вызванные языковым и культурным барьером. О Кимберли. Это усидчивая девочка, ребенок-борец, которая, несомненно, заслуживает уважения. Ведь, имея столь нетвердую почву под ногами, сложно просто выстоять, не сломаться. Не говоря уже о том, чтобы добиться успехов в жизни. Но, не только усидчивость и ум сыграли свою роль. Велика роль и банального везения, "фарта". Ведь далеко не каждому выдающемуся ребенку попадаете на пути так много хороших людей, которые помогают бескорыстно: это и директор, которая помогает поступить в дорогую школу совершенно бесплатно; и подруга, желающая помочь и поддержать (другое дело, что сама главная героиня не хочет с ней делиться своими проблемами); мать подруги, которая сразу же помогает найти новое жилье; одноклассник, а позже друг и поклонник, рассказывающий правду о шпаргалке и готовый поддержать во всем. О матери. Слишком много вопросов у меня вызывает позиция и поступки матери главной героини. Она переезжает в чужую страну с малолетней дочерью, но при этом не делает ничего, чтобы изменить свою жизнь. Чем ее жизнь в Штатах кардинально отличается от жизни в Гонконге? Да ничем! Что же эта женщина делает для того, чтобы изменить свою жизнь и, самое главное, жизнь своей единственной дочери? Она не потрудилась выучить язык, сразу признав, что, видите ли, ей он не дается. Ведь известно, что разговорный английский можно без проблем выучить за пару месяцев, а она не в состоянии даже за покупками сходить вне китайского квартала. Как следствие, мать проваливает экзамен на получение гражданства. Она не пытается найти какую-нибудь другую работу. Ни за что не поверю, что во всем Нью-Йорке не нашлось бы работы, которую она смогла бы выполнять сама. Еще не понимаю, почему Кимберли и ее мать семь долгих лет живут в столь ужасной квартире без отопления, кишасей тараканами и прочей не самой приятной живностью, но при этом не предпринимают никаких попыток вырваться оттуда, не считая того, что несколько раз спрашивают у тетки, как долго это будет продолжаться? Откуда подобное смирение? Зачем? Почему? А потом, буквально в одночасье, они резко меняют свою жизнь. Почему нельзя было сделать это раньше? Ведь получилось же! А зачем она все эти годы закрывала глаза на свинское отношение своей старшей сестры, не раз продемонстрировавшей свое истинное лицо? Семейные отношения – это, конечно, святое. Но ведь во всем надо знать меру! Как итог, вместо того, чтобы хоть как-то попытаться изменить жизнь своей семьи к лучшему, эта женщина лишь ждет того, что ее дочь повзрослеет и вытащит их обеих из столь ужасных условий. При этом она не забывает регулярно напоминать дочери о тех непомерно больших ожиданиях, которые возлагает на ребенка, коим, несмотря на не свойственную детям сознательность, является Кимберли. Как следствие – конец книги. И, думаю, главная героиня еще относительно легко отделалась... Кстати, конец книги, на мой

взгляд, весьма удачен. Хэппи энд был бы притянутым за уши и испортил бы все впечатление от книги.

40. Имя пользователя: 131313

Количество отметок «понравилось»: 34

Оценка книги (из 5): 4

Сложно. Книга понравилась, даже очень, но некоторые моменты раздражали, вызывали вопросы, да и с оценкой колебалась. Люблю подобные истории о выборе, сильных людях, пути к мечте, о эмиграции, жизни на чужбине, культурном шоке и.т.п. Всего этого добра в книге хватает. Судьба Кимберли безусловно впечатляет, цепляет. Сила её духа, выносливость, целеустремлённость, упорство, невероятные способности к учёбе - всё это вызывает уважение и даже восхищение. Я считаю, Кимберли абсолютно заслужила всего того, чего достигла в жизни. Это плод её труда, умственного и физического, но и определённая доля удачи тоже сыграла свою роль. Я знаю, как сложно поверить в себя и идти к своей мечте, когда ты чужак, не такой как все, в незнакомой и непонятной среде. А у Ким помимо этого хватало и более насущных проблем. Девочка делала, что молга, выкладывалась по полной программе. И работала, и в школе показывала потрясающие результаты, и заботилась о своей матери так, как матери следовало бы заботиться о дочери. Здесь я подхожу к пункту, вызвавшему наибольшее недоумение. Мать Кимберли. "Мама и детёныш", как она любила повторять. Ещё большой вопрос, кто в этой паре был мамой, а кто беспомощным детёнышем. Я могу понять мать, взрослым людям особенно тяжело привыкать в новой культуре, осваивать язык и так далее. Тем более, когда речь идёт о переезде из Китая в Америку. Но и здесь у меня к маме Ким куча вопросов. Почему решились на переезд - об этом я не спрашиваю. Мотив пусть и играет большую роль, но есть вещи поважнее. Это не было спонтанной акцией, конечно же, а планировалась заранее, ни один год. Так почему же за это время мама не могла хотя бы на минимальном уровне постараться освоить английский язык? Или он настолько "не шёл" у неё? Всякое бывает, конечно. Но если очень постараться, можно научиться хотя бы примитивным, элементарным выражениям, без которых ну никак. То же самое касается культуральных различий. Они совершенно ничего не знали о стране, в которую собрались уехать навсегда. Просто прыжок с вышки, с закрытыми глазами и связанными руками-ногами, в ледяную воду. Ладно. Приехали, начали новую жизнь. Теперь-то уже нужно изо всех сил постараться освоиться и подружиться со страной, языком, местными порядками и укладом жизни. И если Ким, тогда ещё ребёнок, девочка-подросток, это поняла, то мама - нет. Она не могла постоять ни за дочь, ни за себя. Мало того, дочь оказалась в положении палочки-выручалочки, она взяла на себя функции главы семьи. После школы бежала на фабрику, помочь маме. Хорошо ещё, что учёба ей нравилась и давалась ей легко, не смотря на первоначальные проблемы с языком. А ужасные условия жизни и работы, которые Кимберли с мамой смиренно приняли, долгие годы не пытаюсь ничего изменить! Нет, Кибмерли хотела, и маме предлагала найти другую работу, приличное жильё, перестать бояться тёти Полы

и поставить интересы и благополучие свои и своего ребёнка выше родственных связей и чувства долга, совершенно неуместного если учесть поведение тёти. Просто уму не постижало, как мама и детёныш существовали в той "квартире". Это же просто ад! И как они выживали на крохотную плату, получаемую на фабрике тёти Полы. И ведь можно было что-то предпринять гораздо раньше. Конечно, тяжело качать права и возмущаться, когда ты растерян, потерян, в чужой и чуждой обстановке и не знаешь языка. Но всё равно, попытаться можно было. Счастье, что у Ким была верная, добрая подруга Аннет - лучик света, поддержка. Дальше пару строк, в которых притаились спойлеры. О выборе Ким. Про любовь (куда же без неё?) и про выбор. Могла ли Ким поступить иначе? Стала бы она от этого счастливее? Как сложилась бы её жизнь, прими она решение сердцем, а не разумом? А Мэтт, стал бы он счастливее рядом с Ким или же несчастнее? Скорее всего, ничего хорошего из их союза не вышло бы. Их ждала вечная борьба между её амбициями, стремлением к знаниям и самореализации, и его желанием быть главой семьи, основным добытчиком, и видеть Ким дома в Чайнатауне, у плиты, с весело играющими рядышком детишками-карапузами. Ни он, ни она не смогли бы сломать себя и уступить, я так думаю. Но не факт, не факт. Когда жизнь ставит человека перед таким сложным, судьбоносным выбором, нужно всё обдумать и взвесить (или послушать своё сердце, что кому ближе), сделать этот выбор, выдохнуть и больше не возвращаться к мыслям о том, что было бы, пойдя я по другой дороге. Возможных вариантов развития событий множество, и гадать что да как - просто терзать себя без всякой пользы.

41. Имя пользователя: Soerca

Количество отметок «понравилось»: 31

Оценка книги (из 5): 5

Великолепная книга. Действительно сильная и стимулирующая. У нас часто люди любят порассуждать - как хорошо жить за бугром. А вот каково там на самом деле мало кто задумывается. И еще меньше задумываются о том, каково там другим людям, не таким как мы. В этом плане пример А-Ким очень показателен. Ярчайший образец целеустремленности и собранности. При такой колоссальной разнице культуры, воспитания. Да вообще почти всех важных понятий суметь поднять себя из полнейшей дыры. Вырваться из жизни в заброшенном под снос здании к жизни успешного специалиста, живущего в прекрасном районе города. Путь, который шаг за шагом проделала и описала Кимберли, не может оставить равнодушным. Этим человеком невозможно не восхищаться. Эту книгу хорошо давать подросткам при переходе в старшие классы и потере жизненных ориентиров. Ее нужно читать всем, кто считает что ему что-то не по плечу и это невозможно сделать. Эту книгу нужно... да просто нужно читать. Она этого более чем достойна. Очень понравился стиль. Особенно когда вставлялись слова не так как мы привыкли их слышать и понимать, а так как они слышатся и понимаются героине. Это позволяет полностью погрузиться в атмосферу. И тем более пронзителен для меня и моей, полной надежд, души стал конец. Он был по своему хорош. Но такой...

42. *Имя пользователя: Arsenii_Velikolepnoi*

Количество отметок «понравилось»: 12

Оценка книги (из 5): 5

Перед тем как взять в руки книгу я обычно читаю про что она, потом я читаю отзывы, а потом смотрю на автора. В этот раз я решила не читать ни отзывов ни рецензий, только посмотрела на автора и подумала: -Хмм, она из Гонконга, наверное меня ждет интересное чтение. С первой строчки пролога я поняла- с этой книгой я не ошиблась. Читается она на удивление легко, а смысла в ней очень много. Сюжет интересный и переживала я за Кимберли больше чем за героев из Властелина Колец. Но поговорим же обо всем по порядку. Кимберли с Ма (мамой) приезжают в Бруклин и пытаются выжить. Именно выжить. Они в долгах и работают с утра до ночи на фабрике что бы заработать на еду и на одежду. Условия их жизни вряд ли можно назвать человеческими. Кимберли старается учиться на отлично изо всех сил, учитывая еще то обстоятельство, что она не знает языка и у нее нет друзей кроме Аннет. В общем сюжет сам по себе не нов, но я думаю каждый человек должен прочесть эту книгу. Книга о том, чего можно добиться если захотеть. Книга о том, как маленькая девочка которая обливалась потом на фабрике летом и замерзая в квартире без окон зимой - выжила, и еще стала одной из лучших учениц в школе, а в дальнейшем еще и в средней школе. Книга мне попала как раз в тот момент когда у меня было довольно плохое настроение, но прочитав ее я поняла- все мои проблемы решаемы и из любой ситуации есть выход, главное не сидеть на попе ровно. Не ищите в этой книге большой любви и подростковых страданий. Эта книга о сильной девушке, которая не сломалась и смогла пробиться в жизнь. 10\10

43. *Имя пользователя: mary_sand*

Количество отметок «понравилось»: 31

Оценка книги (из 5): 2

Судя по всему, за последние годы в США случился бум китайско-иммигрантской литературы, повествующий в разных формах а) о нечеловечески сложной жизни свежеммигрировавших китайцев, б) об их нечеловеческой же работоспособности, в) о яркой одарённости некоторых из них и г) о том, как они в результате добились успеха. Смешать четыре компонента, приправить love story, и успешная книжка, расходящаяся миллионными тиражами, готова. До нас эта волна докатывается, похоже, в виде отдельных представителей, уж не знаю, по какой логике выбранных. Не уверена, что по признаку качества. Потому что, в частности, "Девушка в переводе" абсолютно бездарна. Но, что самое интересное, не абсолютно безнадёжна. Что здесь хорошо? Пожалуй, непробиваемое упорство главной героини и её дорогой Ма. Я бы даже сказала, что гвозди бы делать равняться бы надо на таких людей, если бы не всякое разное. Примерно следующее. Первый вопрос, который глыбой встаёт между читателем и авторкой: "Дорогие, за каким чёртом вы вообще попёрлись в чужую страну, не зная языка, законов и

обычаев?" Первый и основной вопрос, на который авторка так ни разу и не дала ответа. А хочется очень, потому что воспоминания о золотом детстве в почти благостном Гонконге неизменно полны ностальгии и сожалений: мама учительница музыки, сама Ким - первая ученица в школе, главная беда - перебои с горячей водой. Как бы это повежливее. Я искренне готова поверить, что причины были. Но не знакома с китайскими реалиями, а потому была бы признательна авторке, если бы та ввела меня в курс дела. Второй вопрос. Какой тип визы был у наших мамы с дочкой? Тут мы затрагиваем очень интересную тему. Пожалуй, даже не одну. Я не большой копенгаген в этих вопросах, но на данный момент въезд в США разрешён по нескольким типам виз. В1/В2 - туристическая (плюс туда же всякие конференции и переговоры), L1 - рабочая, привязанная к работодателю, Н1В - рабочая без привязки к работодателю. Есть, наверное, что-то ещё, но, как уже было сказано, я не большой здесь специалист. Однако даже на основании этой известной мне информации вопрос о типе визы представляется одним из решающих. Если это виза туристическая, то как получилось, что семейство Чанг просидело в стране так долго? Туристическую визу не открывают на семь лет. Кроме того, то, что героини существуют в стране легально, подтверждается учёбой Ким в школе, а также фактом заполнения ею налоговых деклараций. Если это Н1В, то откуда взялась такая мёртвая привязанность к работе на очевидно полуполюгальной фабрике? Если L1, то каким же магическим образом удалось в результате с этой фабрики уйти и устроиться в другое место? Намекаете, что захудалая ювелирная мастерская в Чайнатауне делает своим сотрудникам рабочие визы? Не верю. Даже допуская, что визовые реалии в девностых отличались от теперешних, мне всё равно катастрофически не хватает данных для того, чтобы делать хоть какие-то выводы. Казалось бы, для чего мне эта информация и выводы? Не поверите, чтобы оправдать семейство Чанг. Потому что я вижу только три причины тому, что они семь лет сидели на попе ровно в своём предназначенном на снос доме, на своей полуполюгальной работе с нищенской зарплатой, не пытаюсь даже пальцем пошевелить, чтобы хоть как-то своё теперешнее положение улучшить. Первое. Они законченные дуры. Особенно мама. Второе. Они оказались в какой-нибудь законодательно-визовой западне. Третье. Традиционное китайское "хорошее воспитание" вредно для здоровья. И вот если бы авторка хотя бы заикнулась об их фактическом правовом положении, то я бы сразу перешла к пункту три и успокоилась. Но поскольку никакой информации на этот счёт не поступало, то остаётся простор для пунктов один и три. И моя злость на авторку за сокрытие реально ключевой информации провоцирует сосредоточиться на пункте один. Но "они идиотки" - это не интересно. Поэтому оставим сие предположение в сторонке и перейдём к пункту три. Итак, "хорошее воспитание". Единственное оправдание, которое я могу найти абсолютно идиотическому, с моей точки зрения, поведению душеньки Ма - это мёртво вбитое то самое "хорошее воспитание". Т.е. абсолютное доверие к родственникам и приятелям, неизменная диаспоральность, отсутствие навыка добывать и проверять информацию, подспудная вера в то, что кто-то непременно объявится и спасёт, и всё это помноженное на заведомую уверенность

в неудаче. По пунктам. Ма и Ким были вывезены в США тётёй Полой, сестрой Ма, и её мужем. Предварительно эти святые люди (к которым я позже непременно вернусь) оплатили лечение Ма от туберкулёза. В результате Ма остаётся должна тётёе Поле деньги за лечение, визу и переезд. А также, понятно, неоплатный долг за возможность жить в "стране возможностей", простите за тавтологию. В счёт первого долга из зарплаты Ма и Ким ежемесячно вычитается некоторая сумма. Внимание, вопрос: сколько конкретно зелёных американских долларов на момент начала работы должны тётёе Поле Ма и Ким? Как вы понимаете, нам этого не сообщают. Причём я не удивлюсь, если Ма даже не догадалась узнать, сколько конкретно должна сестре. Типа, та будет вычитать из зарплаты до тех пор, пока долг не окажется выплаченным, а потом всё станет хорошо. В одну кучу мешаются обязательства материальные и обязательства моральные. В результате мы имеем бесконечное выплачивание бесконечного долга, каковое имело все шансы растянуться на целую жизнь. Ким неоднократно предлагает Ма поискать другую работу. Та отвечает, что говорила с другими работниками фабрики: везде всё одинаково, так что даже и пробовать не стоит. Какие-то люди, которые, конечно, лучше всех знают, как обстоят дела с рынком рабочих мест в Нью-Йорке, сообщают, что работы нет. И это повод даже не пытаться найти работу. Уверенность в том, что ничего не может получиться в принципе, даже и пробовать не стоит. Ну разве что тётя Пола с барского плеча отсыплет ещё чуть-чуть благоденствий. Та же история с квартирой. Мы будем жить в доме, предназначенном под снос, в квартире без отопления и с выбитыми стёклами, платить за аренду этого "жилья" тётёе Поле, но даже не попробуем узнать, сколько стоит снять нормальную квартиру. Потому что нам по умолчанию понятно, что это запредельная сумма, которая нам не по карману. Поинтересоваться хотя бы порядком цен - нет, это заведомо бессмысленно. Тётя Пола - единственный благодетель. Хреновый, конечно, но какой уж есть. Мы будем плакать, колоться, но продолжать жрать этот горький зелёный кактус. Сломалась плита - единственный источник тепла в доме? Конечно, надо позвать "своего" китайского мастера, который пускай раскрутит всё на запчасти, бросит так, да ещё и попытается обобрать. Зато свой. Почему, собственно, меня так занимают все эти проблемы? В них - отражение среднего человека, привыкшего надеяться на обстоятельства и верящего, что если упорно долбить лбом кирпичную стену, в ней непременно рано или поздно появится нора для выхода. Но не соображающего оглянуться хотя бы по сторонам и посмотреть, нет ли рядышком удобной двери. Учитывая, что сама зачастую веду себя подобным образом, проблема переходит из разряда умозрительных в категорию совершенно прикладных и личных. Почему, спрашивается? Из опасения потерять лицо перед незнакомым и равнодушным человеком? Да ему всё равно, он через пять минут забудет. Да и вообще, с каких это пор просьба совета или попытка узнать что-то новое становятся потерей лица? Чего страшного в том, чтобы просто оглянуться вокруг и просто поискать, оценить возможности? Не по Сеньке шапка? Ну и ладно, зато сделала всё, что могла. Новая страна - это миллион возможностей именно научиться новому. Зачем иначе туда ехать, если не попробовать хоть одно из

миллиона? Что за привычка сидеть на попе ровно и ждать манны небесной, сетуя на судьбу и обстоятельства? Здесь-то всё, допустим, хорошо. Исключительно благодаря выдающимся способностям Ким. Реально повезло. Будь она чуть менее талантлива, так и провели бы мама с дочкой всю жизнь за раскладыванием юбок по пакетам. Здесь настолько в результате всё хорошо, что понадобилась история несчастной любви, чтобы всё-таки не совсем happy end. Нельзя же, чтобы без красивого мальчика, иначе не интересно читать будет. Я уж не знаю, был тот мальчик на самом деле (если вообще вся история случилась на самом деле) или всё-таки его для красоты и дополнительного соблазна вписали, чтобы героиня победила не только жестокосердную тётю, бессердечный мир и злые обстоятельства, но ещё и неземную любовь. Но, что характерно, посыл оказался верным. Девочка выбрала себя, за что я и ей, и автору весьма и весьма благодарна. Отечественный писатель непременно бы привязал героиню к плите и написал, как она стала счастлива в замужестве. Зарубежная писательница, впрочем, тоже не пожалела розовой краски, но хотя бы без кухни, борщей и самопожертвования по имя мужа. Ах да. На минутку всё-таки вернусь к тётё Поле. Потому что в тех редких эпизодах, когда она под ручку с мужем или сыном вступала на подмости, мне начинало казаться, что я читаю первую главу "Гарри Поттера" про Дадли Дурсли и его родителей. Настолько же нелепо и настолько же неправдоподобно карикатурно. Что характерно, я легко могу поверить в самые странные проявления человеческой природы. Достаточно просто - сюрприз! - достоверно о них написать. Джин Квок не сумела. Она вообще, похоже, особенными литературными талантами не обладает. Ну, просто в такой книге надо было либо на психологизм и подноготную человеческой натуры давить, либо убивать фактами. Фактов, как уже выше было сказано, мало, причём отсутствие некоторых выглядит просто-напросто замалчиванием. А для психологизма и препарирования человеческих душ всё-таки надо что-то большее, чем гениальная Ким, добрая беспомощная Ма, красавчик Мэтт и злыдня тётя Пола. Резюмируя. Книга плохая. Изобилующая какими-то бессмысленными препятствиями, которые герои сперва сами себе возводят, а потом с упорством, достойным лучшего применения, преодолевают. Бедным и скучным языком написанная. Выезжающая только на выдающихся способностях главной героини к учёбе. И при этом напищенная таким количеством человеческой зашоренности, что прямо душа радуется. Зато читается очень быстро и легко, хотя местами слегка и брезгливо (не там, где тараканы, если что, а там, где вечная любофф). Тем удивительнее, что меня зацепило. Наверное, потому что наступили на большую мозоль. Мораль. Хватит жрать кактус. Оглянись по сторонам: может, в двух шагах растёт самая вкусная в мире морковка, а ты, занятый выдираньем колючек из дёсен, её тупо не замечаешь. Да, в конце концов, кактус от тебя уж точно никуда не денется вместе с ненаглядными колючками, всегда сможешь к нему вернуться.

44. Имя пользователя: lozowaia

Количество отметок «понравилось»: 11

Оценка книги (из 5): 5

Насколько мы умеем ценить то, что есть у нас сейчас? Крыша над головой, вкусная еда, гаджеты, книги, возможность поехать куда-то, новая одежда, развлечения? Все материальные блага, которые нас окружают? Мы начали воспринимать это как должное, само собой разумеющееся, зачастую забывая, что у большинства людей нет элементарного комфорта для жизни. Из-за смерти отца Кимберли с мамой пришлось переехать в Америку, устроиться на копеечнооплачиваемую работу на фабрике одежды, жить в доме под снос с пакетами на разбитых окнах, спать под одеялами, сшитыми из коврового покрытия. Кимберли решает во что бы то ни стало вытащить свою семью из крайней нищеты и добиться успеха. Девочка представляет из себя просто образец целеустремленности, выносливости, преодоления препятствий, несмотря ни на что. Читается легко, непринужденно, за один вечер, хотя конец мог бы быть и понеожиданнее.

45. Имя пользователя: AlenaKvasik

Количество отметок «понравилось»: 12

Оценка книги (из 5): 2,5

Порой истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили....

Как только я взяла в руки книгу, она мне понравилась. Девочка переехала с мамой в другую страну, вынуждена помогать на фабрике и привыкать к новой школе, к новым правилам, к новой квартире и к тому, что она кардинально отличается от своих сверстников. Но потом книга переросла в некую историю о китайской золушке. Только в роли принца здесь престижная работа, а вместо бала поступление в один из самых престижных университетов в Америке. Мама свалила заботы о светлом и перспективном будущем на дочь, а сама решила сесть и ждать когда же оно настанет. А Ким тем временем пытается и на фабрике помогать ей, и в школу престижную поступить, и в библиотеке подрабатывать... Нет, ну я все понимаю - дочь помогает маме, дети это будущее родителей, но родители обычно при этом хоть как-то содействуют этому будущему. Живя столько лет в Америке мама так и не смогла выучить язык и сдать экзамен на гражданство. Да, жизнь у них не то что тяжелая, она просто на грани, но как взрослый человек может таким трудом зарабатывать эти деньги, и так бездумно отдавать их (собственной сестре) за аренду убогой квартиры, в которой и жить-то не возможно?

В общем, Ким учиться просто на высочайшем уровне в престижной школе и резко в неё стали влюбляться все мальчишки... а сама она сохнет не первый год по Метту и только ноет, что её сердце болит, что он один ей нужен и т.д. И тут происходит первый поцелуй с Меттом, и вместо того, чтобы хотя бы поговорить с тем, кого Ким любит столько лет, она просто отстраняется. Я сомневаюсь, что в Китае у людей не принято говорить о своих чувствах и о вообще о том, что происходит. Меня очень удивило то, что их первый секс происходит именно в этот момент, когда у Метта умерла мама?! У него ведь горе! Автор, Вы серьезно? Под конец Ким всё таки вытянула семью из нищеты, но не смогла своими

потрясающими мозгами понять, что Метт любил её и ребенок наоборот сделал бы его еще счастливее. Но нет, она просто снова ноет, что он не был счастлив с ней, что ребенком она его только привяжет к себе, что ему нужна другая жизнь и т.д. Так и хочется сказать: Ты спросила его об этом? Когда действительно любишь человека, то можно найти выход, компромисс. Если ему так важно быть кормильцем в семье, помоги ему выучиться; если любишь, то расскажи о том, что у него есть ребенок, а не убегай. И как итог после 12 лет у Ким успешная карьера, сын, который без отца растёт, хороший дом, мотоцикл, а в сердце-то как? По-прежнему любит человека, которого сама же и прогнала из своей жизни, хотя клялась, что нужен ей, что любит... Я конечно верю в happy end и они нужны мне, но не такие. История любви просто ужасно несправедливая и печальная, а история успеха неправдоподобная и тоже печальная. Нельзя выбирать карьеру выше любимого человека, это не правильно, как по мне. Не Ким должна была карабкаться вверх, а её мама. В конце счастлива только Ма и сын Ким, а сама Ким и Метт любят друг друга, но так и не будут вместе никогда. По мне, так ужасный конец...! Кинга о мечте и стремлении к ней. И по началу всё выглядит действительно правдоподобно, но ближе к концу книга не вызывала такого же чувства. Она превратилась в сказку, в которой делается выбор в сторону карьеры.

46. Имя пользователя: Roni

Количество отметок «понравилось»: 27

Оценка книги (из 5): 4

Честно говоря, хотела поставить 5 звёзд. И совсем уже было собралась. Но передумала. Восхищаюсь героиней: её бешеной, железобетонной, несгибаемой волей. В моём организме такого не наблюдается совершенно. Посему я надеялась на эту книгу как на мотивационный пинок. Однако. Сегодня во мне проснулся моралист. Ханжа быть может. Мне всё испортила концовка. Всётки я твёрдо верую в изречение Русского радио: "У ребенка должен быть отец, или хотя бы велосипед". Вот и думай нужна ли тебе эта твёрдая воля, когда она распространяется не только на работу, но и на личную жизнь и превращается в баранью упёртость и абсолютную уверенность в своей собственной правоте. Не знаю, не знаю. Этот пинок по мне, к сожалению, не попал, посему я продолжаю ехидно возлегать на диване.

47. Имя пользователя: Obright

Количество отметок «понравилось»: 16

Оценка книги (из 5): 5

Иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили.

Книгу прочитала на одном дыхании. Вчера вечером начала, а сегодня с самого утра просто не могла остановиться. Затянуло. Не знаю насколько история реальна, но почему бы и нет, такое вполне могло быть на самом деле. В чем-то я была согласна с главной героиней, в чем-то нет, но она молодец, что справилась, преодолела все сложности и добилась своего. Только вот насколько правильно она

поступила с Мэттом, хотя даже не с ним, а со своим сыном. Понятное дело, что люди настолько разные не были бы счастливы, но имела ли она право лишать ребенка отца? Ведь, в конце концов, они могли бы просто общаться. Но это все психология и частный случай. Все-равно книга мне очень понравилась, давно не читала ничего подобного, чтобы прям хотелось поскорее узнать чем закончится и в то же время наслаждаться каждой строчной.

48. Имя пользователя: memory_cell

Количество отметок «понравилось»: 12

Оценка книги (из 5): 5

В этой книге я открыла для себя секрет экономического чуда, случившегося и продолжающегося по сей день в Китае! Секрет – в таких вот «девушках в переводе» и юношах, в их светлых головах и немыслимой трудоспособности. Правда, чудо в Китае совершили другие юноши и девушки, а Ким Чанг с мамой как раз накануне этого чуда убежали из присоединяемого к Китаю Гонконга в Америку. Что нашли они в стране всеобщего благоденствия и великих возможностей? Конуру без отопления с крысами и тараканами. Пыльный, пышущий паром ад подпольной швейной фабрики. Рабский труд за копеечную зарплату для обеих. Метро до фабрики и обратно – 100 упакованных юбок, 59 юбок – тетрадка, двадцать тысяч юбок - никогда не купленная Ким лыжная курточка. Справедливости ради надо сказать, что это – не Америка, ведь в Америку они по сути так и не приехали. Это - Чайнатаун, в который «заботами» родни угодили мама с дочкой, и эта родня много лет делала все, чтобы они не мыслили даже выйти за его пределы и оставались рабами. Растерянная, слабая, повязанная традициями и воспитанием мама, не способная постоять за себя и дочку перед собственной сестрой, даже не пытающаяся выучить язык и высунуть нос хотя бы на Манхеттен... Все взяла на себя Ким, одиннадцатилетняя девочка, решившая бороться, вырваться и вытащить из этого ада мать. У нее был только один путь наверх – учиться. Плохо одетая, необщительная, вечно уставшая и часто замерзшая, она самоотверженно (именно так!) училась. Училась так здорово, что через год после приезда эта "китаеза" была принята на бесплатное обучение в одну из лучших частных школ Нью-Йорка – беспрецедентный случай. А через семь лет Ким получила из Йеля письмо о своем зачислении в колледж и предлагаемой стипендии. Спросите у тридцатилетнего врача-кардиохирурга с гарвардским дипломом Кимберли Чанг, чем заплатила она за успех и о чем жалеет сейчас... Или не жалеет? Герои этой не книги - не первые и не единственные, кто, решившись на эмиграцию, не решается делать это независимо от родственников и соотечественников, оказавшихся там раньше них. А родственно-дружеские узы часто оказываются сетями и даже цепями. Мой сокурсник, уехавший в «лихие» 90-е в США через год едва унес ноги и остатки сбережений от родни из Бруклина со словами: «Для того чтобы жить в Бобруйске, не надо было ехать в Штаты!» . И начал все заново на противоположном конце Америки.

49. *Имя пользователя: postu*

Количество отметок «понравилось»: 24

Оценка книги (из 5): 4,5

Хорошая книга! Пробираясь через кипы неинтересных, наконец натыкаешься на что-то если не захватывающее ум, то трогающее сердце. Устоять твердым, как камень, перед этой незатейливой, но очень жизненной историей почти невозможно. Кимберли, будучи еще маленьким ребенком, бежит с матерью из Гонконга в Нью-Йорк, надеясь на новую лучшую жизнь. Вместо того, чтобы помочь, сестра устраивает их на свою фабрику работать за гроши, вместо нормальной квартиры поселяет их в нечеловеческие, вместо нормального отношения они видят только презрение и насмешки. Если бы Кимберли не обладала таким умом и целеустремленностью, эта история могла бы быть намного грустнее и беспросветнее. Я не смотрела на главную героиню свысока, не обижала ее высокомерным сочувствием, а просто от всей души понимала. Конечно, переезжать в другую страну всегда сложно, особенно не зная языка, но и в границах своей страны переезд иногда может обернуться не самым лучшим образом. Так получилось и со мной. Одна только мама, маленькая сестра, убогие квартиры, полное отсутствие денег на что-то, кроме дешевой еды, насмешки одноклассников. Но для меня все закончилось хорошо. Надеюсь, что так же будет для сотен тысяч таких же Кимберли по всему свету. Главное, не сдаваться. За каждым поворотом нас ждет шанс.

50. *Имя пользователя: TanagRRa*

Количество отметок «понравилось»: 10

Оценка книги (из 5): 5

Начну с биографической справки об авторе:

Джин Квок иммигрировала из Гонконга в Бруклин, когда ей было пять лет. Все свое детство она работала на фабрике по пошиву одежды в китайском квартале. Днем училась в муниципальной школе, а вечерами, до самой ночи, работала в невыносимых условиях за сущие гроши. После школы ей удалось выиграть стипендию для учебы в Гарварде, и работая сразу на четырех работах, она училась в одном из самых лучших университетов мира, который блестяще окончила, получив диплом по английской и американской литературе.

Роман весьма автобиографичен (отчасти), на мой взгляд. Главной героине книги с незаурядными способностями приходилось сталкиваться в многими трудностями, она росла на глазах. Да что там, она уже была намного старше психологически своих сверстников, уж им точно не приходилось до ночи работать на фабрике, греться у единственного источника тепла в квартире - у кухонной плиты. Между делом отгоняя от еды и от себя тараканов и крыс. И это лишь малая часть всех бед молодого растущего организма, который эмигрировал из Гонконга в Америку. После окончания чтения я не задумываясь добавила книгу в число своих любимых. Дилемма девушки для меня очень близка. Не то, чтобы я жила в трущобах или отгоняла от себя тараканов и крыс. Суть не в этом. Кимберли всегда

мечтала самореализоваться, зарабатывать деньги, чтобы обеспечить жизнь свою и матери. И она просто неизбежно шла к этой цели. Но хотелось и любви. И это в ее жизни появилось. До определенного момента, когда у нее появилась проблема выбора приоритетов. Счастье, любовь и домашние хлопоты, так сказать, "рай в шалаше". Либо безбедное будущее, но.. Без должного счастья, одиночество, сын без отца.. Знаете, после того, как я закрыла эту книгу, я не могла долгое время ни о чем думать. Мне стало не по себе. Я слишком близко к сердцу восприняла финал всего этого. Мне нужно было прийти в себя, ушла в ванну, умыла лицо холодной водой. Посмотрела в зеркало. Что увидела? Девица в расцвете сил, такой же аналитический склад ума и способности складывать и анализировать всевозможные ситуации в уме. Мотаюсь по командировкам. Безвылазно. Второй год. Все карьерные возможности сами прыгают мне в руки вот уже лет с 15ти (в героине романа я узнала себя). И что я имею? Родители с трудом узнают меня спустя 2-3 месяца командировок, с любимым человеком видимся каждый раз как в первый и последний, а друзья.. Вообще уже забывают, как зовут. Правильно я сделала выбор? В 24 года за душой ни ребенка, ни котенка.. Ни даже таких перспектив в ближайшем будущем. Не пожалею ли я об этом выборе в 30 лет, как и главная героиня романа? Не знаю. Скорее всего, теперь и мне пора уже определяться с выбором. Тянула, как могла.. Иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили. Простите, если вышло слишком сопливо.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ КОРПУС ОТЗЫВОВ НА РОМАН «DIE UNDANKBARE
FREMDE» И. БРЕЖНА

1. *Имя пользователя: Kats.*

Количество отметок «понравилось»: 1

Оценка книги (из 5): 3

Mit grossem Stil, vielen Wortspielen und interessanten Einblicken in die Westeuropäische Gesellschaft vor 40 Jahren wie auch heute geschrieben. Leider ereignet sich nicht wirklich etwas während dieser zwei Zeitstränge, ausser dass die vielen negativen Beobachtungen mit der Zeit etwas sanfter und einsichtiger werden.

Für meine Kursteilnehmer im Deutschkurs ist dies eine sehr schwierige Lektüre (aufgrund der Sprache, des Stils und der fehlenden Handlung), und ich weiss nicht, ob sie es bis zum Ende durchhalten werden.

Muttersprachlichen Lesern würde ich das Buch durchaus empfehlen, besonders wenn sie selbst einen Migrationshintergrund haben.

2. *Имя пользователя: Esther.*

Количество отметок «понравилось»: 0

Оценка книги (из 5): 4

Mit punktgenauen Worten beschreibt Irena Brežná scharfzünftig die Schwierigkeiten einer Emigrantin in der neuen Heimat, die immer doch die Fremde bleibt und in der sie immer doch die Fremde bleiben wird.

Die Erinnerungen der Ich-Erzählerin aus ihrer Jugend, in der sie mit ihrer Familie aus der Diktatur in die strahlende Freiheit emigriert ist, werden mit Abschnitten abgewechselt, in denen sie von ihren Erfahrungen als Dolmetscherin für Asylbewerber, Kleinkriminelle, Kranke und sonstige offizielle Fälle berichtet.

Ihre früheren eigenen Schwierigkeiten, mit den neuen Gegebenheiten zurechtzukommen, werden in diesen Dolmetscheraufträgen widergespiegelt, wobei der Leser aber merkt, dass die Ich-Erzählerin diese im Laufe der Zeit überwunden hat.

Am Ende erfährt der Leser mit einer fast versöhnlich klingenden Note, wie sich die Ich-Erzählerin (die sicherlich viele oder sogar ausschließlich autobiografische Züge hat), aus ihrer widersprüchlichen Gefühlswelt eine ganze eigene Lebensform geschaffen hat.

Obwohl bei meiner „Emigration“ der Kulturschock sicher nicht mit ihrem zu vergleichen ist, musste ich bei vielen ihrer Gedanken und Anprangerungen zustimmend mit dem Kopf nicken. Sowohl für Schweizer als auch Eingewanderte ein überaus lesenswerter „Erfahrungsbericht“.

Ein scharfes und kritisches, dabei überaus treffend analysierendes Buch.

Ich frage mich abschließend nur, ob mit dem Titel die Emigrantin oder das fremde Land gemeint ist...

3. *Имя пользователя: Annett.*

Количество отметок «понравилось»: 0

Оценка книги (из 5): 1

Die Buchidee generell fand ich - gerade vor dem Hintergrund heutiger Ereignisse - sehr spannend und freute mich auf Einsichten "von aussen" auf die Schweiz. Zwar wird dies (nehme ich an) auch geboten, doch hat mir die verschwurbelte Sprache der Autorin dermassen abgelöscht, dass meine Wahrnehmung der Inhalte wahrlich ein wenig getrübt wurde. "Das gekenterte Kind trieb auf dem Fettfloss." What?! Leider absolut nicht mein Ding, auch wenn ich die im Buch verwobene Autobiografie der Autorin, die in den 1960er Jahren aus der damaligen Tschechoslowakei emigrierte, sehr interessant gefunden hätte. Die in den Text eingeflochtenen Begegnungen ihre Dolmetschertätigkeit für Flüchtlinge und Asylsuchende bleiben fleisch- und zahnlos und bewirken bei mir nicht ein einziges Mal, das ein Bild der in diesen Dialogen beschriebenen Menschen vor meinem geistigen Auge auftaucht. Alles wirkt beliebig, es könnte auch nur eine einzige Familie sein, deren Erlebnisse sich durch die Jahre hindurchziehen. Dazwischen erzählt sie ihre Geschichte oder die ihres Alter Egos, beschreibt die (schrecklichen, langweiligen, fehlgelaufenen...) Begegnungen mit den Einwohnerinnen (noch ohne Stimmrecht) und Einwohnern der Schweiz. Leider so gar nicht meins, was ausschliesslich am Schreibstil liegt. Vielleicht frage ich nochmal die Kollegin, warum sie von dem Buch so begeistert war...

4. *Имя пользователя:* Alexandra Tobor.

Количество отметок «понравилось»: 1

Оценка книги (из 5): 4

Wunderbares Buch über das Befremden einer Fremden. Ein Muss für alle Ostblock-Migranten (Identifikation!) und Menschen, die alles als "deutsch" verunglimpfte nicht schätzen. ;)

"Auch frische Laubpracht galt als Schmutz. Gierige lärmende Staubsauger kurvten herum und verschluckten die raschelnde Vertrautheit. (...) Nichts als abhauen wollte ich aus der gepflegten Leere, wo man mich maßregelte, und zurückkehren zu den Gehsteigen meiner Stadt, auf denen Müll herumlag. Zuhause war dort, wo es bekannte Lebensspuren gab. Ihr Gestank wurde in der Fremde zum Duft der Heimat und der Freiheit."

"Ich verlor das Recht auf Geben. Verschenkte ich etwas, löste ich Verlegenheit aus. Sie wurden nicht froh davon. Mein Geschenk hat sie in Schuld gestürzt. Und in Verbindung. Sie fühlten sich verpflichtet, dasselbe mit Selbem auszugleichen."

5. *Имя пользователя:* lauer.

Количество отметок «понравилось»: 0

Оценка книги (из 5): 4

Dieser Roman beleuchtet Wunderbares Buch über das Befremden einer Fremden einmal nicht aus der vorschnellen Beurteilung aus deutscher Sicht. Sehr gute Möglichkeit in diesem Roman in die Rolle von Zuwanderern zu versetzen.

6. *Имя пользователя:* deutlich.

Количество отметок «понравилось»: 3

Оценка книги (из 5): 5

Man hat beinahe das Gefühl, dass die Autorin mit diesem Buch den Schweizern eins auswischen möchte. Andererseits ist es bewundernswert, wie sie trotz aller Anfeindungen doch ihren Weg gefunden hat. Vieles, was so nebenbei beschrieben wird stimmt nachdenklich, um das Thema "Fremde in unserem Land" noch einmal zu überdenken.

7. Имя пользователя: clarawolf.

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 5

... selbst eine fremde in der schweiz. dieses buch zu lesen war wie eine offenbarung: der schriftstil, die wahl der methodik, die extrem scharfe beobachtung, die doch so leichtfüßig und selbstverständlich daherkommt, lässt tief blicken. tief in eine längst verinnerlichte und verstandene kultur in der jemand ankommt ohne sich selbst zu verlassen. analytisch und ohne hohn wird die fremde kultur seziert und mit dem "mutterland" verglichen, es geht nicht um besser oder schlechter, sondern einzig um das verstehen und die entdeckung des anderen in uns selbst und dem gegenüber, dass abstreifen der angst vor der fremde und die suche nach der kommunikation. wie erfüllend, wenn jeder selbst seine muttersprache so scharf beobachten und über dieses alltägliche gut seine eigene kultur besser verstehen könnte. ich habe diese buch per zufall gelesen, nach einer nacht war es leider verschlungen, es gehört aber zweifellos zu jenen, die ich nicht weiterverschenken werde, sondern in gebührenden abständen immer wieder zum lesen hervorholen werde. eine buch, wie ein schatz.

8. Имя пользователя: Ruth Justen.

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 5

Ein kleines Buch voller Tiefgang ist der slowakisch-schweizerischen Schriftstellerin Irena Brežná mit "Die undankbare Fremde" gelungen.

Die Erzählung folgt der Hauptfigur, einer Dolmetscherin in der Schweiz, die selber aus der Slowakei nach dem gescheiterten Prager Frühling geflohen ist. In Rückblenden beschreibt die Autorin die Zustände in der alten Heimat, die Diktatur und die Gewalt, die auf den Prager Frühling folgte. Irena Brežná skizziert aber auch die neue Heimat. Sie beleuchtet das Aufeinandertreffen der Fremden und der Einheimischen, die Reaktionen von Beamten, Ärzten und Nachbarn auf die Flüchtlinge. Hinter der freundlichen Maske verbergen sich eine latente Fremdenfeindlichkeit und die Verlustängste der Wohlstandsgesellschaft. Die Erlebnisse wecken den Widerspruchsgeist der Dolmetscherin. So wird sie Stück für Stück zur undankbaren Fremden.

9. Имя пользователя: Lukas.

Количество отметок «понравилось»: 1

Оценка книги (из 5): 4

Die slowakische Autorin erzählt von den Schwierigkeiten durch Ihre emotionale und sinnliche Prägung mit der distanzierten Art der Schweizer. Was zunächst ein Aufeinanderprallen ist ("Zu jung war ich für dieses erwachsene, vernünftige Land."), wird aufgelöst, als die Erzählerin mit zunehmendem Alter beginnt, Vorteile beider Kulturen zu sehen und darüber eine eigene Identität entwickelt.

Frau Brezna verfasst hier ein Plädoyer für ein Einlassen der Alteingesessenen und Einwanderer aufeinander. Wer liest, um andere Perspektiven zu gewinnen, wird an diesem Buch mit seinen scharfsinnigen Beobachtungen Freude haben. Die zunächst einseitige Sichtweise der jungen Ich-Erzählerin wird dabei gebrochen durch die eingeschobenen Erzählungen von Migrantenschicksalen. Provokativ und insgesamt sehr gelungen!

10. *Имя пользователя: Leserin.*

Количество отметок «понравилось»: 4

Оценка книги (из 5): 5

Sehr gut geschriebenes Buch, in einem sehr guten Deutsch. Das Buch gehört zu den Büchern, bei denen man nicht mehr aufhören kann zu lesen - interessant und spannend.

11. *Имя пользователя: Dienina Casta.*

Количество отметок «понравилось»: 6

Оценка книги (из 5): 3

Ich hatte viel von diesem autobiographischen Buch erwartet. Leider konnte es dem doch nur teilweise gerecht werden.

Eine junge Frau emigriert mit ihrer Familie aus der CSSR in die Schweiz und beschreibt, wie schwer es ihr fällt, sich mit dem neuen Land zu arrangieren und heimisch zu werden. Diese Beschreibungen sind sehr abstrakt und gleichen eher einer Aufzählung der Unterschiede, die sie nicht akzeptieren will. Unterbrochen werden diese recht kurzen Passagen von ebenfalls kurzen Passagen in denen eine Dolmetscherin von den Menschen berichtet, zu denen sie zu Übersetzungen hinzugezogen wird. Dabei werden die unterschiedlichsten Schicksale und Probleme osteuropäischer Emigranten dargestellt. Diese Passagen fand ich interessant und gut dargestellt.

Beeindruckt hat mich der Sprachschatz der Autorin und ihre Fähigkeit, Details, Stimmungen und Eindrücke in einer wunderbar bildhaften Sprache darzustellen. Auch gelingt es ihr sehr gut die Gründe, und seien es noch so kleine Dinge des Alltags aufzuzeigen, die die Integration so schwer machen. Zudem zeigt sich in den Szenen in denen die Dolmetscherin auftritt, mit welchen Hoffnungen, Verzweiflungen und Belastungen die Betroffenen umgehen müssen und weshalb sie daran scheitern. Dies schafft Verständnis für diese Menschen und eine Sensibilität für ihre Situation.

Leider fand ich die Beschreibungen die junge Frau betreffend recht mühsam zu lesen und ich konnte mich nicht mit ihr identifizieren. Auch ist die Handlung ohne Spannungsbogen, eigentlich ist es gar keine Handlung. Letztlich reduziert es sich auf die Darstellung der Unterschiede, wobei die Lebensweise der Schweizer im Gegensatz zu denen der Tschechen in keinem guten Licht stehen, weshalb im Umkehrschluss das Leben

in der Diktatur als besser angesehen wird als das in der freien, demokratischen aber als spiessig und kleinkariert beschriebenen Schweiz.

Das Ziel, die Probleme des Fremdseins, die Schwierigkeiten der Anpassung aufgrund der verschiedenen länderspezifischen Mentalitäten darzulegen um Verständnis zu gewinnen gerät so ins Gegenteil durch die permanente Abwertung der Lebensart des Gastlands. Lediglich in den Passagen der Dolmetscherin kommt hier und da zum Ausdruck, welche Vorteile ein Leben in der Schweiz hat.

12. *Имя пользователя: Sirisiri.*

Количество отметок «понравилось»: 3

Оценка книги (из 5): 1

Der Titel ist sicher gut gewählt für diese Befindlichkeitsliteratur. Es werden - sprachverliebt - diverse, zusammenhanglose Szenen geschildert, die die Ich-Erzählerin nach ihrer Flucht aus der Tschechoslowakei erlebt. Sie beobachtet Alltagsverhalten, Sprache und Umgangsformen in der Schweiz kritisch. Das kann man machen. Aber die Geschichte kommt nicht vom Fleck, es entsteht keinerlei Spannung und die Erzählerin geht mir in ihrer ewigen Selbstbetrachtung schlicht auf die Nerven. Ich erkenne keine Entwicklung. Und ich frage mich, warum schreibt sie nach mehr als 40 Jahren dieses Buch?

Hat denn so gar keine Integration stattgefunden?

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОРПУС ОТЗЫВОВ НА РОМАН «DIE
UNDANKBARE FREMDE» И. БРЕЖНА

1. Имя пользователя: Godefria

Количество отметок «понравилось»: 28

Оценка книги (из 5): 5

"Оставив родину в привычной глазу тьме, мы приближались к светящейся чужбине." Каждый раз, переезжая с места на место, я ловлю себя на том, что говорю о новом пристанище "здесь, у них", а о предыдущем: "у нас". Хотя предыдущее тоже не было постоянным, не тем местом, где я родилась или выросла. Целый год могу брюзжать, привыкая, закатывая глаза. Ну что за люди? Что это за порядки? Посмотрели на себя со стороны бы! У них так не принято! Как можно делать так? А вот так не делать? И они считают нормальными себя, а всех остальных ненормальными! Потом что-то происходит со мной. Я начинаю говорить "у нас". У нас тут готовят не так... у нас тут лучше так не говори, можешь нарваться... у нас тут такое не носят и даже не продают. Мое "у нас" растянулось и включило в себя еще одно место с его труднообъяснимыми правилами и реалиями. То, что "мое" растянулось совсем не означает, что само новое место растянулось до такой степени что бы назвать меня "своей", "нашей". Я никогда ей не стану. В этом нет ничего обидного. Ведь местное во мне лишь верхний слой, будут слои еще и еще. Я не готова принять дар свойства, даже если кто-то необычайно расщедрится. Но когда приеду в новое место, буду вспоминать и рассказывать там о предыдущем. Как будто оно мое и я оттуда. Может, оно и есть мое? Мое. Только не целое мое. А часть моего. Но речь не обо мне. В книге речь ведется об интересном антропологическом исследовании. О жизненном опыте привыкания славян к немецкой культуре. Автор - чешка, с усилиями, но успешно освоившаяся в Швейцарии. Но повесть и не только о ней. Здесь о людях, прошедших путь от "у них" до "у нас". И о тех, кто так и остался в стадии "у них". О душевных переживаниях и тех, и других. Об авторском рецепте обретения своей принадлежности. К чему? К земле ли, общине, национальности, культуре или к чему-то еще? Возможно ли вообще приобрести собственную принадлежность к какой-то общности, которая приютит, даст ощущение родины? Меня давно этот вопрос волновал, это мой коан. Она дала мне подсказку. Чужестранка практически решила мой коан! И задала новый. Усложненный. Мне теперь над ним думать и думать. Я не знаю подойдет ли мне ее рецепт. Точнее знаю, что в большинстве случаев не подойдет, потому что я перемещаюсь по одной и той же стране. В которой уместилась бы не одна сотня европейских стран. Которая 1/6 суши и только на первый взгляд имеет однородную национальность. Которая насчитывает сотни, а то и тысячи народностей и племен, но при этом враждебно настроена к приехавшему из другого места своей же немногочисленной страны, называет его "пришлым" или "понаехавшим". Для понаехавших нет центров ассимиляции и

даже правил терпимости в кодексе поведения принимающей стороны не предусмотрено. Благодарить или не благодарить пришлому или понаехавшему принимающую сторону, как правило, не за что. Так же как и принимающей стороне. Такие высокие отношения. Они несомненно приведут нас к светлому будущему. Чужестранке же, при всей лавине эмоций не в чем было обвинить принимающую сторону, кроме как в разности культур и необходимости подстраиваться под чужую. Ее неблагодарность во время чтения может показаться вызывающей, а сарказм надуманным. Да, она приехала в чужую страну не от хорошей жизни. Но чужая страна ведь не виновата в том, что ее прежняя жизнь была нехорошей. Но выходит, что виновата в том, что трудно в нее вжиться. Виновата в том, что она такая какая есть. К слову, не самая ужасная на свете. Сложно прожить жизнь не раясь и не обвиняя. Благодарных "понаехавших" никогда не будет. Людей, способных испытывать благодарность, вообще, очень мало. Да и со стороны они выглядят непрактичными чудаками. Чужестранка не чудачка. Чужестранка благодарит саму себя за то, что все же поняла, что-то прежнее отторгла или оставила, что-то новое приняла или отторгла, смешала, в итоге - привыкла, смогла. Наверное, это здоровое решение, хотя бы потому, что благодарность направлена к живому человеку, к себе, а неблагодарность к абстрактному. К государству. О национальной разности. Давно подмечено, что славянам нужно братание, ощущение себя в общине. Германская группа народов стремится к порядку и границам в общении. У одних душевно и с сарказмом, даже в языке десятки смыслов для разных граней одной эмоции. У других долг перед системой, рациональный просчет будущего и не допущения никакого сбоя в общественных правилах поведения. Хочешь пошутить? За этим в театр. Книга интересна еще и тем, что показывает новый виток в многовековой истории взаимоотношений соседских племен. У них там во все времена было интересно и теперь не исключение. Еще один заслуживающий внимания момент - болезни вынужденных переселенцев. Книгу будет интересно почитать врачам или даже больным. Автор работала переводчиком, участвовала в медицинских приемах и рассказывает нам об этом. Пережив тяжелейшие испытания - войну, рабство, насилие, нищету - люди болеют. Телом и душой. Здесь даже искать, гадать и обосновывать причинно-следственные связи между душевными переживаниями и физическим здоровьем нет необходимости. Все очевидно. И снова к благодарности. Люди, перенесшие настоящие трагедии, глубочайшие травмы, получив возможность жить без рисков снова стать жертвой, по сути второй шанс выжить, тоже не благодарят. Словно боятся или стыдятся. Но и вызывающей неблагодарности не испытывают. Им не до гордыни. В отличии от уважаемого автора.

2. Имя пользователя: kinijane

Количество отметок «понравилось»: 24

Оценка книги (из 5): 2

Крошечная книжка, из которой бьют фонтаны говна выше Женевского (140 м), вызывая ответные фонтаны внутри читателя, особенно если он в теме. Ирена Брежна пишет о своей иммиграции (или бегстве, я так и не поняла) из Чехословакии в немецкую часть Швейцарии и сопутствующих этому проблемах и эмоциях. А эмоция у неё всего одна – большая жирная чёрная гусеница гордыни ("Я звезда! Я не такая как все!"), овеянная душком вопиющей неблагодарности стране, которая её приютила. Я понимаю, что определённые недовольства из-за различий в культуре и менталитете и снижение градуса ожиданий, а также банальная ностальгия могут смущать и раздражать эмигрантов, но Брежна хаёт и методично обсирает каждый кирпичик уклада швейцарской жизни, причём каждый раз в сравнении, возвеличивая себя. Это не трогательная хроника чужих страданий: ее тщеславное нытье просто беспардонно унижает целую страну - и это в век повальной толерантности. Предоставляю перечень Ирениных претензий: никто не понимает её инаковость (это слово повторяется раз 50), слишком много света, все слишком вежливые и тактичные, в магазине никто не болтает в очереди, потому что нет дефицита и сплетничать не о чем (претензия так и звучит!). Одна она во всей стране сердобольная, кормит бездомных кошек, никто не разговаривает с ней, НО абсолютно все мужики слетаются на её экстраординарную красоту, потому что все швейцарки – некрасивые и со скучными фигурами (дословно). Как раз-таки реальных недостатков вроде высоких цен или переходящей все границы толерантности, Брежна не упоминает, зато все 180 страниц рассусоливает дурацкий стереотип о том, что все швейцарцы – люди зашоренные, никогда не выходят за рамки правил, дорогу на красный не перейдут (только так и ходят между прочим), детей растят роботами, и только она одна пёстрая полнокровная бабочка, попавшая в клетку удушающих правил. Единственное, что ей тут нравится – это другие иммигранты, с которыми можно над страной поржать и поиздеваться. Читая все это, хочется произнести банальную, но рвущуюся с языка истину, вроде "Ну и вали обратно, раз тебе так плохо". Но нет же: Брежна до сих пор живёт здесь, состоялась как писательница, пишет книги на немецком, а за эту мерзкую эпиграмму даже получила престижную швейцарскую премию. Не понимаю такого неуважения страны к себе, потому что только в конце книги после пресловутого кашечного фонтана, она парой фраз вскользь сообщает о том что: "да нет, ребят, страна в целом норм, ибо я смогла сохранить инаковость, не подчиняясь её правилам". Ну слава богу, Ирена наконец довольна, а то мы так волновались, как она там, страдала, за бугром окаянным. Немного цитат, дабы вы поняли масштаб самолюбия: "Болтали, будто я неприступна. А я стремилась к общению, хотя красота, словно телохранительница, отгоняла многих. Инаковость шлифовала меня, как ювелир" Мужчины любого возраста, любого размера ноги и любого IQ выражали свои притязания взглядами, и свистом, и словами, и жестами, и руками. Нам было и душно, и страшно, и удивительно – чего только не творила наша внешность. А здесь чудес не происходило: солнце ничем не отличалось от налогового консультанта, совершавшего свой путь по раз и навсегда заданному маршруту. "Они подстригли меня наголо и расфасовали по стерильным баночкам.

(Прям концлагерь!) Нет. Их принудительному неврозу я противостояла свою истерию, с воплем бежала от них. Оставалась грубой плотью, поверх которой росла колючая шерсть." Кстати читала я эту книжку вечером в Берне, пока за окном в мареве фестиваля веселились, пели и мусорили сотни швейцарских немцев, отчего-то забывших о своей флегматичности, узколобости и чётких правилах. И о том, что не оправдали надежд богоподобной Ирены Брежны.

3. *Имя пользователя: АнаМоана*

Количество отметок «понравилось»: 8

Оценка книги (из 5): 5

Это путь через ощущения, через отторжение и бунт до понимания и принятия новой жизни и нового мира. С грустью о пути, которой она прошла и который смогут или не смогут пройти ее же соотечественники.

4. *Имя пользователя: АнаМоана*

Количество отметок «понравилось»: 23

Оценка книги (из 5): 4,5

- Меня зовут Эмиграция. Моя родина – иностранка. Отсюда я не дам себе эмигрировать. Этот роман отчасти автобиографичен. В восемнадцатилетнем возрасте Ирэна Брежна эмигрировала из Чехословакии в Швейцарию. Этот факт добавляет достоверности книге. Главная тема произведения это эмиграция в целом, процессы ассимиляции, одиночества в толпе, чужеродности, инаковости и «выброшенности за борт» общества. Главная героиня романа загадочная обезличенная эмигрантка «Я», которая приехала в Швейцарию и пытается прижиться в чужой стране. Ирэна Брежна делиться своим опытом непосредственно через свою героиню «Я». Героине тут все чуждо. Пунктуальность, точность, скрупулезность, эмоциональная закрытость и сдержанность местных, «негостепреимство» и душевное безразличие. Каждый просто делает свою работу: служащие лагеря для эмигрантов натянуто улыбаясь исполняют свои обязанности с точностью швейцарских часов, психологи и психиатры «поверхностно» без лишних эмоций пальпируют душу чужестранца, полицейские беспристрастно выписывают штрафы за маленькие нарушения, за которые на родине бы «простили». Такое одинаковое отношение ко всем: и швейцарцам и чужим. Конечно, новоприбывшей героине «Я» все это чуждо, как и она сама чужда всем. На какие компромиссы со своим личным «Я» может пойти человек, чтобы прижиться? Каждый выбирает свой путь. Некоторые приезжают со своим уставом в чужой монастырь, другие – со всех сил стараются наладить контакты, выучить язык и перенять способ жизни. Но все равно, по прошествии даже нескольких десятков лет и первые и вторые на вопрос «Кто ты?» ответят: «Я приехал из ...». Родину так просто не сбросишь со счетов. И только следующее поколение будет говорить: «Я - местный». Это очень интересная книга. Хоть и практически бессюжетная, но очень трогательная, какая-то личная и актуальная.

5. *Имя пользователя: HeadOnTheDoor*

Количество отметок «понравилось»: 5

Оценка книги (из 5): 2

Не знаю, стоило ли писать целую книгу, хоть и крохотную, если из названия все и так ясно, как Божий день. Речь, собственно, о неблагодарной чужестранке. Плохая страна - слишком чистая и правильная. Плохие люди - слишком добрые и тактичные. Порядок во всем - да это же просто ад какой-то. Вот и вся суть книги, даже добавлять нечего. Не мне, конечно, судить о состоянии людей, которые покидают родной дом, страну ради лучшего мира. Наверное, это действительно так ужасно, как и описала Ирена в данной книге. Однако, со своим уставом в чужой монастырь не ходят, что и стоило бы понять главной героине. А неплохо бы еще и поменьше драматизировать, жалеть себя и этот мир вполне может оказаться лучшим. Есть крыша над головой, работа, еда, а дальше уже все зависит только от нас самих. В общем, впечатления на меня эта безумная каша из эпитетов, олицетворений, сравнений, метафор и тд. и т.п. не произвела.

6. *Имя пользователя: dkatya*

Количество отметок «понравилось»: 18

Оценка книги (из 5): 3,5

Хм, у меня остались очень смешанные чувства по поводу этой книги. Одно знаю точно, что книгу надо читать, независимо от того, нравится она или нет. Потому что Брежна нащупала такую животрепещущую жилку на теле европейской действительности, игнорировать которую больше нельзя. Это иммиграция как явление. Что чувствует иммигрант, оказавшись на территории, где “реки текут молоком и медом“? Как может он, внутренне все еще живущий по неписанным законам своей старой родины, приспособиться к совершенно иной модели существования? Как безболезненно перейти от жизни в обществе, где выживание в одиночку практически невозможно, к ситуации, когда privacy (слово, которое на наш язык одним словом даже и не переводится) является главной ценностью? Я лично никогда не эмигрировала. Просто в 90е, когда границы, наконец, открылись и для простых смертных, я, как и огромное количество моих однокурсников, просто уехала работать по контракту. С одним чемоданчиком и серпастым-молоткастым в потном кулачке. Тогда я думала, что уезжаю только на пару лет, а оказалось, что на всю жизнь. Помотало меня по разным краям в досталь, и постепенно я начала осознавать свой статус цветка в проруби, летучего голландца, который уже никогда не назовет домом ни одну страну... Я с любопытством (хотя порой не без раздражения) читала исповедь главной героини о привыкании к жизни в чужом краю. О болезненном прорастании в чужой почве, обретении новых корней. В принципе книга сделана с точки зрения того, кто-таки нашел свою нишу в новом обществе, и жестко контрастирует с историями тех, кто не мог этого сделать. Вот этот момент в книге самый слабый. Мы видим, как тяжело приживалась ГГ в Швейцарии, но момент ее приятия нового уклада кажется мгновенным, как Откровение Божие – судья, оправдавшая ее в деле о клевете, является ей неким

Ангелом Правосудия, и с этого момента ГГ как по мановению волшебной палочки примиряется с различиями в обычаях ее старой и новой родин. В принципе я ее понимаю, потому что прошла похожий путь – эти самые различия, которые казались раздражающе очевидными в начале, со временем не то что утратили значимость, но просто перестали застилать то хорошее, что есть в новой стране. А оно-таки там есть. И также как для Брежневой, это хорошее воплощается для меня в мощной демократической традиции, присущей Западным странам, и, к сожалению, по-прежнему отсутствующей в России. Но в отличие от Брежневой, мне так и не удалось перенять индивидуалистический взгляд на мир. Претит мне и ее слегка отдающая брезгливостью жалость к тем, кто так и не смог переступить через себя, и так и живет согласно обычаям своей старой родины. Может быть потому, что часть меня по-прежнему живет именно теми обычаями...

7. Имя пользователя: Эмца

Количество отметок «понравилось»: 109

Оценка книги (из 5): 3

Когда люди мечтают уехать в другую, более благополучную страну, они не представляют себе, какой болезненной будет потеря социального статуса.

А дети вообще не выбирают, их просто перевозят с места на место, как мешок картошки. При этом если в стране творились всякие ужасы, в деском мире не обязательно было плохо. И когда ребенка вырывают из родной среды явочным порядком и определяют в место, где он беженец, а поэтому лицо второго сорта, даже в сладкой Швейцарии ему невесело.

Но ведь так бывает не только у детей. Взрослые тоже отправляются в землю обетованную, а потом вдруг разом осознают, что у другого, такого желанного образа жизни тоже есть оборотная сторона. И тогда происходит переоценка. "Как хорошо мы плохо жили", говорят друг другу переселенцы и ругают новую родину за то, что она другая.

Книга о том, как будучи космополитом на родине вдруг остро ощущаешь свою национальную принадлежность на чужбине, и ценишь ее, и лелеешь, и совершенно не торопишься растворить и ассимилировать. Как унижительно ощущать себя достойным жалости в силу места своего рождения. Как тяжело быть чужим, другим, непохожим по сути, культуре, воспитанию.

И о том, что нет достоинства в позиции жертвы. Приспособиться, прочувствовать благодарность, принять другой образ жизни со всеми его плюсами и минусами и все-таки найти свое место на чужбине намного труднее, чем увязнуть в оппозиции.

Героиня сумела найти себя через овладение языками и помощь другим беженцам. О своем опыте она написала эту маленькую книгу. Простая, косноязычная и бесхитростная история будет полезна всем, кто мылит лыжи и увязывает котомки

8. *Имя пользователя: Мотосай*

Количество отметок «понравилось»: 81

Оценка книги (из 5): 4

Роман небольшой по объему и здесь говорится там о тех, кто был вынужден бежать за границу в поисках лучшей жизни. Поэтому как ни крути она немного и обо мне.

Речь идет от лица девочки, семья которой переехала (а по факту бежала) из Чехословакии в Швейцарию.

Переехали они и дальше начинается этап адаптации – как она ходила в школу и заводила новых друзей, как работала переводчиком в больнице. Этой девочке все вокруг непонятно, она не может приспособиться к новой реальности, постоянно думая – а у нас было так-то, сяк-то. Служба беженцев работает без души, люди вокруг не хотят им помочь. При этом обвинений как таковых и нет, просто сокрушается, что все не так как она привыкла.

Ну что тут скажешь? Бедному Ванюшке, везде камушки.

В итоге героиня все же ассимилируется.

Даже несмотря на то, что некоторые моменты показались наивными, в целом все верно. Люди «поуехавшие» ждут, что новое место будет к ним благожелательно и встретит с распростертыми объятьями.

Это тебе крупно повезло, если так.

9. *Имя пользователя: Shishkodryomov9*

Количество отметок «понравилось»: 33

Оценка книги (из 5): 4

"Дом - это место, где можно побрюзжать." Данное произведение содержит еще много остреньких фраз, облаченных в прекрасный язык, юмористических и с предполагаемым смыслом. Вполне заслуживающая уважение позиция по поводу того, что беженец - это человек, а не животное. Ирония, образование, словарный запас - все это дает почувствовать, что перед нами равноправный член общества.

В книге хорошо освещены крайности европейской цивилизации, которые в своей сути давно достигли маразма. Скучный рационализм, предсказуемость и формальная вежливость давно превратили людей в роботов. Уверен, правда, что там, откуда приехала героиня, имеют место крайности иного рода. Подкупает, что речь идет о девушке, которая, судя по всему, списана писательницей с самой себя, то есть, покинула страну социалистического лагеря.

Конечно, от имени девушки пишет вполне состоявшаяся журналистка в возрасте, но она сохранила молодой задор, хотя труд этот, скорее всего, вынашивала долго. Прелестное брюзжание на вполне серьезные темы, оптимизм во всем, в книге описаны противостояния рационального послушания и расхлябанной творческой составляющей. В этой части мне все очень понравилось, меткий и глумливый взгляд автора блуждает по разным сторонам и внешне произвольно находит темы для своей критики. Такие фразы как "свобода выбора

чистящих средств" или "право на лень местных" абсолютно повсеместно. Или "сезон скидок на наказания".

В части противопоставления формальной вежливости и тому, что принято в странах попроще, я прочитал с интересом, хотя и не разделяю позиции автора. Предпочитаю дежурные улыбки искреннему хамству. Текст очень насыщенный, язык прекрасный, оценку снизил из-за разочарования в общей концепции и общей отдаленности автора, а это означает, что ее проблемы непонятны.

Действительно, Ирена Брежна прекрасно завоевывает все вокруг, ей ни к чему быть благодарной, эта книга хороша как поддержка и новые знания для обеих сторон - беженцев и принимающих, но написана в очень удачное время, когда беженцы иного рода. А между тем, сама писательница покинула родину еще в 1968-м. Понимаю, что подход очень журналистский, но ничего поделать с собой не могу - такая коммерция в творчестве мне не нравится.

Кроме этого умозрительного момента, который, конечно, совсем не литературен, книга прекрасна, очень насыщена и не кажется небольшой по объему, хотя таковой и является. Bravo, Ирена!